

Татьяна КАТРИЧ

Жизнь, по слухам, одна

Рассказы, повесть

г. Кемерово

2024 г

Один день

1

Понедельник выдался морозным, но за ночь заметно потеплело. Утром во вторник Серафима Павловна вышла из подъезда и радостно вдохнула прохладный бодрящий воздух. Минус десять в конце декабря по сибирским меркам просто подарок. Ветра почти не было, редкие снежинки медленно кружились в воздухе, переливаясь и вспыхивая в свете фонаря. Они падали на сугробы, продолжая посверкивать и там, создавая праздничную атмосферу.

«Какие погоды нынче стоят чудесные! – думала Серафима Павловна. – Вот бы до Нового года такая погодка задержалась».

Впрочем, эта радость не отменяла озабоченности, что возникла при виде тротуаров. Редкие снежинки лишь припорошили наледь, образовавшуюся от ног прохожих, поэтому шла Серафима Павловна медленно и осторожно. Обувь она носила хорошую, с нескользкой подошвой, но в свои почти семьдесят два года приходилось быть осмотрительной. Реакция и кости уже не те, что в молодости.

Несмотря на почтенный возраст, Серафима Павловна ещё трудилась, и этим ранним утром тоже направлялась в поликлинику, где работала врачом-нефрологом. От её дома до поликлиники было три остановки, но она предпочитала ходить пешком, справедливо полагая, что неспешная прогулка на свежем воздухе куда полезнее езды в переполненном транспорте. Путь проходил вначале по скверику возле дома, а потом по широкой яблоневой аллее, тянувшейся до самой поликлиники.

За двадцать минут прогулки Серафима Павловна успевала многое передумать. Нынче она вспоминала странный сон, который приснился под утро и был настолько реален, что она никак не могла от него отделаться. Сон был совсем короткий. Она увидела родительскую квартиру, в которой жила до замужества, и своего первого мужа, за которого выскочила двадцати лет отроду по большой и чистой любви. Она училась в то время на четвертом курсе мединститута и почти сразу родила единственную дочь. Муж быстро сумел остыть её любовь похождениями налево, пьянством и прочими атрибутами «красивой жизни». Окончив с красным дипломом 1-й Ленинградский мединститут, Серафима с двухлетней дочерью на руках вернулась в Сибирь к родителям. И буквально через несколько месяцев встретила здесь своего второго мужа, с которым потом прожила больше сорока лет в любви и согласии. К несчастью, он умер пять лет назад от онкологии.

Так вот, во сне первый муж оказался в доме её родителей, где на самом деле никогда не бывал. Он был молод, весел, сидел на диване, наигрывая на гитаре залихватскую мелодию, притоптывал ногой в такт музыке, при этом успевал озорно ей подмигивать. Тут же находился её второй муж, который никогда в жизни не встречался с первым. Он сидел у стола, смотрел на неё, ничего не говоря, и взгляд у него был такой грустный, что у Серафимы Павловны невольно сжалось сердце.

Осторожно передвигаясь по тротуару, она старалась держаться ближе к краю, там было не так скользко, и вспоминала странный сон. «Плохо ему, видно, там, – думала она о втором муже. – Надо свечку поставить за упокой души. Вот пойду после работы мимо часовенки, зайду. Говорят, покойники к перемене погоды снятся, не зря так резко потеплело».

Тут мысли переключились на предстоящий рабочий день. Она вспомнила, что на приём должен прийти бывший воин-афганец, получивший воспаление почек по пьяному делу уже после службы. Ему требовалось пропить курс антибиотиков, которые он принимать не соглашался. Афганец уверял врача, что ему хорошо помогают травяные сборы, что противоречило анализам. Скорее всего, зная о несовместимости антибиотиков и спиртного, он просто не хотел отказываться от своей пагубной привычки. Вот Серафима Павловна и думала, что делать с упрямым пациентом. Не направить ли его в стационар, раз домашнее лечение не помогает?

Неожиданно ей стало грустно: «Семнадцать лет на пенсии, и всё работаю. Этюдник и мольберт пылятся без дела, а у меня руки до них не доходят. Хочется ездить по миру и с натуры рисовать уточки прекрасных старинных городов: Рима, Парижа, Вены... Деньги на путешествия имеются, пенсия хорошая, и накопления есть. Хочется сделать много картин, организовать выставку, выпустить альбом. И как только люди не знают, что делать на пенсии? У меня столько планов, только когда я за них возьмусь? Вот доработаю до дня рождения и уйду. Хватит. Осталось меньше месяца. Честное слово, уйду! – в очередной раз поклялась самой себе Серафима Павловна. – И ещё сестру нужно навестить, последний раз на похоронах мамы виделись. Мама наша модеец, девяносто один год продержалась – в своем уме и на своих ногах. Нам со Светкой есть, с кого пример брать. Сестра хоть на пять лет старше и не работает давно, а бодрячком держится. Нет, надо съездить к ней в Москву, по «Золотому кольцу», в Питер. Там такие виды – закачаешься. Лучше всяких Парижей будут».

Занятая своими мыслями, Серафима Павловна быстро дошла до поликлиники. Ещё не было восьми часов, но в холле уже толпился народ. Посетители записывались на приём, сдавали кровь на анализы.

«Привычная кутерьма, у моего кабинета тоже народ. Назначай, не назначай время приёма, всё равно будут приходить, как вздумается. Ах вы, мои гусята!», – с нежностью подумала Серафима Павловна, улыбнувшись пришедшему в голову точному слову, потому что посетители сидели в коридоре рядом и дружно вытянули шеи в её сторону.

Она подошла к двери своего кабинета, расстегнула замок на наружном кармане сумки, чтобы достать ключ, и улыбнулась, здороваясь с пациентами. Неожиданно свет вспыхнул и погас. «Лампочка лопнула», – мелькнуло у неё в голове. Она медленно осела на пол. На лице застыла приветливая улыбка, потому что Серафима Павловна не успела понять, что умерла.

2

Татьяна Ивановна пришла на работу пораньше. Вчера выдался трудный день, на приеме было много пожилых пациентов, которые требовали к себе особого отношения. Им не нравилось, когда врач, выслушивая их жалобы, одновременно работала на компьютере. Самые капризные могли даже накатать жалобу в вышестоящие инстанции. Приходилось выслушивать их, выказывая заинтересованность, а информацию в компьютер вносить уже позже. Вчера она всего сделала не успела и выкроила для этого полчаса личного времени сегодня с утра.

Лариса, медсестра, с которой они работали в паре, ещё не пришла, в кабинете было тихо, только в коридоре слышался шелест бахил посетителей, которые пришли к семи тридцати. Иногда кто-нибудь толкался в дверь, но Татьяна Ивановна предусмотрительно закрыла её на ключ.

Первые две карты она заполнила быстро. Две старушки всегда приходили на приём вместе. Поход в поликлинику воспринимался ими как праздничное мероприятие, вроде посещения театра. Главное было набраться терпения и выслушать не столько жалобы на здоровье, сколько кучу историй и новостей по району. Лариса, острыя на язык, называла старушек «наши Добчинский и Бобчинский» и умело поворачивала их рассказы на прикладные темы. Вплоть до того, где можно дешевле купить нужный товар.

– Зря вы меня ругаете, что не даю вам приём вести, – обычно говорила Лариса после ухода этих старушек. – Для них за счастье поговорить. Им удовольствие, а нам пользы от их рассказов больше, чем если бы они жаловались на болячки.

Татьяна Ивановна заполнила ещё одну амбулаторную карту. Пожилая дама была из тех злостных льготников, что старались выжать из врача всё возможное и невозможное. Обеспечивала, наверное, потом лекарствами всех родственников и соседей, а то и приторговывала ими. Ларису такие больные

бесили, но Татьяна Ивановна относилась к ним снисходительно, по возможности не отказывала в просьбах и рецепты выписывала спокойно.

— Лариса, что ты такая правдорубка? — воспитывала доктор свою медсестру. — Государство дает людям льготы, наше дело их лечить. Всех в одну сумму не втиснешь, кому на три тысячи нужно лекарств, а кому триста рублей хватит. Не завидуешь ли ты, голубушка? Мама твоя тоже льготу имеет, так ты же льготу деньгами берёшь.

— Вот ещё! — фыркала Лариса. — Много у вас пациентов, которым триста рублей хватает? А маме я лучше за деньги куплю нормальных лекарств, чем буду по аптекам бегать, выпрашивать. Да и не подходят маме обычно их таблетки.

— В этом с тобой сложно не согласиться, хоть мы сами уверяем больных, что все производители одинаковые. Но для своих родных хотим лекарства от приличных фирм, а не какие-нибудь «брынцаловские». Кстати, его фирма ещё существует, или уже накрылась медным тазом?

В ответ на этот риторический вопрос Лариса лишь пожала плечами, и приём продолжался. Медсестре было хорошо за тридцать, но выглядела она превосходно: высокая, стройная, с густой гривой пепельных волос. Только личная жизнь не ладилась, она до сих пор находилась в «свободном поиске». И поиск этот грозил затянуться на неопределённо долгий срок, слишком уж свободолюбивой и язвительной она была. Какой мужчина захочет иметь рядом такую женщину? Иногда Лариса делилась тем, как мама её ругает: «Ты вспомни, Есенин говорил, что труднее всего притвориться дураком. У тебя не хватает ума притвориться чуть-чуть дурочкой, всё стараешься умной притворяться. На самом деле никакого ума, одна гордыня».

— Внуку очень хочет, — со вздохом объясняла Лариса.

Татьяна Ивановна взяла последнюю карту. Петров, ветеран, скоро девяносто лет разменяет. Всё пытается доказать, что во время войны ему присвоили звание Героя Советского Союза, но документы потерялись. Доктор усмехнулась, вспомнив вчерашнее посещение. Петров зашёл в кабинет по-барски вальяжно, уверенно расселся на стуле. На что Лариса, конечно, отреагировала со своим обычным ехидством.

— Товарищ Петров, — изумлённо всплеснула она руками, — вы в прошлый раз не могли сидеть, сказали, у вас осколок в позвоночнике. Весь приёмостояли, а нынче как же?

— У меня осколков полно, — подвигав кустистыми бровями, недовольно отозвался Петров. — В прошлый раз осколок в позвоночнике сдвинулся, я сидеть не мог, а нынче у меня колено заклинило, там тоже осколок «гуляет». Вы мне выпишете мазь и обезболивающее, — обратился он уже к доктору.

— Лариса, как можно, ты ему фактически нахамила! — возмутилась Татьяна Ивановна после ухода пациента. — Он на сколько лет тебя старше, воевал, ранен был не раз. И не забывай, семидесятилетие Победы приближается, к ветеранам должно быть особое отношение. Сама знаешь, их осталось всего ничего. А тебе лишь бы язык почесать. Ох, Лариса, ты и меня выведешь из терпения!

Угроза была серьёзной. Лариса считалась хорошим работником, но не могла ужиться ни с одним врачом, пока её не прикрепили к Татьяне Ивановне. Вместе они работали уже лет пятнадцать, и для всех было загадкой, как Лариса терпела от Татьяны Ивановны замечания и даже критику. В конце концов все просто приняли как факт, что люди сработались.

Тут внимание врача привлек шум, доносившийся из-за стены. В коридоре кто-то кричал, бегали люди и несколько раз задели дверь ее кабинета.

«Опять какая-то истеричка скандал закатила», — недовольно подумала врач, но не стала выходить в коридор, рассудив, что и без неё разберутся. Она быстро заносила данные в компьютер, торопясь закончить работу. Вдруг ключ в замке повернулся, дверь распахнулась, и в кабинет влетела Лариса.

— Ничего себе! Вы здесь? — воскликнула медсестра. — Сидите? А там Серафима Павловна умерла!

— Как? — прошептала потрясённая Татьяна Ивановна. — Как умерла? Когда?

— Прямо сейчас, возле кабинета, — ответила Лариса, упав на стул. — Мы её только что в кабинет занесли и скорую помочь с полицией вызвали.

— Надо дочери её позвонить, — растерянно отозвалась Татьяна Ивановна. И вдруг заплакала.

— Доработалась. Работала, работала и умерла на рабочем месте. Ушла бы на пенсию, глядишь, пожила ещё, — продолжала Лариса. — В деньгах вроде не нуждалась, и чего было надрываться?

— Ты не поймёшь, — устало ответила Татьяна Ивановна. — Она очень любила свою работу. И людей любила. И жалела — в отличие от тебя.

— Что вы, Татьяна Ивановна, меня всегда критикуете? — обиделась Лариса. — Вы считаете, я людей не люблю?

— Давай не сейчас, не до разборок. Пойду к заведующей. Надо уточнить, что с пациентами Серафимы делать. Люди не виноваты. Да и наш приём нужно начинать.

Доктор вышла из кабинета и вернулась только минут через десять.

– Простилась с Серафимой мельком, а то скоро в морг увезут.

Участковый пришел, даже тело смотреть не стал, – сообщила она Ларисе, присев на свое место. Потом продолжила: – Заведующая поделила больных между врачами, нам пять человек добавили.

– Опять вовремя не уйдем, это час дополнительный…

Татьяна Ивановна только сейчас обратила внимание на притихшего пациента, который зашел следом за ней и теперь растерянно стоял, не зная, что делать. Молодому человеку нужно было продлить больничный лист. Быстро закончив с ним и отпустив домой долечиваться, доктор продолжила прерванный разговор:

– Лариса, зачем ты так? Чего бузишь, человек умер. Перед этим всё меркнет. Да и пациенты ошарашены, на их глазах не каждый день врачи умирают.

– Можно подумать, мы к этому привычные, – буркнула Лариса, но развивать тему не стала, замолчала.

Приём продолжился. Трудились они ритмично и слаженно, причем Лариса вела себя идеально, даже когда во вторую смену пришлось потесниться и разделить кабинет с ещё одним врачом и медсестрой. В итоге приём закончили быстро. Усталые, вышли из поликлиники и, как обычно, отправились домой пешком. Жили они недалеко друг от друга, совместная прогулка была давней традицией. Сегодня, правда, не прогуливались, шли быстрым шагом, молчали. Настроение, несмотря на чудесную погоду, было хуже некуда.

– А ещё Степанов умер, – наконец заговорила первой Лариса.

– Какой Степанов? – вынырнула из своих мыслей Татьяна Ивановна.

– Как какой? – удивилась Лариса. – У которого дед царский генерал был. – И, видя, что доктор только напрасно морщит лоб, добавила: – Я его еще «сыном полка» называла.

Острые характеристики Ларисы всегда были точны, и Татьяна Ивановна сразу вспомнила этого пациента. Он обычно требовал себе кучу самых дорогих и новейших сердечных препаратов, которые даже в список льготных лекарств не входили. Числился ветераном, хотя, по их подсчетам, даже на момент окончания войны ему было лет четырнадцать.

– И что? – вяло поинтересовалась она. – От чего умер-то?

– От инфаркта. Самое интересное, этот Степанов так заврался, что страх потерял, написал жалобу в Москву. А там обнаружили, что его ветеранские документы фальшивые. На него в прокуратуре дело завели, он и умер от переживаний.

– Бог с ним, Лариса, царствие небесное. Вздорный, но всё же человек, жалко.

Медсестра пожала плечами:

– Да просто вспомнилось, а то идём, молчим. Простите меня, я в последнее время злая на язык стала. Да и так тоже... злая, – она неопределённо махнула рукой. – С мамой плохо, видимо, на ноги больше не встанет. И жалко её, и сама устала.

– Не сержусь я, Лариса, – уже сочувственно отозвалась Татьяна Ивановна. – Но ты держи себя в руках, глядишь, всёобразуется.

Они подошли к перекрестку, постояли немного, прощаясь, и разошлись по домам.

3

Квартира встретила Татьяну Ивановну громким тиканьем часов. Её раздражал этот звук. Но ещё хуже было, когда часы начинали отбивать вечерние часы: девять, десять, одиннадцать раз. Терпение её иссякало, и она требовала, чтобы муж остановил этот колокол. Беда в том, что часы были подарены супругу на шестидесятилетие и составляли предмет его особой гордости. Он как-то признался, что ещё в юности мечтал иметь в доме напольные часы в деревянном футляре, которые играли бы несколько мелодий. И вот эта материализовавшаяся мечта уже три года отправляла жизнь нашему добруму доктору. Каждый вечер в семье происходила одна и та же сцена: Татьяна Ивановна просила остановить часы, а муж отчаянно сопротивлялся, уверяя, что от этого они портятся, и вообще из спальни боя курантов не слышно. Единственное, что заставляло его угомонить самодовольный механизм, был вопрос жены: «Часы ему жалко, так ты хочешь, чтобы я испортилась?!»

Доктор переоделась в домашнюю одежду, вымыла руки и прошла в гостиную. Комната была небольшой, но уютной, чему особенно способствовали картины, висевшие на стенах. На них были изображены улочки старинных европейских городов, цветы, зелень и море, – в общем, всё, что любила Серафима Павловна, дорогая подруга, которая так внезапно ушла из жизни сегодня утром. Картины были подарены ею по разным поводам. На глаза Татьяны Ивановны навернулись слёзы, и она обессиленно опустилась в кресло. До прихода мужа с работы оставалось ещё часа три. «Ужин успею приготовить», – подумала она и разрешила себе немного погоревать без свидетелей.

Дружили они с Серафимой давно. Несмотря на разницу в возрасте, ощущали себя одним поколением. Родились в один месяц, потому имели

одинаковые знаки Зодиака и одно животное по восточному гороскопу – с разницей в двенадцать лет. Было много и другого общего: профессия, которую обе искренне любили, увлечение живописью, по одной дочери у каждой, дачные дела, кулинария. Мужья тоже были знакомы и хорошо ладили между собой. Пока муж Серафимы был жив, да и после его ухода они зачастую вместе отмечали праздники, выезжали на природу или на дачу друг к другу. И вот Серафима ушла. Когда человек долго болеет, с его предстоящей кончиной вольно или невольно смиряешься. А тут смерть – как гром среди ясного неба. Подруга ушла, и зияет пустота, которую не заполнить.

Потом Татьяна Ивановна вспомнила, что скоро ей стукнет шестьдесят, а Серафимы на её юбилей не будет. Как раз на эту дату придётся девять дней, какое тут празднование. И она вдруг решила никакого торжества не устраивать, а после дня рождения уйти из поликлиники. Иначе собственно на жизнь, на любимое дело времени может не остаться. Серафима не раз говорила ей о своих планах, но почти ничего не успела. Что может быть хуже – умереть, не исполнив мечту? И Татьяна Ивановна подумала, что должна это сделать за подругу. Она сможет путешествовать и делать зарисовки, а потом соберет её и свои картины в красочном альбоме, посвятив его памяти Серафимы. Это дело ей вполне по силам, и она искренне этого хочет.

Неожиданно вспомнились вопли Лидии, медсестры Серафимы Павловны. Та опоздала на работу минут на сорок, и это было много даже для неё. Обычно Лидка, как все её звали, опаздывала минут на двадцать. Её даже перестали ругать за опоздания, толку всё равно не было, заведующая лишь безнадёжно махала рукой и грозила увольнением совсем не страшно. Все понимали, что она этого не сделает, работать некому, медсестер не хватает. Лидка жила далеко, и добираться на работу ей и в самом деле было сложно. Сегодня она явилась, когда Серафиму уже увезли, и заголосила от жуткой вести, от того, что не успела попрощаться с любимой напарницей. Была она девица неглупая, схватывала всё на лету, усердно набиралась у Серафимы опыта. А та считала, что выйдет из медсестры неплохой врач. Училась Лидка на втором курсе медицинского института на вечернем отделении и работала с Серафимой последний год: после второго курса студентов переводили на дневное отделение. Татьяна Ивановна часто спорила с подругой, говоря: «Зря девчонку балуешь, она так работать толком не научится, решит, что ей всё будет прощаться». Но Серафима только улыбалась и продолжала потакать своей медсестре.

Из горестной задумчивости Татьяну Ивановну вывел бой курантов. Оказалось, уже пять часов, и нужно срочно готовить ужин. Она поспешила

на кухню, мысленно похвалив себя за то, что, придя домой, «на автомате» достала фарш из морозилки. Готовка отвлекла от грустных мыслей, и когда в седьмом часу пришел с работы муж, ужин был готов. Татьяна Ивановна накрыла в гостиной. Умывшись и переодевшись, Степан Емельяныч прошел к столу, а она молча поставила перед ним бутылку водки и рюмки.

— Это что у нас нынче за праздник? — весело поинтересовался благоверный, радостно потирая руки.

Водкой он не злоупотреблял, но, как любой русский человек, выпить пару рюмок никогда не отказывался. А тут жена сама угожает, сама наливает — когда такое бывало?

— Нет никакого праздника, — отозвалась Татьяна Ивановна. — Давай, не чокаясь, за помин души, — и она быстро выпила свою рюмку.

— Не понял, кто помер-то? — муж по-прежнему держал рюмку в нерешительности.

— Серафима умерла, — ответила жена. Сразу налила себе вторую и сказала: — Царствие ей небесное и светлая память.

Емельяныч машинально выпил, пробормотав вслед за женой: «царствие небесное». И только после этого растерянно проговорил:

— Как умерла-то? Я с ней вчера разговаривал.

— И я разговаривала, а она сегодня утром пришла на работу, упала в коридоре, и не стало нашей Симы, — проговорила жена. И тут же, поморщившись, прикрикнула: — Давай, давай, закусывай, а то развезёт!

Ужин прошел в скорбном молчании. Потом Татьяна Ивановна убрала со стола, перемыла посуду и, зайдя в гостиную, сказала мужу:

— Вот что, Степан. Выключай свою бормоталку (она имела в виду телевизор), поговорить надо.

Емельяныч с беспокойством посмотрел на жену. Начало не предвещало ничего хорошего, но особых грехов за собой он не помнил. Не споря, выключил телевизор и приготовился слушать.

— Не молодые мы с тобой, мне шестьдесят стукнет на днях, тебе летом шестьдесят четыре. Сколько можно работать? — начала Татьяна Ивановна. — Пенсии имеются, накопления тоже, дача есть. Дочь на своих ногах крепко стоит, слава Богу. Проживём.

Она помолчала, потом продолжила:

— Как там у Булгакова: «Беда не в том, что человек смертен, а в том, что он неожиданно смертен». Точно не помню, но смысл такой. Серафима так много хотела сделать. Мечтала в сериале сняться, хоть в эпизоде, сестра обещала помочь. Да только не увидим мы её на экране, и выставку своих картин она уже не организует, и много чего ещё теперь не сможет. А мы с

тобой уйдем в январе на пенсию, займёмся тем, что нравится. Ты в кузнице можешь работать, красивые вещи делать. На дачу такой мангал сделал, все завидуют. Не захочешь этим заниматься, найдёшь, чем другим себя занять. Книг у нас сколько – годами читай, не перечитаешь. Путешествовать будем. А весной и летом у нас дача...

Татьяна Ивановна говорила быстро, будто боялась, что муж прервет её. Но он молчал и внимательно слушал. Наконец, сказал:

– Что ты, Татьяна, меня уговариваешь? Я давно готов работу оставить, боялся только разговор начать. Ты к своей поликлинике прикипела, а мне одному дома сидеть скучно, да и стыдно. Я – «за».

– Поликлиника – это аргумент, заведующая сейчас уговаривать меня станет. Сразу двух врачей потерять – невосполнимая потеря, – согласилась Татьяна Ивановна. – Но мы не на войне, слава Богу, а я не солдат. Будем готовиться к свободной жизни.

4

Кот сидел у порога. Когда дверь открылась, он возмущенно вытаращил глаза, фыркнул и, хлестнув себя по бокам хвостом, удалился в глубину квартиры.

– Фу ты ну ты, какие мы нежные! – произнесла Лариса, – Подумаешь, задержалась на часок. Василий, ну, Василий, – позвала она, – куда направился?

Василий, так звали кота, не отозвался. Лариса пожала плечами и заглянула в комнату матери. Увиденное там тоже не порадовало. Мама лежала в позе эмбриона и смотрела в стенку.

– Мама, добный день! Я пришла! – бодрым голосом произнесла Лариса. Та не отреагировала, лежала безучастно и только слабо пошевелила рукой. – Мама, ну нельзя так! – попробовала дочь взбодрить её, однако эффекта это не возымело.

Маме Ларисы шел шестьдесят седьмой год, и уже несколько лет её преследовали травмы. Сначала она сломала руку, потом вывихнула лодыжку. Только пережили эти напасти, она снова упала и сломала шейку бедра. Ей сделали операцию, вставили имплант. Она встала на ноги и с тросточкой ходила вполне бодро. Но год назад опять упала и сломала позвоночник. Почти месяц пролежала в больнице и после этого уже не могла оправиться. Она постоянно жаловалась на боль, и Лариса понимала, что мама просто устала болеть и впала в депрессию. Даже любимец Василий, живший в их доме уже шесть лет, не вызывал в ней больше живого интереса.

Этот кот сам выбрал их семью. Однажды мама собралась в магазин, открыла дверь и увидела на пороге маленького котёнка. Было ему месяца два, серенький, средней пушистости, с огромными крыжовниковыми глазами. Сказав изумленной маме «мя», как будто поздоровавшись, он спокойно прошел в квартиру. Хозяйка последовала за ним, а кошачий ребёнок уселся посередине кухни и вежливо у неё поинтересовался: «Чем угощать будешь?» Мама клялась, что во взгляде котёнка явственно читался именно этот вопрос. При этом он не мяукал, не выпрашивал еду, а сидел и ждал, когда его угостят.

Короче, Василий оказался совершенно «человеческим котом», как позже назвала его Лариса. Он принял на себя главную роль в доме и уверенно руководил своей женской командой. Откликался только на полное имя и никаких «Васек»» и «кис-кис» не признавал. Почти никогда не мяукал, но на его морде явственно читалось всё, что он хотел сказать. Мать и дочь всерьёз думали, что Василий владеет телепатией и нужные слова просто вкладывает в их головы.

Лариса прошла на кухню, Василий не последовал за ней, а его миска оказалась полна не съеденного сухого корма. На столе лежала записка от соцработника, которая приходила к ним, пока Лариса была на работе. В записке говорилось, что клиентка отказалась от еды. Это значило, что мама с утра лежит голодная.

Лариса вернулась в её комнату и сказала в сердцах:

– Ты себя сознательно угробляешь! Меня тебе давно не жалко, так хоть кота пожалей, он переживает, тоже не ел ничего с утра!

Этот аргумент неожиданно сработал. Мама шевельнулась и тихо сказала:

– Я поем. И Василия сюда с едой неси, вместе поедим.

Обрадованная дочь отправилась на кухню готовить рыбу Василию и греть мамину еду. Накормив обоих и немного посидев в их повеселевшей компании, Лариса ушла в свою комнату. Они с мамой жили в прекрасной трехкомнатной «сталинке» – раньше втроём с отцом, а теперь вдвоём и с котом. Отец был главным инженером на крупном заводе и скончался от инсульта прямо на работе в середине девяностых. Он не смог пережить крушения страны и приближающейся гибели родного завода. Его смерть стала страшным ударом для мамы и Ларисы, которые очень любили его и остались совершенно одни в новом пугающем мире. Мама продолжала работать в библиотеке, получала копейки, и Лариса не смогла получить высшее образование, не до того было. Пришлось бросить институт физкультуры, в который поступила по инерции, потому что занималась

художественной гимнастикой и даже была мастером спорта. По совету двоюродной сестры матери пошла в медицинское училище. Ещё учась, начала работать в коммерческой больничке (их тогда открылось великое множество, и платили в них значительно больше, чем в государственных учреждениях), но была вынуждена уйти из-за жалобы одной наглой клиентки. Та допекла медсестру своими капризами, а Лариса прямо в лицо выложила «зажравшейся профурсетке» (так она её называла) всё, что о ней думает. После чего осталось только написать заявление об уходе по собственному желанию. Так и вышло, что Лариса оказалась в городской поликлинике, где работала до сих пор.

Сейчас она смотрела на школьный двор, в который выходили окна спальни. Это не была её родная школа. Она училась в другой, более престижной, с углублённым изучением английского языка. А после уроков спешила в музыкалку, где училась по классу фортепьяно. Такая была в детстве насыщенная жизнь: языки, музыка, спорт...

«Что вышло из такой разносторонней личности? – думала Лариса. – Обычная медсестра. Как говорится, много дадено, да мало получилось. Вот если бы папа был жив...»

Да, в девяностые всем трудно жилось, хорошо, что мама с отцом часть сбережений поменяли на доллары. Эти несколько тысяч и помогли выжить. Даже квартиру свою им удалось сохранить, – как память о прошлых счастливых годах.

«А если бы я музыкальное училище окончила? – в который раз задала себе вопрос Лариса. – Была бы я счастливее? Вряд ли. Ведь стать учительницей музыки – не это было моей главной в жизни мечтой. А жизнь, как оказалось, заканчивается так внезапно».

Смерть Серафимы произвела на неё сильное впечатление. «Сегодня живешь, а завтра тебя нет. Совсем нет, нигде. Читала однажды: «Люди живут так, как будто никогда не умрут, а умирают, как будто никогда не жили». Я ещё ни семьи, ни детей не завела. Всё не складывалось, две любви пережила по молодости, кучу увлечений, и всё мимо. Скептик я, разочарование быстро приходит. Как жила, зачем жила? Что хорошего сделала, какая польза от меня миру? Ерунду несешь, поздно про детей говорить, ты медик, сама понимаешь, что поздно, – одернула сама себя. И задала главный вопрос: – Чем больше всего на свете я хочу заниматься?»

Прислушалась к себе и вдруг получила чёткий ответ, он будто поджидал её: «Больше всего на свете я люблю джаз, больше всего я хотела бы играть в джаз-банде. Я – тётка почти в сорок лет... Смешно. Какой джаз... – она покачала головой и усмехнулась: – Ну, до сорока еще дожить

надо. А что такого? Надо пробовать. На пианино я до сих пор хорошо играю, единственная моя отдушина – поиграть часок. Надо пробовать: «Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть».

Её взгляд снова остановился на школе.

«Наверняка среди старшеклассников есть ребята, которые музыкой занимаются. Могут найтись те, кто любит джаз, не все же рэп дурацкий слушают. Директора я немного знаю, она у нас лечилась. Не сходить ли в школу? За спрос в лоб не ударят».

Лариса заглянула к маме и сказала:

– Вы тут не скучайте, я в магазин сбегаю. Может, тебе купить что нужно? Вкусненького.

Она не ждала от мамы ответа, просто спросила на всякий случай. Но та неожиданно высказалась пожелание. Смутившись, попросила:

– Купи мне мороженое, эскимо на палочке. Я так его в детстве любила. Забыла, когда в последний раз ела.

– Не вопрос. Куплю, конечно! – пообещала обрадованная Лариса и помчалась в школу.

Точнее, в лицей. Уже несколько лет это образовательное учреждение носило столь громкое звание. И, вероятно, носило заслуженно. В здании был сделан хороший ремонт, имелось приличное оборудование и работал сильный коллектив учителей, собранный «с бору по сосенке». Лицей пользовался у родителей и детей уважением, попасть сюда было непросто.

Директриса оказалась на месте и даже сразу приняла её, видимо, от удивления: она знала, что у Ларисы нет детей. А та не стала долго тянуть со вступлением и прямо высказала предложение по организации школьного оркестра. Она специально выразилась так осторожно, чтобы не спугнуть заслуженную учительницу словом «джаз-банд». И директор отнеслась к идеи благосклонно:

– Хорошо, что вы пришли, у меня руки не доходят заняться этим делом. У нас одно время был неплохой музыкальный коллектив, даже остались некоторые инструменты.

Они прошли в пыльную коморку и обнаружили там кучу гитар – как обыкновенных, так и электрических. В наличии были также ударная установка, трубы, флейты и даже синтезатор. Не было только саксофона и контрабаса, но Лариса подумала, что для начала хватит и этого. Лишь бы нашлись ребята, которые любят джаз. Поэтому она попросила директора провести небольшое анкетирование старшеклассников: кто на каких инструментах умеет играть, учится ли в музыкальной школе, какую музыку предпочитает играть и слушать, любит ли петь. Потом директриса показала

Ларисе рояль, стоящий в актовом зале, и разрешила на нём поиграть. Рояль был неплох, а это уже полдела.

В итоге решили, что Лариса будет заниматься с музыкантами два раза в неделю после уроков. Придётся заключить договор, потому что ставки в штате нет, а дальше будет видно. Директор пожелала, чтобы к Новому году оркестр выучил хотя бы одну пьесу и сыграл на лицейском празднике. Предложила подойти через два дня – ознакомиться с анкетами и подобрать кандидатов. На том распрошались, и воодушевленная Лариса отправилась в магазин.

Там купила заказанное мамой мороженое, и дома они втроем с удовольствием его съели. Особенно позабавил Василий, который никогда прежде мороженого не пробовал. Они откусывали от эскимо небольшие кусочки и, положив на ладонь, поочередно протягивали коту. Тот с упоением слизывал лакомство с руки одной хозяйки и тут же тыкался мордочкой в ладонь к другой.

– Ты, Васька, оказывается, сладкоежка! – воскликнула мама. – Мы думали, ты серьёзный мужик, тебе мясо с рыбой подавай, а ты дитё-дитём.

– Мороженому все возрасты покорны! – смеялась довольная Лариса. – Мы с тобой тоже не девочки, а любим. Странно, почему так давно его не ели. Забыли, какое это удовольствие.

Потом каждый занялся своим делом. Дочка отправилась на кухню готовить ужин, мама начала читать новую книгу, а Василий устроился у мамы в ногах, чтобы поспать.

Позже Лариса увидела, что мама, обложившись подушками, сидит на кровати, чего не делала уже очень давно, и играет с котом. Игра была простая: она водила пояском от халата по полу то в одну, то в другую сторону, а солидный кот бегал за кончиком пояска, как маленький котёнок, выказывая при этом крайнюю заинтересованность процессом. Иногда мама дергала пояс вверх, и Василий запрыгивал на кровать, потом она резко опускала кончик на пол, и кот грузно, но изящно спрыгивал. Занятие это так увлекло обоих, что они не замечали наблюдателя, а мама даже весело хихикала. Лариса тихонько отступила от двери, чтобы не смущать играющих и не мешать немудрёной забаве.

Вечером, переделав домашние дела, она перебирала в памяти события длинного дня. Неожиданная смерть коллеги заставила взглянуть на свою жизнь под другим углом. Было жалко Серафиму, внезапно покинувшую этот мир, жалко всех людей, ведь рано или поздно все уходят. Потому и хочется остаток жизни провести со смыслом и удовольствием.

Приближаясь к дате в сорок лет, она внутренне не могла с этой датой смириться, считала себя молодой, и, проходя мимо очередного зеркала, всегда находила подтверждение этому убеждению. Сейчас Лариса была уверена, что изменить свою жизнь никогда не поздно. Импульсивный поход в школу, безусловно, был блажью, но и в то же время поступком правильным. «Надо иногда немножко сходить с ума», – говорила она себе. Работу в школе вполне можно совмещать с основной работой в поликлинике. Хотя занятие музыкой – это ведь счастье, и странно называть её работой.

Только бы всё получилось! Начало положено, но до результата далеко. Лариса не знала, есть ли в школе любители джаза и музыкальные таланты, найдутся ли у неё единомышленники, как сложатся отношения с ними. Впереди была неизвестность, но это не пугало, наоборот, добавляло ощущениям остроты, и впервые за много лет она чувствовала себя счастливой.

Фея по имени Соня

Сонечка родилась хилым восьмимесячным ребёнком. Врачи её маму сильно не обнадеживали, но Бог был милостив, девочка выжила.

В детстве болела всеми болезнями, какие только случаются у детей, но характер у мамы, несмотря на молодость, был железный, и она пыталась закалять дочку спортом и танцами. А Соня, походив в очередную спортивную секцию месяц-другой, заявляла, что больше туда не пойдет. Такое упрямство победить никак не удавалось, и её на некоторое время оставляли в покое. С танцевальными кружками всё заканчивалось так же, как и со спортом.

Однажды мама привела её в балетную студию, но там тоже дело не сладилось, растяжка подвела, и, промучившись с ней около года, педагоги радостно отчислили не менее обрадованную ученицу. Зато у девочки осталась балетная осанка, что при прозрачной худобе делало её похожей на молодую стрекозу, которую вот-вот подхватит порыв ветра и унесет в дальние края. Длинные ручки и ножки напоминали ломкие соломинки, а на тельце проглядывали все рёбра и позвонки. Даже светлые волнистые волосы и большие синие глаза не столько украшали её, сколько делали ещё более необычной.

И кто бы поверил, что это эфирное создание станет грозой хулиганов. Давать сдачи она начала лет с трех, когда в песочнице маленький мальчик отобрал у неё ведёрко. Не раздумывая долго, Сонечка подошла к обидчику и ударила его совочком по голове. Собственность тут же вернулась к хозяйке, а на вопли мальчишки и его родительницы мама девочки спокойно ответила: «Он первый начал».

С тех пор зачинщицей Сонечка не бывала, но любое посягательство на свою особу пресекала быстро и жёстко, вступалась и за тех, кто сам не мог дать отпор агрессорам. Недостаток силы она компенсировала решительностью нападения с помощью любых доступных средств. Всё, что попадало под руку: школьный ранец, книга, мешок со сменной обувью, – немедленно обрушивалось на врага. В конце концов от Сони отстали даже самые отъявленные зядиры. «Не трогайте её, она бешеная!» – предупреждали тех, кто ещё не был знаком с жёсткостью её ответных действий, а родители запрещали детям дружить с «дикой» девочкой. Девочку это не расстраивало. В четыре года она научилась читать, и играм с живыми детьми предпочитала общение с книжными героями, они казались ей намного интереснее. Книжек в семье водилось множество, и она читала всё, до чего могли дотянуться

тоненькие ручки. Всё детство Сонечка обитала в своих мирах, глотая книгу за книгой.

Так и пролетели годы учёбы в школе, которую Соня окончила с золотой медалью. Тем же летом поступила в институт культуры на библиотечный факультет. Родня считала, что их девочка достойна более престижного учебного заведения, однако та твердо решила посвятить жизнь книгам. Училась Соня легко, но в студенческой среде вращалась мало. Единственным другом был старшекурсник не слишком традиционной ориентации, честно сообщивший об этом сразу в день знакомства. Он учился по классу саксофона, на почве любви к джазу они и сдружились.

Окончив институт, друг уехал в столицу, играл теперь в джаз-банде и лишь изредка присыпал письма о житье-бытье в музыкальной тусовке. А Соня после вуза стала работать в библиотеке, и родители её совсем приуныли: там точно перспектив на замужество у дочери не предвиделось.

В середине сентября наступило настоящее бабье лето. Как-то Соня возвращалась домой после работы и вопреки обыкновению шла по своему двору медленно, разглядывая начавшие желтеть деревья и цветочные клумбы, полыхавшие разноцветными астрами и георгинами. Проходя мимо детских качелей, увидела мальчика лет пяти. Он всхлипывал и растирал по лицу слёзы и кровь из разбитой губы. Взрослых рядом не было. Сонечка достала из сумки носовой платок и протянула ребёнку:

– Возьми платок, он чистый.

Мальчик поднял голову и замер, глядя на неё.

– Ты феечка? – заворожённо спросил он.

– Почему Фенечка? Меня Соня зовут, – удивилась она. – Меня во дворе все знают, а тебя я тут раньше не видела.

– Мы недавно переехали, в третьем подъезде живём. Не Фенечка, а феечка: я подумал, ты фея. А меня Егором зовут, – как взрослый представился мальчик.

Он вытер слёзы и кровь, сунул платок к себе в карман и сказал серьёзно:

– Спасибо, папа постирает, завтра отдашь.

– Вот и познакомились, – улыбнулась Соня, первой протянув руку и пожав маленькую ладошку. – А ты, наверное, подрался? Это ничего, нужно уметь за себя постоять. Я во втором подъезде живу, если будут обижать, скажи, что с Соней дружишь. А за платок не беспокойся, платков у меня полно.

Она погладила мальчика по голове и пошла в свой подъезд, чувствуя на себе его неотрывный взгляд. «Интересно, с чего он меня за фею принял? – думала она на ходу. – И почему такой маленький гуляет один?»

За ужином Егорка, захлебываясь от восторга, рассказывал отцу, что в их доме живёт настоящая фея: воздушная, сияющая, с синими глазами. И под плащом у неё наверняка спрятаны крылья. Егор жил с отцом, мама умерла при его рождении, и мальчик, едва научившись говорить, стал подыскивать маму в их маленькую семью. Отец от него не отставал, только вкусы у них не совпадали, потому оба до сих пор находились в поиске.

На следующий вечер Егор сидел во дворе на качелях, поджиная Сонечку, и к нему опять начали приставать двое местных сорванцов. Но вдруг обоих кто-то схватил за шиворот, и звонкий голос произнёс:

– Сколько раз я вам наказывала не обижать детей?! Вы что, интересных игр не знаете?

Пацаны заныли, и на балконе тут же показалась Татьяна, давняя соседка Сони по подъезду. Скандалным голосом она закричала на весь двор:

– Сонька, отпусти племяшней! Совсем ошалела?!

– Ты за них не заступайся, они всему двору житья не дают! – повернулась к ней Сонечка. – Угомони своих бандитов. Ещё раз увижу, что пристают к детям, уши откручу и на гвоздик повешу. Будут твои племяши безухими и глухими!

– Поняли? – обратилась она к братьям. – Хотите быть глухими?

Те привычно заревели и, отпущеные Соней, бросились домой. А она, как ни в чем не бывало, присела рядом с Егором и весело ему улыбнулась:

– Привет!

С тех пор почти каждый вечер они встречались во дворе. Соня пересказывала Егорке свои любимые с детства истории, подарила книжку и пыталась научить читать. Но особого успеха они добиться не успели, потому что бабье лето закончилось, начались холодные осенние дожди.

Егорка, возвращаясь вечерами с прогулки, донимал отца рассказами о фее из второго подъезда. И однажды тот, не выдержав, сказал:

– Пришла пора познакомиться с нашей соседкой. Похоже, ты нам опять маму нашел.

– Ты что? – удивился мальчик. – Разве фея может быть мамой?

– Фантазер ты, фантазер, – сказал отец и потрепал сына по вихру на макушке. – Ты уже большой, должен понимать: феи только в сказках живут. А Сонечка – просто девушка из соседнего подъезда.

– Нет! – Егорка рассердился и даже топнул ногой. – Я знаю, она фея! Настоящая и очень добрая!

— Хорошо, — примирительно сказал пapa, — пусть будет фея, если ты так хочешь. Завтра забудь взять на прогулку своего Бэтмена, я тебе вынесу игрушку, и ты познакомишь меня с ней. Давай договоримся: если соседка мне понравится, я приглашу её в гости пить чай с тортом, а если нет, не обижайся.

Составив план действий, заговорщики ударили по рукам. Но следующие несколько дней выдались дождливыми, и Егорка не мог выходить на прогулку, так что задуманное пришлось отложить. Зато в пятницу дождик прекратился, и не успела Сонечка появиться возле Егора, как отец спустился во двор. Он остановился за спиной мальчика, слегка раскачивая качели. При этом внимательно разглядывал девушку, над головой которой ненадолго выглянуло осеннее солнце. И волосы Сони вдруг вспыхнули, окружив голову золотистым ореолом. Папа засмеялся, он понял, почему сынишка принял девушку за фею, та действительно вся сияла и походила на сказочное существо.

— Я догадался, вы Сонечка, мой сын только и говорит о вас, — сказал отец Егорки. — А меня Вадимом зовут.

Соня удивилась. Вадим был высоким крепким парнем лет двадцати пяти и не слишком подходил на роль родителя. Его карие глаза весело луцились, он будто сдерживал смех, и девушка не могла понять, из-за чего. Она нахмурилась:

— Приятно познакомиться. Но позвольте спросить: почему ваш ребенок гуляет без присмотра? У нас во дворе хулиганов полно, обижают его.

— Что делать, я после работы хозяйством занят, с Егоркой гулять некому. Мы с ним одни живем, не сидеть же ребенку в душной квартире. А с хулиганами пусть учится разбираться сам, в жизни пригодится, — немножко смущенно ответил Вадим.

Тут уже смущилась Сонечка, она не любила обижать людей напрасно. Но молодой человек не обиделся, он улыбнулся и попытался сгладить неловкость:

— А знаете что? Я очень рад, что вы опекаете Егорку. Мы с ним приглашаем вас в гости, на чай с тортом, — тут он, видя замешательство Сони, сделал паузу. А потом добавил: — По-соседски. Правда, Егор?

Егорка запрыгал от радости вокруг Сонечки, схватил её за руку и, заглядывая в глаза, начал упрашивать:

— Пойдём! Ну, пойдём!

Другой рукой он взял руку отца и потянул обоих в сторону подъезда. Соне ничего не оставалось, кроме как сдаться. Они пришли в просторную, чистую квартиру, освещаемую заходящим солнцем. Этот мягкий свет

придавал дому особый уют. «Как не похоже, что здесь живут только мужчина и ребёнок», – подумалось девушки.

Сначала все вымыли руки, а потом Егор потащил Соню на кухню и усадил на самое удобное место, – как поняла гостья, уступил ей своё. В это время папа заглянул в холодильник и воскликнул:

– А торта-то у нас нет! Мы его нечаянно съели!

– Так вы меня обманули! Заманили в гости, а угощать нечем! – засмеялась Сонечка.

– Мы не обманывали, торт у нас был. Просто в дождливые вечера незаметно съели, а новый я забыл купить, – сконфуженно признался Вадим. – Зато у нас есть вкусные конфеты, а за тортом я сейчас сбегаю. Ставь чайник, Егорка, я быстро, одна нога здесь, другая там.

Он уже накинул куртку и шагнул к выходу, но Соня остановила его:

– Не нужно никуда бежать. Я не люблю покупные торты, а у вас яблоки есть, за полчаса можно сделать шарлотку. Если, конечно, позволите.

Мужская часть компании, конечно, позволила и тут же получила задание: чистить яблоки, включить духовку, достать из холодильника сметану, яйца, лимон. К счастью, всё это нашлось, и через полчаса, как и обещала Сонечка, они достали из духовки источающую яблочный аромат румяную шарлотку.

– Соня, вы настоящая волшебница! – воскликнул Вадим, а Егорка восторженно захлопал в ладоши.

Пока, прикрытая чистым полотенцем, шарлотка остывала, они поужинали. Потом пили чай с пирогом и конфетами. Вскоре Егорку отправили спать, а Сонечка и Вадим ещё долго сидели на кухне, не в силах расстаться. Говорили обо всём на свете, и обоим казалось, что они знакомы с детства, просто давно не виделись, и теперь нужно многое рассказать друг другу. А Егорка в это время счастливо улыбался во сне: он, наконец, нашел себе маму, и его мама – феечка.

Настёна

Настёна проснулась и открыла один глаз. В комнате было темно, но угадывались знакомые очертания предметов: большая белёная печка, расписанная неведомыми птицами и цветами, круглый деревянный стол, покрытый вышитой скатертью, этажерка с книгами. Сама она лежала на широкой железной кровати с блестящими шарами на спинках, почти полностью утопая в толстой мягкой перине.

Через закрытую ставню пробился тонкий солнечный луч. Он, как разведчик, прокрался к кровати и остановился на носу девчушки. Нос был вздёрнутый, весь усыпан веснушками, и луч принял считать их или, может, пытался нарисовать новые. Стало щекотно, Настёна засмеялась и чихнула. В это время ставни распахнулись, и в потоке яркого солнечного света, хлынувшего в комнату, маленький лучик сразу потерялся. Но не успела девочка огорчиться этому, как в комнату вошла бабушка и ласково-ворчливо сказала внучке:

– Что, лежебока, выспалась? Поднимайся скорее. Ты забыла? Мы сегодня идём в лес за ягодой. Нужно успеть по холодку, пока сильная жара не наступила.

– Бабушка, бабушка я давно не сплю! – подскочила на кровати Настёна.
– Я смотрю, как у тебя в доме красиво. Ты научишь меня вышивать? Я хочу дома у себя всё украсить!

– Мама тебе вряд ли позволит, у вас в городе это не модно, –
усмехнулась бабушка. – Но научить-то научу, дело хорошее. А сейчас умывайся быстренько, и будем завтракать. Всё готово.

Позавтракали на улице под старой яблоней. Там стояли стол и печка с навесом, который соорудил младший сын бабушки Виктор. Дядя Витя отслужил в армии, но еще не был женат, назывался загадочным словом «механизатор» и постоянно пропадал на работе. Он был высокий, загорелый, добрый, с постоянными шутками и неизменной белозубой улыбкой.

– А дядя Витя уже на работе? – спросила девочка, невольно глянув наверх.

Там в мезонине летом и жил дядя Витя. Место было притягательным для Настёны. В просторном помещении находилось много интересных предметов, например, два старинных сундука, а ещё гамак, в котором она любила качаться. В отгороженном закутке дядя Витя устроил голубятню. Иногда он позволял племяннице поить голубей. Для этого нужно было набрать воду в рот, сделать губы трубочкой и поднести к ним голубя; птица доверчиво пила, от чего делалось ужасно щекотно, но и очень приятно.

— Дядя Витя скоро обедать будет, пока мы тут с тобой рассусоливаем, — проворчала бабушка.

Настёна быстро доела сырники с густой сметаной и садовой клубникой, которую бабушка называла «викторией», допила молоко и, подхватив плетёную корзинку, сказала:

— Я готова!

— Ишь, какая быстрая! — заметила бабушка. — В лес идём, там в сандаликах не находишься.

Она принесла из дома крепкие ботинки Настёны, которые неведомо как оказались в деревне, потому что надевались только осенью в городе.

Бабушка велела надеть ещё и носочки, что вызвало протест Настёны:

— Жарко будет.

— Ничего, жар костей не ломит. А ну как змея или насекомое зловредное? Или на сучок напорешься.

В корзинку была положена тонкая болоньевая куртка («вдруг дождь», пояснила бабушка) и пирожки для перекуса. Наконец они вышли на улицу и, зайдя по пути в несколько дворов, собрали целую компанию из бабушкиных товарок и ребятишек. Весёлой гурьбой за полчаса дошли до леса и углубились в него. Городской ребёнок ещё на опушке получил строгий наказ, что держаться нужно рядом, не отходить от бабушки ни на шаг, а если вдруг потеряет её из виду, оставаться на месте и не ходить по лесу одной.

— Садись на пенёк и жди, когда тебя найдут, а то заблудишься, — сказала бабушка.

Стайка детей и женщин разбрелась по лесу. Время от времени весело перекрикивались, иногда кто-то кричал «ау!», а другие отвечали, иногда пели. В основном, брали малину, но если попадалась земляника или смородина, их тоже брали. Душистые лесные ягоды ценились больше, чем садовые.

Ближе к полудню компания собралась на круглой затенённой полянке и устроила небольшой перекус. На траву расстелили плотную полиэтиленовую плёнку, каждый выложил свои припасы. Стол получился простым: варёные картошки и яйца, помидоры, огурцы, зелень с собственных огородов, пироги с разными начинками. Все ели с большим аппетитом. Разве дома бывает так вкусно? Был и горячий чай, который пили из крышек термосов, а на десерт — сладкая ароматная ягода. Корзинки были почти полны, но все решили ещё немного «побрать» и только потом отправляться домой.

Настёну после обеда совсем разморило. Она брела за бабушкой, с трудом переставляя ноги в отяжелевших ботинках, мечтая поскорее

очутиться дома. Присела на широкий низенький пенёк и прикрыла глаза. Ей показалось, всего на минутку, но когда она подняла голову, никого рядом не было. Настёна неуверенно крикнула, потом начала кричать изо всех сил, как ей казалось, очень громко, но никто так и не отзывался. Она побежала было вперёд, но остановилась, вспомнив наказ не ходить по лесу одной.

«Я заблудилась! – поняла она и похолодела от страха. – Но бабушка ведь сказала, что меня обязательно найдут. Только почему никто не отзыается? Мы же всё время перекрикивались!»

Настёна снова начала кричать, поворачиваясь в разные стороны. Кричала долго, даже охрипла, но в ответ не услышала ни звука. Снова уселилась на пенёк и решила ждать, сама всё равно дорогу в деревню не найдёт. Хорошо, что прихватила с собой болоньевую курточку: в лесу становилось прохладно, солнце закатилось за макушки деревьев и уже не пробивалось сквозь густую листву.

Почувствовав голод, она сунула руку в карман сарафана и наткнулась на хлебную горбушку, положенную туда во время обеда. Видимо, есть больше не хотела, но возвращать кусок обратно на стол не стала. Сейчас она радостно уплела хлеб в перемешку с ягодами и почувствовала себя бодрее. Но что делать дальше, Настёна не знала. Её никто не нашел, и на зов никто не откликнулся. Видно, придётся провести ночь одной в лесу...

От ужаса девочка тихо заплакала. Плакать громко и снова кричать она уже боялась: вдруг её услышат дикие звери, придут и съедят. Она закрыла глаза и, раскачиваясь, просто поскучивала, как маленький щенок.

– Ты чего тут одна делаешь? – услышала она незнакомый голос и открыла глаза.

Перед ней стоял мужчина с корзиной, полной грибов, и внимательно её рассматривал.

– Ты чья будешь? Я тебя в нашей деревне не видел, городская, что ли? – не дождавшись ответа, продолжал расспрашивать человек.

– Я бабы Нюсина! – пискнула Настёна. И тут же зарыдала в голос: – Я заблуди-и-илась!

– Да как заблудилась-то? Тут до деревни рукой подать, вон и тропинка рядом, – удивился мужчина.

– Мы ягоду собирали, я потерялась, кричала, кричала, никто не отзыается. А бабушка велела никуда неходить, ждать, пока найдут, – сбивчиво сквозь слёзы рассказывала Настёна.

– Так вот почему в лесу шум стоит, это тебя, значится, ищут, – задумчиво сказал грибник. – А ить не нашли бы, хорошо, что я наткнулся.

Тут ложок вниз идёт, отсюда не слышно, и ты звук не слышишь, он поверху идёт.

Мужчина сложил ладони рупором и начал кричать:

– Ау! Сюда! Нашлась!

Через некоторое время к ним прибежал запыхавшийся дядя Витя, тоже, оказывается, подключившийся к поискам. Подхватив Настёну на руки, он принялся целовать её и ощупывать, приговаривая при этом:

– Ты цела? Ничего не болит? Испугалась?

Она уткнулась ему в грудь и дала волю слезам, постепенно всё же успокаиваясь. А когда подоспела напуганная бабушка, Настёна уже перестала плакать и даже пыталась успокоить её:

– Я нашлась! Как ты велела, никуда не ходила. Ждала, когда найдут, и меня нашли.

– Вот незадача! – огорчённо проговорила бабушка, приходя в себя. – Мы думали, она вперёд ушла, ищем в отдалении, а она, оказывается, отстала.

Дядя Витя посадил Настёну себе на плечи, будто боялся снова потерять племянницу, и взялся руками за её ножки. Втроём они отправились домой и быстро добрались до деревни. Настёна так и въехала в бабушкин двор верхом на Викторе, но уже не видела этого: обняв его за шею, она крепко спала.

Время одиночества

Кеше пришлось выйти из Сети, чтобы утолить жажду. Поднялся с продавленного кресла и сердито оттолкнул его. Больше выместить раздражение было не на ком, а он всегда раздражался, когда приходилось покидать обжитое виртуальное пространство.

Прошел вглубь небольшой комнаты, достал из шкафа банку с кофе, повернулся кольцо на крышке и услышал лёгкое шипение – тепловой процесс пошел. Пока напиток нагревался, равнодушно обвёл взглядом спартанскую обстановку своего жилища: напротив окна, в нише, спальное место на лежанке, напоминающей диван, с выдвигающимися ящиками внизу; возле двери укреплена конструкция, похожая на шведскую стенку и служащая вешалкой для одежды.

Он отхлебнул горячий напиток и привычно поморщился: вкус у баночного кофе был отвратительный. Родившийся в двадцатые годы двадцать первого века, Кеша в свои двадцать восемь смутно помнил, какой вкус должен быть у настоящего кофе, но эта бурда, по крайней мере, утоляла жажду и на некоторое время бодрила.

Выкинув банку в утилизатор, Кеша вернулся к смартэку, однако экран был абсолютно чёрным. Он похолодел: что могло случиться? Ведь отвлёкся всего на пару минут! Зелёный огонёк показывал, что железяка в рабочем состоянии, но перезагрузить её не получалось. Нажал на кнопку выключения, та не реагировала, индикатор продолжал гореть.

Кеша немного подумал и полез в тумбочку за старым телефоном, надобность в котором вроде бы отпала ещё несколько лет назад. «Хорошо, что не выкинул», – мелькнула мысль. Подключил к зарядке, набрал номер службы технической поддержки и услышал приветливый механический голос:

– Ваша очередь сорок два. Благодарим за обращение.

Чертыхнувшись, решил устроить перерыв на обед: «Пока жду своей очереди, закажу доставку еды». Обычно, чтобы не тратить время, он пользовался «быстрой едой». Банки с нею, как и с кофе, всегда были под рукой. Подогреешь за несколько секунд – и готово. Блюда невкусные, зато дёшево и не нужно надолго отвлекаться. Очень удобно.

Набрав службу доставки еды, он заказал карри с курицей. Тут же попробовал выйти в Сеть через телефон, но понял, что отрезан от неё и с этого устройства. Ломать голову над проблемой бессмысленно, служба поддержки объяснит. Снова набрал технарей, услышал, что теперь его номер тридцать четыре. Порадовался: система запомнила, и очередь продвинулась.

Вскоре раздался звонок в дверь. На пороге стоял робот с картонной коробкой, в которой была еда. Кеша приложил руку с вживленным индикатором к груди робота, раздался щелчок, и коробка стала его собственностью.

– Приятного аппетита. Заказывайте еду в фирме... – неразборчиво прорекламировал робот и удалился.

Кеша распаковал коробку, вытащил из шкафчика палочки (он привык пользоваться ими, а других столовых приборов в доме и не водилось), вдохнул аромат специй и куриного мяса и ловко подхватил кусочек. Увы, доставленная еда, хоть и пахла аппетитно, была как резиновая и почти безвкусная.

– Чёрт! – выругался заказчик. – Не лучше «быстрой еды», только запах, а стоит в два раза дороже!

Делать нечего, пришлось обедать тем, что заказал. Пока с трудом дожёывал курятину, ожил экран смартэка. Кеша бросился к нему и прочитал надпись: «За несоблюдение принципов Сообщества вы отключены от Сети на пятьдесят часов». На экране появились цифры: «50:00:00», они сразу начали меняться, и Кеша заворожённо смотрел на их мелькание, пока не осознал, что прошла всего одна минута. «Как же жить эти долгие часы? За что меня наказали? Я не делал ничего запрещённого!»

Спросить некого, технари в этом не помощники. Быстро доел карри, достал брошюру с правилами, перелистал. Не встретилось ничего, что могло объяснить причину отлучения. Он был расстроен и подавлен, ведь вся жизнь проходила в Сети. В разделе «Работа» находил простые задания, заполнял таблицы, писал тексты на заданную тему, строил графики. Механическая работа выполнялась быстро, не требовала много усилий, правда, и средства приносила небольшие. Можно было выбирать более сложные задания, они оплачивались лучше, но Кеша предпочитал не тратить много времени на работу, гораздо больше его интересовали другие возможности Сети. Чтобы воспользоваться ими, он, собственно, и зарабатывал минимально необходимое количество криптов.

Сеть позволяла смотреть любой фильм, спортивную передачу, концерт, спектакль. Можно было посещать музеи, путешествовать по красивейшим местам на Земле. Иногда Кеша играл в виртуальные игры, но это было просто развлечением, кратковременной разрядкой. Самым привлекательным для него было общение.

Внутри Сети существовало Сообщество, состоящее из множества дружеских групп. В Сообществе Кеша имел несколько десятков знакомых и парочку настоящих друзей. Они вместе проводили время, с лёгкостью

перемещая свои трёхмерные модели, представляющие их воображаемые личности, называемые аватарами, из одного уголка планеты в другой. Выбирали красивый парк в любом городе и, расположившись на зелёной лужайке, часами разговаривали. Вместе смотрели, читали, слушали, потом обсуждали, иногда спорили. Их аватары были высокими и спортивными, они любили играть в баскетбол, теннис, плавали и путешествовали. Совместное времяпрепровождение было таким увлекательным, что он старался проводить с друзьями всё свободное время.

Сейчас, не зная, куда себя деть, Кеша бродил по квартире. То подходил к окну, разглядывая ничем не примечательный пейзаж возле дома, то возвращался к дивану. Подойдя к мутноватому, с небольшой трещиной в верхнем углу зеркалу, всмотрелся в своё отражение и печально подумал: «Да уж, у этого парня с моим аватаром мало общего».

На него смотрел щуплый невысокий человек. Взлохмаченная шевелюра надо лбом уже немного поредела, под стёклами старомодных очков тускнели красноватые прищуренные глаза. Вид этого парня был ему почти не знаком, он мало находился в реальной жизни, а любоваться собой и подавно не стремился.

Кеша вновь приблизился к смартэку и с огорчением увидел, что прошло всего около часа. Существование становилось невыносимым. Делать совершенно нечего, книг в комнате никогда не водилось, звонить было некому. Он задумался: а что же есть у него в реале? Здесь он только спал и быстро ел, вся прочая жизнь проходила в Сети и в любимом Сообществе. Он вспомнил самых близких друзей, с которыми расстался недавно: крепкое рукопожатие Марка – высокого спортивного тридцатилетнего мужчины, нежная улыбка прекрасной Елены, в которую он даже был втайне влюблен... Внезапно пришло в голову, что аватары его друзей, вероятно, так же не похожи на них самих, как он на свой. Усмехнулся, представив, что Марк в реальной жизни прыщавый юнец или, наоборот, хромоногий старичок. А Елена – толстуха, постоянно жующая пироги из быстрой доставки...

В очередной раз подошел к окну, но вид серых зданий и клочок такого же серого хмурого неба нагонял тоску. Стояла поздняя осень, несколько чахлых деревьев во дворе дома сбросили почти все листья. Те лежали на земле реденьким ковром, и ветер изредка подхватывал их, кружил вокруг стволов и разгонял в разные стороны. «Почему в реальном мире всё такое невзрачное и серое? – задумался Кеша. – Вот в Сети окружающее насыщено красками и светом. Небо и море – синие, деревья и трава – зелёные, а города полны прекрасных зданий».

В голову вдруг пришла странная мысль: выйти на улицу. Всё равно времени полно, а он так давно там не был. В последний раз это было весной. Он промок, попав под холодный дождь, что отбило и без того небольшое желание покидать свою конуру. Но сейчас вроде дождя нет...

Кеша осмотрел свою лёгкую куртку, что висела на подобии шведской стенки, и поёжился, представив, как будет холодно. Натянул на шорты джинсы, под куртку надел несколько маек, чтобы было теплее. Довершила картину смешная шапка с ушками. Отражение в зеркале подтвердило, что выглядел он весьма нелепо, но это не главное, лишь бы не замёрзнуть.

Осторожно выглянув в коридор. Когда долгое время не выходишь из дома, окружающее пространство начинает пугать. Дошёл до лифта, который не работал, и порадовался, что живёт всего лишь на одиннадцатом этаже. Спуститься легко, и подняться сможет, если не включат. Вышел из подъезда и некоторое время стоял, зажмурившись. Несмотря на пасмурную погоду, глаза не сразу привыкли к свету, а воздух оказался прохладным, но приятно мягким.

Со слегка кружащейся головой (так, наверное, избыток кислорода подействовал) Кеша побрёл в сквер в паре кварталов от дома. Сквер, к счастью, сохранился: несколько коротких аллей, обсаженных рябинами и тополями. Быстро обошел незначительное пространство. Здесь ещё трепыхались на ветках последние жёлтые и красные листья. Запрокинул голову к небу, оно было серовато-синим и прозрачным, высоким, и на нём чётко отпечатывались линии почти голых веток. Присел на лавку. Долго, не отрываясь, смотрел в небо, любовался.

И почувствовал, что ему очень нравится сидеть здесь и вдыхать свежий воздух, который легко входил в лёгкие, наполнял их, заряжая кровь кислородом и давая дополнительную энергию. От неё хотелось прыгать, кружиться, подхватывать с земли и бросать в воздух охапки листьев, чтобы они сыпались сверху. Так все делали в детстве, успевая при этом щёлкать фотоаппаратом или телефоном. Выбирали самые удачные кадры и хвалились друг перед другом. Особым шиком было подпрыгнуть и бросить листья одновременно, на фотографии потом получалось, что человек и листья зависли в воздухе.

Кеша улыбнулся. Как давно он не вспоминал детство, школу, настоящих, а не виртуальных друзей, кинотеатр возле дома, куда они порой сбегали с уроков. Вспомнил родителей и нахмурился: он так давно не звонил им. Они остались в родном городе, а он перебрался в столицу и живёт здесь почти десять лет. Сначала звонил часто, потом всё реже, пока не прекратил звонить совсем. Почти всё время стал проводить в Сети, так что если

родители и набирали его номер, слышали только безликое: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия...».

«Да полно, живы ли они? – с грустью подумалось ему. – Столько лет прошло, столько всего случилось: войны, эпидемии, катаклизмы...».

– Эй, парень, ты чего здесь расселся? – раздался резкий голос над его головой.

Перед ним стояли два служителя порядка.

– А разве здесь нельзя сидеть? – удивился Кеша.

– Это не запрещено, – с сомнением в голосе отозвался один из патрульных. – Но здесь никто не сидит. Тебе что, заняться нечем?

– Меня отключили от Сети на пятьдесят часов, – честно признался он. – Дома делать нечего, я вышел прогуляться.

– О, нарушитель! А за что тебя?

– Не знаю, за что, – расстроенно отвечал «нарушитель». – На экране было написано: «За несоблюдение принципов Сообщества». А каких, не написали.

– Не пугай парня, – включился в разговор другой патрульный. – Пятьдесят часов – мелочь. За серьезное нарушение отключают надолго.

Кеша во все глаза смотрел на патрульных. Он так давно не общался с людьми, что ему было радостно разговаривать даже с представителями закона.

– А я думал, в полиции только роботы остались, – сказал он.

– Ты прав, одни роботы и остались. Мы пару месяцев отработаем до выслуги лет, и нас тоже заменят. Руководство гуманное: даёт доработать, а новых людей не берут, заменяют железяками. Скоро мы тоже будем сидеть в Сети, – в голосе патрульного слышалась тоска.

– А вы не подскажете, как мне найти остановку? Давно не был в центре города, пока время есть, хочу съездить, – обратился он к полицейским, которые никуда не уходили. Видимо, тоже не прочь были поболтать с живым человеком.

Сержант присвистнул:

– Ты, парень, давненько в реале, видать, не бывал, как с луны свалился. Общественный транспорт давно отменили. Кому и куда ездить-то? Еду и товары доставляют на дом. Работа, развлечения – всё в Сети.

– А если я заболею? – тут же пришло в голову Кеше.

– Повезло, что не знаешь, значит, не болел ещё. Если заболеешь, заходишь в программу «Ваш доктор», и тебя консультируют. Если врач решит, что необходимо тщательное обследование, к тебе приедет мобильная бригада. В крайнем случае, увезут в больницу, что не надо – отрежут, что

надо – пришьют. А если решил куда поехать, вызываешь такси. Только это недешёвое удовольствие.

– Спасибо! – от всей души поблагодарил Кеша патрульных.

– Не за что. Только не совался бы ты в центр, ещё попадешь в передрягу. Сиди лучше дома. Да и нет там ничего интересного. И людей нет, и идти некуда.

Патрульные, наконец, отправились патрулировать дальше. «И зачем они ходят по пустым улицам? – подумал Кеша. – Ладно, надо возвращаться домой, погода не май месяц».

Лифт так и не включили. Пришлось идти пешком. С трудом дополз до своего этажа, останавливаясь несколько раз, чтобы отдышаться. Подумал: «Надо заняться физкультурой». Дома выпил кофе, только в тепле осознав, как замерз. Покружила по комнате, пытаясь отогнать ненужные воспоминания о детстве, о родителях, прежней жизни. Мелькнула мысль позвонить домой, но долго не решался. Было страшно, за столько лет они могли сменить номер или даже умереть. Наконец, нажал кнопку вызова и долго слушал длинные гудки.

– Алло, – послышался в телефоне женский голос. – Кто это?

Кеша узнал голос матери и закричал в трубку:

– Мама! Это я!

И услышал звук упавшего телефона.

– Мама, мама… – ужетише позвал он, с ужасом решив, что мать, видимо, тоже упала.

– Кешенька! – отозвалась мама. – Неужели ты? Живой! – и заплакала.

– Мама, не плачь, я живой. Ты что, мой телефон не узнала? А папа где?

– Папа на заводе, где ему ещё днём быть, – ответила мать. – Что же ты пропал так надолго? Мы с ним думали, тебя и в живых нет. Как можно так?

– На каком заводе? – переспросил сын. – Разве люди на заводах ещё работают?

– Не знаю, Иннокентий, как там у вас в Москве вашей, а у нас работают. Кто-то же должен работать, чтобы вас, москвичей, кормить! – уже сердито отозвалась мать.

– Я думал, работы везде работают, – растерянно признался Кеша.

– Работов не напасешься на всю страну. У нас в глубинке люди дешевле обходятся. Да и ремонтировать их кто-то должен, – пояснила мать.

Они долго и сумбурно вспоминали общих знакомых, соседей, родственников, и сын с удивлением узнавал от матери, что в родном городе жизнь изменилась не так сильно, как в столице. Многие люди ходят на

работу, женятся, заводят детей. Только исчезли магазины, театры и кинотеатры, закрылись школы, дети учатся дома по лекциям из Сети.

– А ты тоже работаешь? – спросил Иннокентий.

– Ко мне теперь ученики приходят на дом. Мы, бывшие учителя, создали классы на дому, каждый по своему предмету, и берём за уроки недорого. А что делать, учителям тоже жить надо, и детей нужно учить. Только не все родители понимают, как важно ребёнку объяснять предмет, контролировать, на вопросы отвечать. У меня сейчас шесть учеников всего, зато проще с ними управляться, – мать говорила быстро, пытаясь рассказать всё сразу, видимо, боялась замолчать, потому что тогда сын может снова надолго пропасть. Этот разговор сейчас был единственной ниточкой, связывающей их.

Наконец, Кеша прервал её, сказав, что позвонит завтра вечером, когда отец вернётся с работы. Сегодня разговаривать с отцом у него уже не было сил. Воспоминания нахлынули на него, он буквально тонул в них. А ещё он пытался осмыслить услышанное. Оказалось, жизнь в родном городе продолжается, и он не знал, жалеть своих отсталых земляков, живущих в тысяче километров от столицы, или, наоборот, завидовать тому, что у них ещё сохраняется живая жизнь.

Он вспоминал свои первые восемнадцать лет, и воспоминаний оказалось так много, что он даже забыл поужинать и уснул голодным. Проснулся почти в обед и разогрел сразу две банки «быстрой еды». Утолив голод, выпив кофейного напитка и завершив нехитрые утренние процедуры, решил снова пойти на улицу. Вчера ему очень понравился дневной свет и свежий воздух.

Кеша медленно шёл по тротуару, подбрасывая жёлто-серые листья носком старенькой кроссовки, и подводил итоги жизни в Москве. Неприятно в этом признаваться, но почти десять лет прошли впустую. Он не получил образования, не завёл семьи и друзей. И нормальной работы не имел тоже. Что получил? Сеть и Сообщество. Виртуальных друзей. О которых, по сути, ничего не знает. Так же, впрочем, как и они о нём. Ведь о реальной жизни они заговаривали крайне редко.

Замёрзнув, Кеша вернулся домой. Подошел к смартэку. Оставился почти целый день до момента, когда можно будет снова нырнуть в манящий яркий мир Сети, забыв об окружающей убогой действительности. Кое-как дотянул до вечера, до момента возвращения отца с работы. Выждал ещё немного, нажал на телефоне «вызов», и мать сразу откликнулась, явно ждала его звонка. Они опять говорили много и бессвязно. В основном, мать передавала ему приветы и новости от знакомых, которым успела сообщить о

том, что он нашёлся. А вот с отцом, как Кеша и предполагал, разговор не получился. Тот был резок и высказал сыну всё, что накопилось в душе за годы мучительной неизвестности. Это было справедливо, но обидно: вместо душевых слов слышать упрёки. Кеша почувствовал себя Блудным сыном, которого отец не простил. Оставалась надежда, что время всё сгладит.

Потом он снова говорил с матерью. С удивлением узнал, что ещё сохранилась их дача, и родители живут там летом, выращивая овощи и фрукты. Мать опять рассказывала о немудрёных событиях, происходящих в их городе, пока Кеша не сообщил, что средств на телефоне осталось совсем мало, и, пообещав позвонить завтра, отключился. Когда он сможет войти в смартэк, придётся поработать, чтобы пополнить счёт.

Следующий день начался с радостного осознания: протянуть ещё шесть часов, и снова можно выходить в Сеть! Он предвкушал встречу с друзьями, новые впечатления, интересные дела. Коротко поговорил с мамой, предупредил, что вечером звонить не будет, нужно пополнить счет, а для этого поработать в Сети. Мать приняла это за нежелание общаться с отцом, огорчилась, а Кеша не стал её разубеждать.

И вот, наконец, экран вновь вспыхнул, он смог войти в Сообщество. Но вместо радости неожиданно почувствовал фальшь виртуального мира. Почему-то больше не верилось красоте, которая его окружала. Друзья, такие близкие раньше, теперь казались отстраненными, никто не поинтересовался, почему он отсутствовал целых два дня. В Сообществе было не принято делиться своими проблемами, и сейчас Кеше пришлось признать, что сам он всегда точно так же относился к исчезновению других. Вспомнив, что у него заканчиваются крипты, тихо удалился, не прощаясь. Нельзя сказать, что реакция друзей и знакомых слишком огорчила, но задела – точно. И Кеша решил всерьез заняться работой, чтобы заработать много средств. Куда будет их тратить, конкретных планов не было, но он так давно не ставил перед собой никаких целей, что идея сама по себе показалась привлекательной.

Он стал выбирать сложные задания, которые оплачивались гораздо лучше. Правда, и стараться, «включать мозги» теперь приходилось чаще – применять смекалку, анализировать, делать прогнозы. Это увлекало, но всё-таки больше его грел заметный рост криптов на счёте. Средства, которые он зарабатывал, казались ему баллами, набираемыми в игре. И чем больше он трудился, тем сильнее его захватывала эта игра, названная им «Стать богатым». В Сообщество Кеша теперь выходил только в воскресенье. А в рабочие дни прерывался только на сон и еду, добавив при этом в свой распорядок физзарядку и прогулку в сквере. Вкалывал, как проклятый, но почему-то чувствовал себя гораздо лучше, чем раньше, когда постоянно

находился в Сети. Так неожиданно до него дошло, что даже маленькая цель делает жизнь осмысленнее.

Иногда звонил матери, и во время одного такого разговора понял, что хочет увидеть её и других людей из прежней жизни. Так у него появилась новая цель. Точнее, две цели соединились в одну: он решил заработать много средств и навестить родной город. Очень хотелось приехать домой на Новый год, но праздник близился, а криптов было ещё недостаточно. Он думал поразить земляков своим видом и дорогими подарками, поэтому перенёс поездку на лето.

Для начала решил преобразиться. Заказал парикмахера на дом и испытал разочарование, когда вместо живого человека прибыл робот. Тот предложил каталог модельных стрижек, и Кеша выбрал такую же, как у своего аватара. Со страхом доверился железяке, на всякий случай прикрывая уши руками, но опасения оказались напрасными, стрижка получилась похожей и уши остались на месте.

Затем он обратился в программу «Ваш доктор» (спасибо полицейским), врач-окулист проверил зрение и предложил на выбор кучу оправ, которые они примерили на Кешином виртуальном двойнике. Понравившаяся модель в скором времени была доставлена. Регулярные занятия физкультурой, ежедневный подъем на одиннадцатый этаж и прогулки на свежем воздухе тоже улучшили его внешний вид. Купив несколько комплектов одежды и теплую куртку, обувь с внутренними каблуками, делающую его выше на пять сантиметров, Кеша и впрямь стал немного похож на свой аватар. И реальная жизнь у него явно налаживалась. Он теперь был доволен собой, воспрянул духом, работа не раздражала, счёт рос, лето приближалось. Даже отец постепенно отаял, узнав, что сын собирается навестить их.

В школе Иннокентий учился хорошо, потому и подался в Москву поступать в вуз, однако помешала очередная эпидемия, ставшая поводом к закрытию учебных заведений. А потом он, как и многие, погряз в виртуальном мире... Сейчас же Кеша выделял специальные часы для повышения эрудиции, благо в Сети можно найти лекцию по любому предмету. Новые знания помогали в работе, да ему и просто нравилось слушать умных людей. Пять дней он напряжённо работал, субботу проводил в парках Москвы. Заказывал такси, чтобы добраться туда: прогулок в сквере возле дома стало не хватать. И только воскресенье по-прежнему оставалось для Сообщества.

Наступила весна. В один из будних дней Кеша, как обычно, работал. Неожиданно смартэк мигнул, и задание, над которым он трудился, исчезло.

Похолодел от испуга: неужели опять отключили?! Но нет, экран не погас, просто сменилась картинка. На него доброжелательно смотрел молодой человек. Улыбнулся и сказал:

– Привет, Иннокентий! Меня зовут Павел. Я – твой куратор.

И, видя, что Кеша никак не может отойти от изумления, продолжил:

– Твое преображение – как внешнее, так и внутреннее – в столь короткий срок очень радует. Я получил одобрение от вышестоящих коллег на разговор с тобой. Понимаю, у тебя возникло множество вопросов, думаю, нам проще будет обсудить их при личной встрече. Завтра в девять утра возле подъезда тебя будет ждать электрокар, он доставит тебя, куда нужно. Ничего не хочешь сказать?

– Привет! Понял, – только и смог ответить Иннокентий.

– Что ж, уже хорошо. До встречи! – Павел улыбнулся и исчез, а на экране снова появилось рабочее задание.

В девять ноль-ноль следующего утра Кеша вышел из подъезда и с облегчением увидел у подъезда машину.

«Тоже мне «электрокар», – мысленно передразнил он вчерашнего незваного гостя. – Машина, она и есть машина. Значит, я не сошел с ума, и этот парень мне не привиделся».

Машина была той же марки, что и такси, только не красного цвета, а белого, но за рулем тоже сидел робот. Поехали быстро и бесшумно («видно, и впрямь на электричестве»), и вскоре город оказался позади. Потом долго катили по более узкой, но ухоженной дороге, по бокам которой росло много деревьев. Встречные машины попадались им теперь очень редко.

– Интересно, зачем такая прекрасная дорога, если по ней почти никто не ездит? – вслух произнёс Кеша, но ответить было некому, в функции робота не входило поддерживать беседу с пассажирами.

Наконец они подъехали к пропускному пункту, за которым виднелись какие-то белоснежные здания. Шофер протянул Иннокентию кусочек пластика, сообщил, что его нужно предъявить охране, дождался, пока пассажир выйдет, и уехал.

«Прямо режимный объект», – неодобрительно подумал Кеша.

Робот-охранник просканировал пропуск, и двери перед посетителем разъехались, пропуская внутрь. В здании обнаружился большой красивый холл, в котором было много света, зелени и небольших фонтанчиков. Кеша завертел головой, пытаясь понять, куда теперь двигаться, но к нему тут же подкатил невысокий робот в виде тумбочки на колесиках и красивым женским голосом предложил следовать за ним. Этот робот, видимо, предназначался только для сопровождения, ему вполне достаточно было

небольшого двигателя, шасси и голосового аппарата. На лифте они поднялись на третий этаж, робот проводил Кешу до одной из дверей, которая сама собой распахнулась. На пороге стоял Павел. Он приветливо улыбнулся:

— Прошу вас, друг мой! Рад приветствовать в моей скромной обители, — и жестом пригласил войти. Сегодня к Кеше обращались на «вы».

Кабинет был раза в три больше его жилища. Огромное панорамное окно выходило в цветущий сад, хотя время для цветения вроде бы еще не наступило. В центре помещения стоял большой стол, вокруг него — удобные кресла. Одну стену занимал плоский смартэк, похожий на тот, что Кеша однажды видел у соседки, только в несколько раз больше. Он уселся в кресло как раз напротив смартэка и вопросительно посмотрел на куратора.

— Понимаю ваше нетерпение, — снова улыбнулся тот, — но подозреваю, что вы еще не успели позавтракать. Потому не выпить ли нам по чашечке кофе?

— Хорошо, — кивнул гость. Позавтракать он действительно не успел.

Павел нажал на кнопку в стене, и рядом образовалась ниша, в которой появились две изящные фарфоровые чашечки и тарелка с бутербродами.

— Угощайтесь, — предложил гостеприимный хозяин кабинета.

Кеша не стал отказываться и с удовольствием приступил к еде. Хлеб был слегка поджаренным и приятно хрустел, сыр, колбаса и кофе источали волшебный аромат натуральных продуктов и вкус имели соответствующий.

— Что ж, рад, что вам понравилось скромное угощение, — заметил Павел, когда Кеша с сожалением проглотил последний кусочек. — А не прогуляться ли нам по саду? Я думаю, вы не прочь познакомиться с Городом Вечной Весны. Да-да, не удивляйтесь, именно так называется это изумительное место.

Они вышли в сад. Павел повёл рукой перед собой и пояснил:

— Здесь всегда царит весна. Город окружён энергетическим полем, которое поддерживает постоянную температуру от двадцати до двадцати пяти градусов. Так пожелали его обитатели.

Невдалеке виднелись белоснежные здания с большими окнами — и высотные, и малоэтажные. Чувствовалось, что архитекторы при их проектировании свою фантазию не ограничивали. Павел и Кеша прошлись по территории, любуясь окружающим видом и вдыхая аромат цветущих растений. Отовсюду слышалось пение птиц, и это не была запись, живые птицы порхали в саду — так же, как и множество бабочек.

— И это всё реально?! — воскликнул Кеша.

— Ну что вы, Иннокентий! Конечно же, это всё существует в действительности. И вы можете стать частью этого прекрасного мира.

– И что я для этого должен сделать?

– Собственно, вы уже сделали, – отозвался куратор. – Я говорил, как нас поразили происшедшие с вами перемены. Причём вы сами этого добились. Поверьте, в моей практике такой случай впервые.

– А вы следите за всеми в Сети?

– Нет, это невозможно. Но существуют специальные алгоритмы, которые отслеживают определенные параметры. И когда они находят что-то интересное, в дело вступаем мы – ловцы человеческих душ! – Тут Павел весело рассмеялся и лукаво покосился на Кешу. – Не пугайтесь, это просто не слишком удачная шутка. Я наблюдаю за вами третий месяц, и ваш рост от обычного сетевого овоща до вполне разумного индивидуума впечатляет. Стоило отключить вас от Сети, и весь ваш потенциал проснулся. Мозг начал работать в усиленном режиме, вы оказались способны решать сложные задачи. И, что особенно ценно, вы обладаете аналитическим умом.

– Я и не был овощем, – обиженно проворчал Кеша. – Просто надрываться на работе не считал нужным.

– Ну, не были, так не были, – пожав плечами, примирительно сказал Павел.

– А можете объяснить, почему меня отключили от Сети? – попросил Кеша. – А то я голову сломал.

– О, ничего особенного! Вам показалось, что один знакомый не слишком вежлив с вашей подругой, вы заспорили. Чтобы предотвратить развитие конфликта, Сеть отключила вас обоих. Агрессия не приветствуется. Вы на это небольшое происшествие даже внимания особого не обратили и потому не запомнили.

– Так просто! – изумился Иннокентий. – Я сам вышел из Сети на минутку, просто пить захотелось, а в это время меня и отключили. Оказалось, на два дня, и это были самые долгие дни в моей жизни!

– Вы долго обитали в Сети и не заметили, что жизнь изменилась. Позвольте я несколькими штрихами обрисую самую суть, – продолжал куратор. – Как вы знаете, Земля – крайне неспокойное место, тут всегда что-то случается: войны, землетрясения, эпидемии. Люди гибнут, но продолжают размножаться, население увеличивается катастрофически. Массовая гибель людей не гуманна и, как показали последние годы, не эффективна. Тем более что в таких случаях гибнут все подряд, в том числе весьма талантливые, умные люди. Как говорил в начале прошлого века один поэт, «нельзя жарить соловьёв». И тогда люди, которые принимают решения, поняли, что бессмысленно просто уничтожать людей. Одновременно с этим Корпорация сумела объединить все разрозненные в то время сети в одну Сеть, единую

для всей Земли. Люди, принимающие решения, получили в руки инструмент, с помощью которого можно выделить из общей массы «соловьёв» и перестать, наконец, их жарить. Наоборот, дать им возможность развивать свои таланты на благо общества... Да и на благо Корпорации тоже, – сказал после небольшой паузы куратор, – я понял вас.

– Вы умеете читать мысли? – удивленно-испуганно спросил Кеша.

– Нет, что вы! – засмеялся Павел, – этого пока не умеем. Но уже есть приборы, которые достоверно показывают эмоциональный отклик человека. Положительная, нейтральная, отрицательная реакция. Согласен, этого недостаточно, опытный собеседник делает это интуитивно. Но, надеюсь, проблема будет решена со временем. А вашу мысль можно понять и без приборов, она буквально написана на лице.

– Я редко общаюсь с живыми людьми... – смущённо пробормотал Кеша.

– Не переживайте, – успокоил куратор. – Вы умнее, чем мне представлялось, и это не может не радовать. Конечно, Корпорация имеет выгоду, никто этого не скрывает. Мы теперь вообще ничего не скрываем. От умных скрывать бесполезно, а прочим всё равно. Я продолжу. Алгоритмы постоянно совершенствуются, и они позволяют находить наделённых различными талантами людей...

– А что случается с теми, кому не посчастливилось попасть в «умные»? – сразу спросил Иннокентий.

– Ничего не случается. Они живут, никому не мешают, не создают проблем, выполняют несложную работу, зависают в Сети. У них нет других интересов. По-своему они счастливы. Зато за пятнадцать лет действия программы население Земли сократилось на шестьсот миллионов. И, смею вас уверить, это только начало. И, заметьте, никто никого не уничтожает, все заняты своим делом, все счастливы. Идеально! В то же время растёт число людей, наделённых талантами, способных на великие дела. А сетевые овощи потихоньку исчезают. Так и происходит селекция человеческого рода – целенаправленно и безболезненно.

Тут Кеша, вероятно, должен был выразить свой восторг, но он поинтересовался скептически:

– Так за счёт чего сокращение населения идёт, я не понял.

– Что ж тут непонятного? – поднял брови Павел. – Вы молодой человек, но у вас нет семьи, нет детей. Если бы всё шло, как раньше, вы могли бы иметь уже нескольких. Многие молодые люди не будут иметь потомства. Отсюда сокращение численности. Люди умирают от старости, а молодые не приходят им на смену, – это естественная убыль населения. И

самое главное, людям никто ничего не запрещает. Если ненароком встретятся, обзаведутся детьми, – ничего страшного. Ведь они сами и их дети останутся в Сети. Тем более что у них может родиться талантливый ребенок...

– Это чистая евгеника – искусственно выводить новую породу людей. А если у талантливой пары рождается обычный ребёнок (талант, как известно, по наследству не передаётся), что с ним будет? Родители вряд ли смирятся с тем, что их ребёнок зависнет в Сети. А это конфликт с вашей замечательной системой! – заметил Кеша.

– Как верно подмечено! – восхитился куратор. – Вы с ходу нашупали болевую точку. Мы надеемся, в будущем решение этого вопроса найдётся.

– Не получится новой породы, – продолжил Кеша. – В популяции только шесть-восемь процентов могут иметь выдающиеся способности, природа в последующих поколениях всё выровняет, приведёт к норме...

– Мне кажется, мы увлеклись разговорами, – прервал его Павел. – Время обеденное, предлагаю отложить беседу и посетить нашу столовую.

Кеша не возражал. Столовая выглядела, как роскошный ресторан: дизайнерские люстры, столы, покрытые накрахмальными скатертями, изящная посуда. Обслуживали столики роботы-официанты. Бесшумно подкатывая, они считывали заказ, который посетители набирали на панели, укрепленной возле каждого стола, и через несколько минут доставляли блюда. И еда оказалась выше всяких похвал: повара были искусными, мясо и овощи – натуральными.

После обеда Павел пригласил Кешу на экскурсию по городу. Жилые дома здесь располагались около бассейнов, небольшие садики у каждого дома сливались в огромную садово-парковую зону. Кругом виднелись спортивные площадки, по территории были проложены дорожки для прогулок. И в каждой квартире имелась большая терраса с видом на бассейн. У Кеши кружилась голова от обилия впечатлений.

– Ну что, Иннокентий, понравился наш город? – поинтересовался Павел, когда они вернулись в кабинет.

– Кому же это не понравится! – отозвался гость. – А от меня что требуется? Чем я могу быть полезен Корпорации? У меня специальности нет, и в вузе я не учился.

– Разве нас интересует наличие диплома? Корпорация давно поняла, что вузы – пережиток прошлого. Студенты в них получали стандартные знания, из них выходили средние специалисты, фактически полуфабрикаты, и доделывать их приходилось на производстве. У нас другой подход. Лучше всего знания усваиваются при практическом применении, поэтому в

Корпорации существует цеховой метод обучения. Студент получает наставника, они вместе решают задачи различной степени сложности, и в ходе этого процесса человек приобретает все необходимые знания и навыки.

– Ну да, всестороннее образование – кому оно надо? Люди – функции, очень прагматично, – пробормотал себе под нос Кеша и поймал на себе внимательный, настороженный взгляд Павла.

«Кто тебя за язык тянет, Иннокентий? Молчи да слушай!» – мысленно отругал он себя.

– То, к чему склонен претендент, выясняется с помощью тестирования. Я схематично обрисовал, в реальности немного сложнее, – закончил рассказ куратор.

– А много таких городов на Земле? И как Корпорация управляет этими людьми? С теми, кто сидит в Сети, понятно. А «умников» как держат в узде? И как на всё это реагируют правительства стран, они не чинят препятствий Корпорации? – опять не утерпел Кеша.

– Да уж... Невольно задумаешься, не слишком ли вы умны для нас. Хорошо, отвечу по порядку. Городов таких много, людей, которые в них живут, – миллионы. Если помните, в Российской империи имелась Табель о рангах, в Корпорации принято нечто подобное. Существует десять ступеней. Кандидата принимают на первую, в дальнейшем происходит рост. В соответствии со ступенью распределяются все блага: «от каждого по способности», знаете ли, «каждому по труду...». А управляются с «умниками» лишением или предоставлением благ. Самое страшное наказание – это исключение из Корпорации. Когда вы вернетесь в свой нынешний дом, сами это поймёте. Человеки очень быстро привыкают к комфорту, «умники» в том числе... – куратор усмехнулся. – Теперь насчет правительства. Нет, препятствий не чинят. Все значимые люди на планете, то есть те, кто принимает решения, входят в Корпорацию. А правители находятся на Десятой ступени и автоматически становятся акционерами компаний.

– Что ж, понятно. Собственно, ничего нового не придумано: простые люди всегда были таким же ресурсом, как нефть или золото, и неважно, «умники» они или «сетевые овощи». Радует, что теперь этот ресурс не уничтожается зря, а Корпорация находит ему применение, – пробормотал Кеша вполголоса, как бы про себя.

Однако Павел явно расслышал его комментарий. Вновь оглядел как-то особенно внимательно, потом произнёс:

— Кажется, я ответил на все ваши вопросы. Теперь разрешите откланяться. Вас отвезут домой, и завтра вы получите сообщение, принятые вы в Корпорацию или нет.

— Так я, собственно, не напрашивался, сами пригласили. Я бы и не знал ничего про вашу Корпорацию... — опять буркнул Кеша. — Вам спасибо, Павел, вы уделили мне столько времени, было очень интересно побывать здесь! — спохватился он, боясь показаться невежливым. — До свиданья.

— Это моя работа. Было крайне любопытно пообщаться, — лицо куратора на мгновенье стало напряженным, но, прощаясь, он улыбнулся и помахал рукой.

Иннокентий вернулся домой затемно и, не поужинав, упал на диван, засыпая на ходу. Сил больше ни на что не осталось. Спал он долго и крепко, а проснувшись, лежал, закинув руки за голову, и смотрел в потолок, будто там были написаны ответы на мучившие его вопросы.

Кеша размышлял обо всем увиденном и услышанном вчера, и пришёл к выводу, что его жизнь вовсе не бесполезна. «Вот удивился бы куратор», — усмехнувшись, подумал он. Даже его комната не выглядела убогой, напротив, она была удобной и обжитой. «Может, я и сетевой овощ, но практически свободен, — думал он. — Никто не диктует, что мне делать, куда идти, какой фильм смотреть, какую книгу читать, с кем общаться в Сообществе и в каком городе сидеть на лужайке. Всё это я решаю сам. Даже то, сколько зарабатывать и какую еду есть».

Тут он вспомнил, что не поужинал вчера, и заказал дорогую еду. В последнее время он мог себе это позволить. Эта еда была не столь вкусная, как та, что он попробовал вчера в столовой Корпорации, но всё же намного лучше «быстрой еды». И он сам может решать: экономить время и деньги или заботиться о здоровье. Он может себе позволить сейчас лежать, но если захочет, может поехать в Царицыно, прогуляться по любимому парку. Этот парк не такой ухоженный, как в Городе Вечной Весны, скорее, он сильно запущен. Зато он интересен живой природой, немного обветшалым, но всё же великолепным дворцом. Там полно птиц, встречаются собаки и другое зверьё. На всякий случай Кеша даже заказал тяжёлую трость, чтобы обороняться, но пока, к счастью, ни разу ею не воспользовался.

Решив, что достаточно поленился, Кеша вскочил с лежанки, умылся и позавтракал. Потом оделся и отправился в Царицыно. Ходить и думать, как он заметил, было гораздо продуктивнее, чем думать лёжа. Погода стояла замечательно весенняя. Деревья уже покрылись нежной зеленью, и пахла она свежо и пряно. Кеша бродил по аллеям, не желая вспоминать неприятные вещи, но нет-нет да и погружался в раздумья.

Мысли о вчерашнем приключении роились не самые оптимистичные. Отсюда, из естественной природной среды, всё, что он увидел в городе «умников», казалось фальшиво-нереальным. Внешняя красота казалась выморочкой и даже зловещей. «В виртуальном пространстве и то больше натуральности», – подумалось ему.

В то же время Кеша понимал, что отказаться от такого лестного и перспективного предложения не сможет. Он надеялся попасть в этот удивительный мир – хотя бы просто ради того, чтобы узнать, как там всё устроено. К тому же там много умных талантливых людей, живое общение, которого ему так не хватало прежде.

«Но меня же могут и не принять в Корпорацию, – вспомнил Кеша. – Ведь решение пока не принято. А не надо было умничать!» – укорил он себя за неуместные высказывания.

Немного отвлекся на пробегающую мимо собаку, подозвал её и протянул кусочек мяса. С недавних пор он стал угождать собак едой – не самой дорогой, а, скажем так, из средней ценовой категории. Пёс фыркнул недовольно, но, видимо, голод пересилил, и он принял угождение. «Даже голодные собаки не желают есть эту дрянь», – отметил Кеша.

Его поначалу удивляло, что собаки в парке не были дикими, довольно мирно настроены по отношению к человеку. Иногда, присев на лавку, он разговаривал с какой-нибудь собакой, и та благожелательно слушала. Жаль, что не могла ему ответить, а только смотрела умными глазами, понимая и сочувствуя. Однажды возле скамейки он наткнулся на лоток с остатками еды и понял, что собак кто-то подкармливает. Изредка он замечал на аллеях человеческие силуэты, но, завидев его, люди растворялись в кустах, не желая встречаться. Кеша понимал, что в парке происходит какая-то своя потаённая жизнь, и не сбирался в неё вмешиваться. В конце концов, каждый живёт, как хочет.

В школе Иннокентий посещал факультативные занятия по политэкономии, которые вела учительница-энтузиастка, она пыталась объяснить детям социальное устройство жизни. И сейчас он мог схематично проанализировать происшедшие в мире изменения.

«Надо же, как завернули: «люди, которые принимают решения». Куда короче и понятнее – «элита». Элита всегда использовала остальных людей для своих целей. В начале истории эти «люди, которые принимают решения» владели другими людьми, не стесняясь называть их «рабами», потом владели людьми посредством земли и средств производства, но это всё равно было владение человеком, его телом. Теперь они завладели информацией, и через неё владеют людским сознанием. Пока я сидел в Сети, на Земле народился

новый строй. Куда там рабовладению, теперь элита владеет и телом, и сознанием. Вот бы удивился старик Карла, который Маркс, ему такое и не снилось».

Впрочем, Кеша не мог не признать, что новая модель общества, которую ему представили, выглядела хоть и бесчеловечной, но довольно гуманной. Людей действительно не уничтожали физически, они ощущали себя свободными и вроде бы делали то, что хотели.

«Надо было сказать об этом Павлу, а то наговорил разных глупостей. Поумничать захотел, – опять отругал он себя. – Но если не примут в Корпорацию, ничего страшного, живое общение я могу иметь и дома. Буду чаще ездить в родной город, к родителям. А может, совсем переберусь к ним, мать с отцом уже пожилые, им помогать надо. Быть в Корпорации белым рабом не так уж заманчиво. Интересно, Павел понимает, что все эти «умники» тоже эксплуатируются?»

Бродил он по парку долго, пока не проголодался, но ехать домой не хотелось. Присел на лавку и решил заказать обед прямо сюда. Конкретного адреса парка он не знал, но робот найдет его по индикатору. Получив заказ, пообедав и отдохнув, Кеша снова гулял по аллеям. Он так и не решил для себя, что предпочитает: остаться в одиночестве в Сети или быть принятим в Корпорацию. Но решение зависит не от него, так и нечего голову ломать.

Начинало смеркаться. В темноте оставаться здесь было страшновато. Пришлось вернуться. Дома он решил пораньше лечь спать, почувствовав, что за день сильно устал.

На следующее утро хорошо отдохнувший Кеша проснулся рано. Ожидая сообщения от Корпорации, включил смартэк и зашёл в раздел «Игры». Его внимание привлекла новая игра – «Билет в Эдем». Заинтересовался, подумав, что название символичное. Зашёл, но оказалось, это обычная «стрелялка». Без интереса прошёл первый гейм, не понял, при чём тут рай. Бандиты и полицейские просто гонялись друг за другом и палили из пистолетов.

Он собрался прерваться и найти более интересную игру, как вдруг виртуальный персонаж на ходу обернулся и, уже скрываясь за углом, выстрелил в Кешу. В этот момент экран погас, но он этого уже не увидел – на белой рубахе в районе сердца появилось и начало медленно расплываться алое пятно.

Из жизни Славика

Славик жил в большом зелёном дворе. Двор образовывали три дома, стоящие буквой «П», с четвертой стороны проходила узкая дорога. За ней – пустырь, поросший бурьяном, а дальше – сквер, примыкающий к школе. Во дворе росли берёзы, рябины, пирамидальные тополя, кустарники, в основном, сирень. Были разбиты клумбы, имелась детская площадка с песочницей, качелями, лесенками. Хороший такой, благоустроенный двор, тихий.

Комната Верочки окнами выходила на сквер и школу. Она с родителями совсем недавно переехала в этот дом, и ей нравилось, что в просторной квартире у неё появилась своя комната. Вера перешла в последний класс, и родители хотели, чтобы она осталась в прежней престижной школе, считая, что аттестат лучше получить там. Но Вера думала иначе. Для одноклассников, среди которых было немало «золотых деток», она так и не смогла стать своей, называла их снобами, а они считали её скучной, оскорбительно не замечали. Даже не называли по имени, окликая в случае необходимости: «Эй, рыжая!». Поэтому она и решила перевестись в другую школу – возле дома. Если не повезёт с классом, годик можно потерпеть, а если повезёт, будет приятно учиться, и это время запомнится, как хорошее.

Всё сложилось удачно. В школе она легко влилась в новый коллектив, обзавелась множеством друзей. Во дворе тоже быстро освоилась. Ей нравилась дорога через сквер, нравилось возвращаться домой после уроков, обойдя все живописные аллеи. Вера собиралась учиться на биологическом факультете, очень любила разную живность, даже вела дневник наблюдений за обитателями окрестностей.

В протекавшей за школой небольшой речушке водились бобры и нутрии, а ещё множество уток. Правда, бобров она так и не выследила, смогла только определить, где выстроены их хатки, зато несколько раз видела мордочки нутрий, которые, любопытствуя, высовывались из воды.

А во дворе обитали разные птицы. Голуби, толстые, раскормленные местными старушками, были так ленивы, что прохожие чуть не спотыкались о них. Неповоротливые, но жадные голуби пытались отгонять от корма синичек и воробьев, однако мелкие воришки брали числом и успевали поживиться. Зимой во дворе изредка появлялись яркие нарядные снегири и клесты. Летом к птичьему царству добавлялись трясогузки, они быстро бегали по земле и ловили насекомых, весело потряхивая длинными хвостиками. Мечущиеся между домами заполошные стрижи служили для

жителей своеобразным барометром: когда погода ожидалась сухая и солнечная, они носились высоко, а перед дождём – ближе к земле, ловко маневрируя на острых крыльях и звонко щебеча.

Высоко в небе постоянно кружили коршуны, издающие требовательные клекочущие звуки. Непонятно было, чем они там, в вышине, питаются, никто не видел, чтобы коршуны пикировали за добычей или гонялись за другими птицами. Однажды парень из соседнего дома прикормил их: начал кидать из окна небольшие кусочки мяса, а коршуны слетелись со всей округи и исполняли в воздухе сложнейшие виражи, успевая ловко подхватывать мясо возле самой земли. Такая кормёжка продолжалась всё лето – к большому удовольствию местных зрителей, следивших за головокружительными трюками крупных птиц.

Самыми многочисленными и привычными во дворе были воробы. Воробы и воробьи, ничего примечательного, кроме одного, выделяющегося светлым пятном на голове. Из-за этой отметины или вредного характера собратья и прочие пернатые его недолюбливали, постоянно пытались клюнуть в светлое пятно, видимо, проверяя, что это за недоразумение. Воробьишко такого хамства никому не спускал, всегда давал сдачи – не глядя на размеры обидчика. Был он шустрой, смелый, и Верочка сразу этого меченого приметила. Она часто гуляла во дворе со своей собакой Агатой, а наблюдать за окружающей жизнью было её любимым занятием.

Заметил Верочку и воробей, хотя обычно эти птицы не обращают на людей внимания, опасаются только человеческих детенышней, которые могут кидаться камнями или, хуже того, стрелять из рогатки. А тут, увидев Верочку впервые, воробей чуть не окаменел от изумления и восторга, настолько поразили его кудри девочки, полыхающие рыже-золотистым цветом.

– Посмотрите, какая необыкновенная! – зачирикал воробьишко своим собратьям. – Она похожа на золотой цветок!

Только другим воробьям не было дела до обычной, по их мнению, девчонки. Этот меченый всегда был странным, и к его чудачествам давно привыкли. Отмахнулись от него и на сей раз. Но воробьишку с отметиной это не смутило, он стал верным спутником Веры, часто сидел на ветке напротив её окна.

Поздней осенью, когда яркие краски померкли, в природе осталась только черно-серая графика голых искривлённых веток. Полетели редкие снежинки, которым пока не удавалось прикрыть неприглядные следы поздней осени. Начались короткие осенние каникулы, и Верочка с удовольствием проводила на улице больше времени. Однажды она гуляла с Агатой и, устав, присела на лавку в сквере. Собака радостно носилась вокруг

ней, а девочка с удивлением заметила на лавке знакомого меченого воробья. Тот выглядел помятым и взъерошенным, похоже, попал в очередную передрягу, и его здорово потрепали. Воробей был так слаб и измучен, что даже не смог улететь, когда Верочка села рядом. Он только едва взмахнул крыльями и остался на месте. Тогда она протянула к нему руку – скользя по лавке тыльной стороной ладони, не делая резких движений, стараясь не спугнуть птаху. Осторожно подвела под воробышку ладонь и смогла взять в руку, чтобы осмотреть. Тот замер от ужаса, но всё же доверился девочке. Что бы ни говорили ученые об отсутствии ума и наличии только инстинктов у животных и птиц, те хорошо понимают, кто может им помочь, а кого лучше избегать. Вера поднесла воробья поближе к глазам, внимательно рассмотрела. Пичуга явно нуждалась в помощи.

– Привет, меченый! Я тебя помню, ты задира. Досталось же тебе! Что же мне с тобой делать? Здесь оставлять нельзя, кошки слопают. Раз не смог взлететь, значит, дела плохи.

Верочка задумалась, глянула на Агату, которая, высунув язык, внимательно смотрела на них.

– Что скажешь? – спросила Вера у собаки, но сама себе и ответила: – Заберём его домой. Оклемается, потом выпущу.

И они втроём направились домой. Воробья Верочки устроила в коробке из-под обуви, которую поставила высоко на шкаф – на всякий случай, чтобы Агата не навредила птице. Дней десять меченый сидел в этой коробке, клевал корм, пил чистую водичку, постепенно приходя в норму. Никогда раньше не ел он так много и так вкусно. Вскоре, отъевшийся, отоспавшийся в тишине и покое, он уже бойко посматривал на всех со шкафа и постоянно что-то чирикал. Только чириканье у него было необычным, не «чик-чирик», а что-то похожее на «вики-вик». Поэтому Вера и дала ему прозвище Славик, добавив к его «вик» сокращение от «славный».

Со временем Славик стал летать по комнате, и Вера уже не боялась открывать окно для проветривания. Она думала, что, выздоровев, воробей улетит на волю, но не тут-то было. Посидев на раме, подышав свежим воздухом, Славик возвращался обратно в коробку.

Родители Веры относились к присутствию воробья в доме скептически, но дочери не препятствовали, знали её любовь ко всякой живности. И Агата быстро подружилась со Славиком, в компании с ним ожидать хозяев было не так тоскливо. Когда Верочка выходила на улицу гулять с собакой, брала с собой и воробья в коробке. Первый раз, когда Славик выпорхнул из своего домика и радостно полетел к стайке собратьев, девочка решила, что он исчез навсегда. Но когда они с Агатой направились домой, откуда ни возьмись

явился воробей и спланировал прямо в коробку, которую Верочка не успела выкинуть. Она удивилась и обрадовалась.

Отец её так откликнулся на это событие:

– Он что, дурак такое хлебное место терять в начале зимы? Он у нас и сыт, и пьян, и нос в табаке.

– Надо же! Кому сказать – не поверят: завели себе воробья! – добавила мама.

– Это не мы его завели, это он нас завёл, да ещё собаку в придачу.

Хозяином себя считает. Я вчера зашёл в твою комнату, – повернулся отец к Вере, – а этот нахал расчирикался на меня. Так верещал, что пришлось убраться поскорее.

– А что ты делал в моей комнате? – подозрительно спросила Вера.

– Маникюрные ножницы искал. По собственной квартире уже не могу свободно передвигаться!

Так они и зажили. Отправляясь гулять с Агатой, Вера брала с собой Славика. Он летал по двору и окрестностям, а потом снова возвращался в дом. Очень ему не хотелось покидать любимую девочку и тёплое хлебное место. Но всё рано или поздно заканчивается...

В конце февраля запахло весной, снег начал подтаивать, солнце светило ярче. Верочка только что пришла из школы, Славик сидел на раме открытой форточки и радостно приветствовал её. Потом он вдруг издал звонкий клич, посмотрел на Верочку и Агату, прощаясь, и стремительно вылетел на улицу.

– Всё, Агата, – поняла девочка, – наш Славик больше не вернётся. Зима закончилась, а он птаха вольная.

Агата тоже всё поняла. Она положила морду на лапы и весь вечер пролежала в этой позе. Когда Вера её окликала, собака поднимала голову и грустно смотрела на хозяйку, будто упрекала, что та не смогла удержать её друга.

Но всё же Славик не совсем исчез из их жизни, иногда он подлетал к ним на улице, радостно приветствовал своим «вики-вик», кружился рядом и даже присаживался на голову Агате, как привык это делать, живя с ними.

Летом Верочка уехала в Москву и поступила в институт на биологический факультет, а Славика с тех пор во дворе не видели. Куда он подевался, неизвестно. Его собратья не слишком озабочились его отсутствием, девочка, похожая на золотой цветок, здесь уже не жила, а больше беспокоиться об исчезнувшем воробье было некому.

Чайка

На Людмилу Ивановну в середине июня неожиданно свалился отпуск.

Прямо с утра к ней в кабинет ворвалась сотрудница её отдела Юлька и с порога заголосила:

— Людмила Ивановна, миленькая! Выручайте! Мужа поощрили бесплатной путёвкой в Сочи на двоих, в июле! Такой случай раз в жизни бывает!

Людмила Ивановна прервала поток восклицаний:

— Я вас поздравляю. Но я тут при чём? Чем выручить?

— Как чем? У вас одной отпуск в июле, мне больше поменяться не с кем!

— Так... — начала понимать Людмила Ивановна. — Но у меня отпуск тоже распланирован. Мы семьёй на Чусовую едем, мне Светка не простит, она на каникулы с женихом приезжает.

— Да забейте вы на эти сплавы, не в вашем возрасте в туристов играть! — выпалила Юлька. И тут же осеклась под удивлённо-возмущённым взглядом начальницы, которая зимой отметила сорокалетие, прекрасно выглядела и про возраст пока не задумывалась.

— Хорошо, Юля, я посоветуюсь с семьёй, завтра утром дам ответ, — холодно ответила она.

— Уволюсь к чертям! — проворчала сотрудница под нос, выходя из кабинета и злясь на себя за неосмотрительную реплику.

Людмила Ивановна задумалась. Хороший выход, между прочим, если Юлька по собственному желанию уволится. Самая молодая сотрудница отдела давно вызывала недовольство коллег. Дерзкая, несдержанная, она служила постоянным источником разборок и ссор. Работником была безответственным, причём собственных ошибок никогда не признавала. Начальница устала от этого раздражителя и искала повод, чтобы с Юлькой расстаться. Но уволить молодую мамашу было делом непростым, потому Людмила терпеливо ждала подходящего случая.

Слова Юльки её не задели: что взять с невоспитанной девицы? К тому же, по правде говоря, туристские замашки родных ей действительно были уже в тягость. Планы на отпуск составляли муж с дочерью, в компании друзей семья должна была отправиться на Урал, чтобы сплавиться на катамаранах по красивейшей, как уверяли все, реке. Муж, весёлый компанейский человек, был заядлым туристом, любил побродить по стране с такими же весёлыми бородатыми людьми. Они лазили по горам, сплавлялись по рекам, ночевали в палатках и были донельзя довольны такой жизнью.

Дочка пошла в отца и от души любила всякую, как она выражалась, «движуху».

По молодости Людмила с радостью присоединялась к мужу, пока лет десять назад не поняла, что ненавидит эти приключения. Но деваться было некуда. Отдыхать одна она не любила, а все друзья и подруги тоже входили в круг любителей романтики. Если удавалось вытащить мужа за рубеж, он и там умудрялся найти место для «активного отдыха». Это дорого обходились Людмиле: при сплаве по реке Сава в Словении она вывихнула правое плечо, а в Турции получила солнечный удар. И вот сейчас она была поставлена перед выбором: или избавиться от возмутителя спокойствия в отделе, или использовать ситуацию как предлог увиличнуть от похода. Ей хотелось отправиться в тёплую страну, купаться в синем море и загорать на жарком южном солнце, а не у костра.

«Что с того, что одна? Другие люди ездят, им нравится, хоть отдохну от всех, – уговаривала она себя. – Но, конечно, Светка недовольна будет, хотела родителей с женихом познакомить».

Подумав ещё немного, Людмила наконец решилась и мысленно махнула рукой: «Ничего, переживут, им и без меня будет хорошо. А Юлька пусть ещё поработает, позже разберусь с ней».

После работы она заглянула в туристическое агентство, и ей сходу предложили «горячую» путевку в Испанию. У Людмилы ещё не закончилась годовая Шенгенская виза, которую они с мужем оформили весной, когда брали круиз вокруг Европы. Лететь нужно уже в субботу, сегодня четверг, но если завтра утром оформить документы и оплатить путёвку, можно успеть. Осталось сообщить родным и пережить их разочарование.

Стоически выдержав все разборки с семьёй, Людмила договорилась с руководством о переносе отпуска и купила путёвку. Весь вечер пятницы она собирала чемодан под неодобрительными взглядами мужа, а в субботу уже сидела в самолёте свободная и пока не верившая своему счастью. Слишком быстро всё случилось.

В Барселону прилетели около пяти часов вечера, но пока собрали группу, пока все получили багаж, прошло часа три. Погода не радовала, в середине июня в «знойной» Испании температура была всего четырнадцать градусов. Людмила порадовалась, что взяла с собой куртку, но и в ней основательно продрогла. Из аэропорта Барселоны ехали долго, развозили людей по деревушкам и отелям. Оказалось, что её деревня Тосса – последний пункт маршрута, и едет она туда одна. Сопровождающая вышла вместе с туристами в предпоследнем пункте, сообщив, что в Тоссе её встретит

машина из отеля, потому что там очень узкие улицы, и автобус до отеля не проедет.

Стояла глубокая ночь, лил дождь, бушевал штормовой ветер, и Людмила слышала, как шофер громко возмущался, что придётся ехать в такую погоду и везти всего одного человека. Она не знала испанского языка, но всё и так было понятно. Ехали в кромешной темноте, и оставалось удивляться, как шофер находит путь, и молиться, чтобы огромный автобус не свалился в пропасть. Примерно через полчаса они прибыли в деревню и остановились на площади. Людмила выглянула из автобуса, вокруг была чернильная тьма, только в сотне метров от них горел одинокий фонарь, никаких машин видно не было.

Людмила спросила шофёра на английском: «Где моя машина?» Тот в ответ выдал длиннющую фразу на испанском, из которой она поняла только то, что он очень зол. Невысокий коренастый испанец бегал по салону и выразительно показывал на дверь, предлагая убраться как можно скорее. Но Людмила не собиралась выходить под дождь и ледяной ветер, туда, где её никто не встречал. Что она будет там делать? Она даже не представляет, в какой стороне отель и как до него добраться. И она продолжала в отчаянии твердить по-английски: «Я не понимаю. Я не вижу машину. Где мой отель?»

Но это было бесполезно, шофер ничего не понимал. И явно не хотел понимать. Он даже выставил её чемодан на улицу – в надежде, что Людмила выскочит за ним, а он благополучно уедет. Но она не поддалась на провокацию, а тащить саму пассажирку из салона водитель не решился. Поняв, что акция не удалась, завёл автобус и сделал вид, что уезжает вместе с ней. Людмила осталась на месте: по крайней мере, её привезут к людям. Поняв, что выкурить туристку не удастся, шофер принял звонить, при этом орал в телефон во всё горло. Это помогло или что-то еще, но вскоре подъехал микроавтобус, в салон зашёл высокий приветливый испанец и жестом пригласил следовать за собой. Через пять минут Людмила уже стояла в холле отеля, и девочка-портье на чистом русском языке объясняла, что здесь были не в курсе прибытия гости. Скорее всего, сопровождавшая их команду гид просто забыла про её существование, как только вышла из автобуса.

Контраст между тёмным холодным автобусом и тёплым, залитым ярким светом холлом был так велик, что на ум пришло сравнение автобуса с чистилищем, из которого после долгих мытарств она всё же попала в рай. Мысли так захватили Людмилу, что, заполняя карту гостя, она ошиблась в дате рождения. Выходило, что она моложе на десять лет. Исправлять не стала, но ошибка так насмешила, что она от души расхохоталась на весь холл, и смеялась, не останавливаясь, под удивленным взглядом портье.

— Узнаю соотечественницу, — услышала она русскую речь за спиной. — Иностранцы так заразительно смеяться не умеют.

Она обернулась и увидела мужчину чуть за тридцать. Улыбаясь, он слегка поклонился и представился:

— Меня зовут Вадим, я из Москвы. В этом отеле почти нет русских, в основном немцы и испанцы. Поздравляю с прибытием! Нашего маленького полку прибыло.

Людмила в свою очередь представилась и в сопровождении коридорного, который нёс за ней чемодан, отправилась в номер. Оказавшись в комнате, быстро приняла горячий душ и упала в огромную двуспальную кровать. А перед тем, как уснуть, успела подумать, что Испания встретила её не очень ласково. С этой мыслью она и проснулась. Вспомнила, как мёрзла в автобусе, и что бы с ней было, поддайся она на уговоры шофера. К счастью, утро было солнечным, а из окна номера открывался великолепный вид на синее-синее море, всё покрытое небольшими лодочками и солнечными сполохами, так что настроение у неё поднялось.

На завтраке за её столик подсел Вадим, и целую неделю, пока он не уехал, они не расставались. Ему пришлось отправиться в отпуск одному, потому что жена перед поездкой сломала ногу. В связи с травмой турфирма компенсировала ей средства за путевку, а ему в возврате денег отказали. Так он оказался в испанской деревушке в одиночестве, и на него начали охоту две соотечественницы, искательницы приключений. Он старательно избегал их общества, и приезд Людмилы его здорово выручил. К ней он проникся симпатией с первого взгляда, они сразу подружились и проводили вместе все дни. За неделю успели посетить множество экскурсий, включая парк Гауди в Барселоне и музеи Сальвадора Дали. Установившаяся солнечная погода сопутствовала им во всех путешествиях по испанской земле, и Вадим, смеясь, говорил, что Людмила привезла солнце из Сибири, потому что до её приезда было весьма прохладно.

Она возвращалась с автостанции Тоссы, с той самой площади, на которую приехала ночью неделю назад. Сегодня она проводила Вадима в аэропорт, его время в Испании закончилось. Людмила грустила, за несколько дней она успела привязаться к этому мужчине, ей было легко и весело в его компании, и она знала, что тоже нравится ему. Лёгкая тоска по несбывшемуся и такому возможному не оставляла её. Она раздумывала, как было бы здорово дать волю чувствам, поддаться им, и напрасно она этого не сделала, ведь так просто позволить себе немного любви.

«Дикая ты женщина, Людка, – по-свойски обратилась она к себе, – удивляюсь я на твою верность. Тоже мне комиссарша! Как же это раздражает! Пожалуй, Вадим только и ждал сигнала, разрешения любить, готов был ко всему. Жаждал комиссарского тела, – она засмеялась своим мыслям неожиданного громко, запрокинув голову, но быстро погасила смех, уловив удивлённые взгляды прохожих. – Самому хватило деликатности не проявлять инициативу. Ну и что же, что отношения были бы недолгими, зато накал страстей обеспечен».

Она прервала внутренний монолог, огляделась. Бывая на этой площади, она неизменно вспоминала своё ночное прибытие. Добраться отсюда до отеля даже днем было делом непростым, а идти ночью по лабиринту кривых уочек она и сейчас не рискнула бы. Людмила вышла на набережную и по ней направилась к своему отелю.

«Это ты сейчас такая смелая, когда он далеко, и вы больше никогда не встретитесь, – продолжала думать она про себя. – Но вот так, походя, люди и ломают свои жизни, поддавшись мимолетной страсти. А как дальше жить? Обманывать? Я точно не смогу вратить Олегу, он сразу почувствует, за двадцать лет мы стали единым целым. Былой любви, может, уже и нет, но мы родные люди».

Представив, что измена случилась, и предстоит расставание с мужем, Людмила зажмурилась в ужасе. Потерять его она не могла.

«А чем виновата жена Вадима, она любит его, ждёт дома со сломанной ногой. Наверное, ей страшно, что он может поддаться искушению и изменить с какой-нибудь симпатичной девицей. Даже если простит, всё равно трещины в отношениях не избежать. Разбитую чашку можно склеить, но сделать целой нельзя. Нет, мы поступили правильно. Но всё равно печально».

Вдоль набережной располагались отели первой линии, прибрежная полоса была шириной метров двести. Эта каменистая полоса и высокий парапет надежно отделяли отдыхающих и местных жителей от моря. Пляжи были оборудованы специальными выходами и засыпаны песком. Несколько дней назад Людмила заметила чайку, которая сидела на большом плоском камне, точнее, на плоской скале. Там отдыхали разные птицы, но эта чайка была на одном месте утром, днём и вечером, никуда не улетая, это выглядело странно. Сегодня чайка привычно сидела на скале. Людмила остановилась и решила понаблюдать за птицей, торопиться всё равно было некуда. Вдруг она увидела, что чайка взмахнула крыльями, но улететь не смогла: одно крыло оказалось сломанным. Людмила всполошилась, птицу надо было спасать. Но она не знала, с кем нужно говорить о спасении чайки. Металась по набережной и наткнулась на полицейского, точнее, толстую испанку в

форме, равнодушно смотревшую на странную туристку, которая на ломанном английском пытается ей что-то объяснить. В конце концов она просто отмахнулась от Людмилы, как от назойливой мухи, и поплыла дальше по своим важным полицейским делам. А Людмила, понурившись, отправилась в отель.

Настроение было хуже некуда. После отъезда Вадима она чувствовала себя очень одиноко на чужой земле, а тут ещё встреча с птицей со сломанным крылом, и она не знала, как этой птице помочь. В холле отеля Людмила рассказала про чайку русской девушке-гиду, и та объяснила поведение полицейской:

– Местные не любят больших белых птиц.
– Странно. Почему не любят? У них на набережной даже стела установлена с чайкой!

– Стела установлена для туристов, они возле нее фото делают, а местные относятся к ним примерно так же, как мы к голубям. Вы бы стали беспокоиться о голубе со сломанным крылом у себя в городе?

Людмила созналась, что, пожалуй, не стала бы, но щемящее чувство не покидало. Она не могла отделаться от мысли, что рядом погибает живое существо, а она ничем не может помочь. Вечер был окончательно испорчен, тем более что за ужином «соперницы» смотрели на неё торжествующе: теперь она лишилась кавалера и тоже была одна. С одной стороны – смешно, с другой – неприятно, что её причислили к отряду охотниц за чужими мужьями.

На следующее утро Людмила отправилась на набережную и оторопела: камень был пуст. Её чайка, за которую она так переживала весь вечер, исчезла. В голове закружились мысли: чайку могли спасти, недаром она вчера приставала к женщине-полицейскому. Чайка могла перебраться в другое место, хотя передвигаться по таким глыбам ей было бы затруднительно. На всякий случай Людмила прогулялась вдоль набережной, но чайки нигде не было видно. От чего делать она отправилась бродить по крепости. Поселение было весьма древним, старинная крепость, возвышавшаяся над деревней, была построена ещё римлянами. Ходить по руинам было любимым развлечением туристов, сюда даже приезжали на экскурсию из окружающих городков.

Оказавшись в этой стороне, Людмила решила не возвращаться в отель сразу после прогулки, тем более что Вадим как-то показал ей неподалеку маленький, спрятанный между скал пляж, где почти не было народа. Воспользоваться этим пляжем они не успели, постоянно мотаясь по экскурсиям, а теперь времени было хоть отбавляй. До самого обеда она

загорала и купалась в прохладном море. Усталая, но довольная, возвращалась в номер, чтобы переодеться, потом собиралась перекусить. Путёвка включала полупансион, то есть завтрак и обед или ужин на выбор. Сейчас у неё накопилось много неиспользованных талонов, потому что они с Вадимом предпочитали обедать и ужинать в местных ресторанчиках, в основном, тех, которые облюбовали местные завсегдатаи. Теперь талоны пригодились, ходить одной по ресторанам не хотелось, да и кухня в отеле была неплохая.

Проходя мимо знакомой плоской скалы, Людмила привычно бросила взгляд туда, где раньше сидела её чайка. Птицы на месте не было, и она остановилась у парапета – посмотреть на искрящуюся водную гладь, в который раз подивившись её густой синеве, превосходящей по яркости синеву Чёрного моря и даже Красного. Неожиданно увидела, как большая белая птица плывет по морю, выбирается на берег и ковыляет на свое законное место. Людмила тихо засмеялась. Чайка плавает за добычей! Людмила надеялась, что охота прошла успешно, и птица смогла поймать себе рыбу на обед. Настроение улучшилось, она отправилась в отель, довольная собой и окружающим миром.

Несколько дней прошли спокойно, чайка была на месте, а если отсутствовала, то недолго, потом неизменно возвращалась. Людмила наслаждалась покоем и одиночеством, ей так давно не доводилось бывать наедине с собой. Она стремилась наверстать упущенное время, получить красивый загар и вдоволь наплаваться. Даже занялась дайвингом. В этом месте обитали осьминоги, и народ погружался в не слишком тёплые волны, чтобы увидеть их. Под воду отправлялись даже целые группы испанских школьников – покормить осьминогов. Чем не развлечение на каникулах?

До окончания срока путёвки оставалось три дня, когда чайка пропала. Она не появилась утром, днём её тоже не было. Людмила ожидала, что птица появится к вечеру, но этого не случилось. На следующее утро, не найдя чайку на камне и обойдя всю набережную, она поняла, что птица окончательно пропала. Может, не справилась с волнами и утонула, сама стала обедом для крупной рыбы, попала под весло или винт какой-нибудь лодки или катера... В общем, больше она не появилась, и Людмила так никогда и не узнала, что случилось с её нечаянной подругой.

Последний день перед отъездом на родину она просидела на парапете набережной, глядя в море. Нет, она больше не ждала чайку, она думала о себе и своей жизни. Ей не давала покоя внезапно пришедшая мысль: что случится, если она, как чайка, вдруг исчезнет, растворится в морских просторах?

«Если я исчезну – не в далеком, как надеялась, будущем, а прямо сейчас? Кто станет горевать обо мне? – задумалась она и попыталась честно ответить на эти вопросы. – Родители? Конечно, они будут переживать, я их единственная дочь. Но они только что вышли на пенсию и живут друг для друга. Скоро Светка выйдет замуж, родит им правнуков, и эти новые люди заменят меня окончательно в их сердце. Про Светку говорить нечего, у неё любовь, она поглощена ею. Олег? В прошлом году мы отметили двадцатилетний юбилей совместной жизни, он привык ко мне, как к предмету, который даёт комфорт. Немного погорюет, а через полгода заменит удалой девицей из походной команды, будет счастливо жить с молодой женой. Про работу и говорить нечего. Замша спит и видит, как бы занять кресло начальника отдела, так что моё исчезновение будет подарком для неё. Коллеги? Выпьют за помин души и забудут на следующий день».

Выводы, которые сделала Людмила, повергли её в панику, такие мысли прежде никогда не приходили ей в голову.

«Я – чайка! – неожиданно пришел в голову образ пропавшей птицы. – Я плыву в житейском море. Исчезну – следа не останется. В моей жизни есть всё, что только может желать человек: прекрасный дом, карьера, семья, даже здоровье пока не подводило. Но, Боже, как бессмысленна эта жизнь! Что такое любовь для меня? Не помню. Это так давно было, половину жизни назад. Я хочу любить! Хочу, чтобы меня любили! – Людмила смахнула невольную слезу, удивилась и даже рассердилась. – Ты, голубушка, совсем расклеилась на отдыхе, вот что праздность с человеком делает. Тоже мне, Нина Заречная нашлась. Чайка! Придумала ерунду. Хватит нюни распускать! Завтра домой, соберись, тряпка».

Она решительно встала с парапета. Привычка вступила в силу, Людмила начала давать себе задания и планировать, что нужно сделать в последний вечер. Завтра в три часа автобус повезёт её в аэропорт, нужно много успеть, а у неё даже подарки не куплены!

Но попытка встряхнуть себя и настроить на деловой лад не удалась. Видение чайки, которая одиноко плывет в море, только в этот раз не к берегу, а исчезает вдали, не отпускало. «Далась тебе эта чайка! – в сердцах воскликнула Людмила. – У меня всё хорошо! Вернусь домой – мне все обрадуются, и забудется это наваждение».

Но в глубине души она знала: это видение останется с ней навсегда.

Людмила посмотрела по сторонам, мимо спешили люди, им не было дела до русской туристки. Взгляд её упал на испанку, сидевшую на парапете невдалеке с младенцем на руках. Это была пожилая женщина, и Людмила, проходя мимо, мельком подумала, что бабушка гуляет с внуком.

«Никакой это не внук!» – вдруг пронеслось в голове. Немолодая женщина кормила ребенка грудью!

Людмила резко остановилась и, не отрываясь, смотрела на испанку, забыв о правилах приличия. Не могла оторвать взгляда – столько нежности и любви было в лице и каждом движении этой женщины.

«Вот! – осенило Людмилу Ивановну. – Вот чего мне не хватает! Я хочу быть матерью, любить своё дитя. Светка так рано родилась. Сейчас она выросла, и я не ощущаю себя матерью этой умной насмешливой девицы. Я хочу сына, тоже хочу бесконечного счастья, такого, какое светится в глазах этой испанки. Вот кому я буду нужна, вот кто будет меня любить, и кого буду любить я. Но почему «буду»? Я уже люблю его!»

Слова у Людмилы Ивановны никогда не расходились с делом. Приняв какое-то решение, она делала всё, чтобы добиться его выполнения. Правда, вернувшись домой, она ничего не сказала домашним о своих планах. Зато выслушала кучу комплиментов по поводу своего внешнего вида, и у них с мужем начался второй медовый месяц. Олег не мог понять, что изменилось в его жене, но эти изменения ему нравились. Как будто другой человек вернулся из Испании. Вместо деловой, решительной, суховатой женщины средних лет перед ним была молодая, нежная, заботливая, любящая. Когда он спрашивал, что с ней случилось, отчего такие перемены, она загадочно улыбалась и говорила:

– Просто я поняла, что такое жизнь!

И добавляла:

– Наверное, нам солнца не хватает.

К Новому году Людмила объявила семье, что у неё будет ребенок. Сказать, что это был шок, нельзя, это был эффект разорвавшейся бомбы. Муж смущался, он не представлял себя вновь в роли отца, родители её бунтовали, почувствовав угрозу своей вольной жизни. Больше всех бесновалась Светлана, которую в августе выдали замуж. Мысль, что они могут родить с матерью почти одновременно, приводила её в ярость. Людмила не спорила с роднёй, только кротко улыбалась и светилась от счастья.

«Я чайка»! – говорила себе Людмила Ивановна, а перед глазами всплывал образ пожилой испанки с младенцем на руках. «Спасибо тебе»! – она сама не знала, кого благодарит: пропавшую в море чайку, счастливую испанскую мадонну, а может быть, пророчество, которое так неожиданно отправило её в отпуск.

Пробуждение

Борис проснулся, понял, что больше не хочет спать, и удивился. Обычно по утрам он не чувствовал желанной бодрости, и только физические упражнения, душ и крепкий кофе приводили его в нормальное состояние.

Будильник ещё не прозвонил, и он позволил себе пару минут понежиться в кровати. Наконец, поднялся, взял телефон и от неожиданности чуть не выронил. На экране значилось время: восемь двадцать, через десять минут он должен быть на работе. На дорогу уходило минут пятьдесят, что по московским меркам очень мало, но за десять минут он и одеться не успеет, не то что добраться до места. Борис в отчаянии plюхнулся обратно в кровать. Всё равно опоздал. Немного подумал и потянулся за телефоном. Набрал номер секретарши шефа и беспечно-бодрым голосом произнёс:

– Маринка, привет! Шефа предупреди деликатней, что я на работу часа на три опаздаю. У меня проблемы возникли домашние, форс-мажор. Спасибо! Ладно, не ворчи. Целую!

Откинулся на подушку, закинул руки за голову. Торопиться уже смысла не было. И сейчас Борис с особой остротой пожалел, что рядом нет Жанны: по утрам она бывала необыкновенно смиренной и нежной. Это потом, ближе к вечеру в жене просыпался настоящий вулкан, энергия клокотала в ней и гнала их в ночной клуб, на танцпол, в шумную тусовку, всюду, где намечался, как она выражалась, «движ». С бывшей женой они расстались полгода назад, но Борис никак не мог привыкнуть к её отсутствию. Точнее, не мог с этим смириться. Вместе они прожили семь лет, и он считал эти годы самыми счастливыми в своей жизни.

Настроение испортилось окончательно. Без энтузиазма поднялся с постели, привычно принял душ, побрился, приготовил завтрак, не торопясь съел его. Посмотрел новости по телевизору, выбрал свежую рубашку. Уход Жанны почти никак не отразился на хозяйстве: уборку в квартире два раза в неделю делала приходящая помощница, а готовить Борис умел и сам. Бельё он, как и раньше, отдавал в прачечную, свои дорогие рубашки – тоже. Главное удобство заключалось в том, что возвращали их отлично выглаженными. В одежде Борис не был привередлив, но рубашки носил только очень качественные. Жанна частенько посмеивалась, что несколько его рубах стоят всего её гардероба.

Работу свою Борис любил. Он окончил архитектурный институт и был ведущим архитектором в частной компании. А ещё у него прекрасно получались настенные граффити, и иногда он получал частные заказы, которые недурно оплачивались и были хорошей добавкой к бюджету. Но

сегодня на работу не хотелось. Точнее, не то что не хотелось, сама мысль о работе вызывала пустоту в груди, и начинало сосать под ложечкой. Такое чувство его посетило впервые, и, повязывая галстук перед зеркалом, он видел в нём свое мрачное лицо. Оглядев отражение, привычно не нашёл в нем изъянов и подмигнул, подбадривая. Тяжело вздохнул, вышел из квартиры, спустился на первый этаж пешком, толкнул дверь подъезда и очутился во дворе. В глаза ударило солнце, он машинально прикрыл их ладонью, а в голове промелькнуло: «Откуда солнце? Утро было серенькое, даже дождь по прогнозу обещали».

Когда глаза немного привыкли к свету, вместо знакомого двора он увидел степь, простирающуюся до самого горизонта. Над степью висел огромный шар солнца и гулял свежий ветер, который сразу растрепал его волосы и принёс запах свежей травы, полыни и цветов. Борис попятился к двери, чтобы нырнуть обратно в подъезд, но позади не было никакого подъезда и никакого дома не было. Степь, куда ни кинь взгляд – степь, лишь вдалеке виднелись крестьянские дома.

– Что за чертовщина? Я головой шарахнулся, и это у меня глюк? – вслух спросил Борис неизвестно у кого. – Или я уже умер? А что, я слышал про такое: человек умер, но ещё не может осознать этого. Потому у меня с утра настроения не было, организм, видимо, предчувствовал беду!

На всякий случай он сильно ущипнул себя повыше локтя. И вскрикнул от боли:

– Какого чёрта! Покойники не должны боли чувствовать! Значит, я жив. Только переместился в пространстве. Надеюсь, что не во времени, и сейчас двадцать первый век.

Борис внимательно огляделся. Он стоял на невысоком холме, вокруг простиравшаяся ровная, как скатерть, степь. «Придётся добираться до деревни, – подумал он. – Раз есть дома, значит, и люди есть. Вот я попал! Степаныч (Николай Степанович был его начальником) взбесится. Это я не на три часа опоздаю, а бог весть на сколько!»

Он вспомнил про телефон, набрал номер шефа, но связь была недоступна. «Точняк, век девятнадцатый». Но тут же, как бы опровергая его мысли, в небе над головой показался реактивный самолет. «Ну, слава тебе, Господи! Хоть время наше. Главное, людей встретить, а уж у них узнаю, как отсюда выбраться».

Он перекинул пиджак через плечо (в Москве этот июнь был прохладным) и по едва заметной тропинке направился в сторону домов. Чем дольше он шёл, тем более знакомой казалась ему окружающая местность. Она очень напоминала окрестности бабушкиного хутора в Ростовской

области, куда родители отвозили его на лето из душного города, чтобы ребёнок подышал свежим воздухом и поел настоящих фруктов. Только справа должна быть небольшая рощица. Точнее, лесополоса, в которую они бегали, чтобы набрать дички, так назывались несадовые абрикосы. Мелкие, корявенькие, но необыкновенно сладкие, с ярким абрикосовым ароматом, они очень нравились ребятишкам.

Борис увлёкся воспоминаниями о детстве и не заметил, как почти дошел до хутора. Он посмотрел налево. Вот тут на окраине был небольшой чистый пруд. Вода в нём всегда была прохладной (со дна били ключи), и в жаркий день особенно приятно было прыгнуть с мостков и освежиться. Водилась в пруду и рыба, они с пацанами таскали небольших пескариков и карасей, иногда удавалось поймать даже окуньков. Пруд и сейчас был на месте, только зарос камышами и прочей болотной растительностью, чистой воды почти не было видно. «Так я что, и вправду оказался у бабы Наташи на хуторе? – удивленно подумал Борис. – Этак я сейчас с самим собой столкнусь. Выбежит навстречу пацанёнок, а это я!» Он покрутил головой, ища взглядом знакомые ориентиры. «Чудеса чудесные! Как же я здесь оказался? Но насчёт встречи с собой, пожалуй, перебор. Это не время моего детства, рощи нет, и пруд зарос».

Вспомнилась баба Наташа, мать отца – крепкая, высокая, с косой, закрученной вокруг головы. Была она очень доброй и так чудно разговаривала, пересыпая русскую речь незнакомыми словами, которые, впрочем, скоро становились для Бори своими. Он увозил эти словечки в город, и дома продолжал разговаривать так, как привык за лето.

– Опять на хуторе суржика набрался! – говорила мама и начинала переучивать сынишку.

Баба Наташа умерла, когда он был в командировке. Защищал важный проект и не смог проститься с ней. А потом так и не собрался приехать на её могилку. Сейчас Борис вспомнил об этом и привычно мотнул головой, отгоняя горькие мысли. Чувство вины перед любимым человеком, оказывается, так и не оставило его. Потеря бабушки была первой пережитой им большой потерей.

Борис подошёл к окраине хутора и свернулся на улицу, на которой располагался дом бабушки. Здесь наверняка должна жить младшая сестра отца Татьяна. Он хорошо помнил её, во времена его детства это была красивая, высокая, как и мать, девушка, за которой толпой ходили женихи. Потом Татьяна вышла замуж, но в то время Борис уже не приезжал на хутор, увлёкся коньками, потом модным айкидо и всё лето проводил в спортивных лагерях. Однажды тётка приезжала к ним в гости, и он смутно помнил двух

мелких мальчишек, про которых отец говорил, что это его двоюродные братья. Но ему было неинтересно возиться с малолетками, и он обрадовался, когда они уехали.

Ноги сами привели Бориса к высокому забору, за которым угадывался знакомый дом, и тут только он сообразил, что, скорее всего, дома никого нет, десять часов – разгар рабочего дня. Он заглянул за глухой забор, успев удивиться этому: раньше здесь стоял обычный штакетник, служивший не столько преградой, сколько обозначением границ двора. Как ни странно, двор не был пустым: в палисаднике работала женщина. Некоторое время Борис наблюдал за ней, потом неуверенно позвал:

– Тётя Таня!

Женщина услышала, подняла голову и, рукой прикрыв глаза от слепящего солнца, пыталась рассмотреть, кто её зовёт. Не разглядев, направилась к забору, а подойдя ближе, всплеснула руками и громко сказала:

– Так это ж никак Бориска!

Она подошла к калитке, открыла её. Ещё раз внимательно оглядела племянника и произнесла:

– Да тю на тебя! Вылитый Лёшка в молодости! – причём, говоря это, она ухватила Бориса за рукав рубашки и буквально втащила во двор.

Здесь тётка повернула племянника к себе, обняла и начала тормошить, приговаривая:

– Каким ветром тебя, племяш, занесло? Не случилось чего? Дома всё в порядке? Живы, здоровы? Решил родню вспомнить? От же ж как я тебя долго не видела. Ты ж совсем маленький был, когда к нам приезжал.

Борис ни слова не успевал вставить в её монолог: только собирался ответить на один вопрос, как уже готов был новый. Хотя тётка, похоже, и не нуждалась в ответах, это был, как говорил отец, «эмоциональный выхлоп».

– Тётя Таня, я в командировке в Ростове, решил к вам завернуть на денек, – наконец сумел он вставить фразу, на ходу придумав причину своего появления. Не рассказывать же о том, что непонятно самому.

– Ото ж он решил, – нараспев сказала тётка. – Та правильно решил, так шо ж не позвонил? Я случайно дома оказалась, отгул на сегодня вытребовала. Видно, сердце почуяло.

– У меня и телефона вашего нет, – смущённо признался Борис. – А отцу позвонить не догадался, спонтанно всё вышло.

– Ну да, ну да, – закивала Татьяна. Потом спохватилась: – От дурная баба, родню на базу держу! В хату заходь, сейчас завтракать будем, проголодался, поди.

Оказавшись внутри дома, Борис огляделся, но не увидел ни одного предмета, запомнившегося с детства. Обстановка была новая, современная, добротная и явно не дешёвая, такая не во всякой городской квартире встретится. Дом был перестроен, чердак, видимо, тоже обжили: наверх вела красивая кованая лестница. Хозяева явно не бедствовали, и Борис порадовался за родню. Он вспомнил, что на юге летом домом почти не пользовались, все домочадцы обитали во времянке, так называли небольшой домик, который ставили в начале строительства. В нём селилась семья, а сам дом строился позже, основательно, не торопясь, с размахом и всеми удобствами. Сейчас он гость, и его пригласили в дом, чтобы продемонстрировать свое житьё во всей красе.

Тётка Таня тем временем хлопотала, накрывая на стол. Крутилась от холодильника к газовой плите, разогревая еду, выходила из кухни за припасами из времянки и погреба. Двигалась быстро, но не суetливо, и Борис невольно залюбовался её уверенными движениями. Видно было, что она рада племяннику и собирается угостить его на славу. Робкие попытки объяснить, что он плотно позавтракал и не голоден, были оставлены без внимания.

Вскоре всё было готово, и, водрузив на середину стола кувшин с домашним вином, тётушка уселась напротив гостя. Они выпили. «Со свиданьицем!», – сказала Татьяна. Закусили ростовскими помидорами. Разрезанные на половинки, присыпанные крупной солью и сбрызнутые ароматным подсолнечным маслом, они были невероятно вкусны. Борис даже зажмурился от удовольствия. Как же он любил в детстве бабушкины помидоры! И потом, возвращаясь в город, никак не мог привыкнуть есть бледную магазинную немочь, в которой не было ни вкуса, ни запаха.

А сейчас стол буквально ломился от разнообразных яств: домашний окорок и буженина лоснились розовым, зеленели только что снятые огурчики, белели домашний сыр и грузди прошлогодней засолки, краснело в керамической тарелке лечо. Этот стол так и просился в натюрморт, и Борис пожалел, что не может всё это великолепие тут же перенести на картину.

Немного попотчевав племянника, тётушка начала его расспрашивать:

– Ну, давай, племяш, рассказывай. Дюже интересно: чем занимаешься, как живешь, с кем живешь?

– Так, тётя Таня, вы с отцом перезваниваетесь, всё про меня наверняка знаете, – попробовал увильнуть Борис.

– А ты не отнекивайся! Отец отцом, а я от тебя хочу услышать, что про жизнь свою думаешь, как дальше жить собираешься.

– Вы знаете, я архитектор, работаю на крупную компанию, заказов достаточно, в России сейчас много богатых людей, все хотят жить красиво,

мы им дома проектируем. Денег много не бывает, но мне хватает. Своё жильё имеется. Когда умерла мамина мама, квартира мне досталась, хрущёвка, но район хороший, на Соколе. Продал, купил новую, денег на первый взнос хватило, года два как расплатился с ипотекой. Теперь квартира моя собственная, двухуровневая, и до метро всего минут десять пешком.

«Зачётное жильё», как говорят друзья. С женой прожили семь лет, очень её любил, но она ушла от меня полгода назад. Ни к кому, просто ушла, ничего не объяснила. А я её до сих пор люблю. Детей у нас не было, делить особо ничего не пришлось. Есть машина хорошая, картины рисую для души и друзей, спортом занимаюсь, езжу по миру, много стран посетил. Не скучаю.

Борис прервался, с удивлением отметив выражение лица Татьяны. Та сидела, подперев щеку рукой, и глядела на него жалостливо.

– Ты ж мой болезный! – воскликнула она, когда он замолчал. – Шо ж всё про деньги да про квартиры с машинами! Тридцать два года детинушке, а семьи не нажил. Детей нет, так бобылём и собираешься помирать? Жена детей не хотела? Работала много, иль бездельница была? Как семь лет прожить и детей не нажить? Больная, чи шо?

– Не больная и не бездельница, – обиделся за жену Борис. – Она журналистка талантливая, работает на известную газету и колонку в журнале ведёт. Её очень ценят на работе. Она красивая, умная, весёлая. А про детей мы никогда не заговаривали, точнее, она не заговаривала. Я думаю, ей не до детей было. У нее такая яркая, насыщенная жизнь, как я мог её этого лишить?

– Тю! Ты, парень, дурак или прикидываешься? – без обиняков спросила тётка. – Как может женщина не想要 детей? Видно, думала, что они тебе не нужны, вот и ушла. Она же не к другому мужику ушла, она от тебя ушла.

– Так, может, разлюбила меня? При чем тут дети? Так бывает: любила, любила и разлюбила, – огорченно ответил Борис.

– Та ладно, не обижайся на тётку. Поговорить тебе с ней надо, может, я права. Ей поди под тридцатник, а то и больше. Каждая женщина в таком возрасте задумается, как дальше жить. А от тебя толку никакого. «Не хочет она!» – передразнила Татьяна племянника. – А если и правда не хочет, забудь. Выбрось из головы и найди девушку хорошую, хозяйственную, к семейной жизни повёрнутую.

– Ну, вы, тёть Тань, даёте! – возмутился Борис. – Найти хорошую девушку – не по грибы сходить. Столько всего должно совпасть! Прежде всего, я её полюбить должен, а она меня. Как без любви-то жить? Никакие дети в радость не будут.

– Ты ищи, пока молодой, а то старость – она быстро подкрадывается. Не успеешь глазом моргнуть, будут девки к тебе липнуть корысти ради. Смешно на этих старых дурней смотреть с молоденькими жёнами, не хочу для тебя судьбы такой.

– А что это мы всё обо мне да обо мне? Вы-то как живёте?

– Мы хуторяне, живём, хлеб жуём. Работаем, двух сыночков вырастили, дом вот перестроили, чтобы просторно им было. Так нет, разлетелись по свету. Гошка, старший, который тебя младше на восемь лет, в Ростов подался, женился. Внучок у нас, второй годик пошел. А младшенький отслужил срочную во Владике, да там и остался. Тоже жениться собирается, только рановато ему, двадцать один всего, пусть бы погулял ещё на воле.

– О как! Старший в двадцать четыре уже ребёнком обзавёлся, а младшему в двадцать один рано? Как-то у вас со счётом, тёть Таня, не того. Не логично.

– Ты своих сначала заведи, а потом тёток критикуй. Младший если там женится, там и останется, корни пустит. А я всё надеюсь, что вернется домой. Какие у нас тут девки красавицы, тут бы его женить! Ой, ладно, заболтала я тебя. Сейчас вареников с вишнею сварю. Ты маленький дюже любил вареники с вишнею.

– Не надо, пожалуйста! Я так наелся, даже вареников не хочу. А муж ваш на работе? Я его не видел ни разу, хорошо бы познакомиться. Я всего на день заехал к вам, мне к вечеру надо в Ростов вернуться. А оттуда пора домой.

– Как домой? – всплеснула руками тётка. – Ты даже не переночуешь? И к бабушке на могилку не сходим? Ты ж на похоронах её не был!

– Вот к бабушке сходим обязательно. А муж ваш, может, на обед придёт?

– Не переживай, и на обед придёт, и на кладбище свозит, и до автобуса подбросит. Я ему сообщила о приезде твоём.

Пока Татьяна говорила, зазвонил телефон, и она принялась искать его, приговаривая: «Вот старая кулёма, куда умудрилась задевать?» Но телефон звонил и звонил, а тёткина фигура начала тускнеть. Борис видел её, как сквозь пелену, будто в кухню проник туман и торопливо стирает очертания предметов, поглощает звуки. Он вздрогнул, подумал: «Засыпаю, что ли? Надо было меньше пить. Крепкое вино, однако, у тётки Тани».

Машинально протянул руку – оказалось, звонит его телефон. Посмотрел на экран. Часы показывали шесть тридцать, это звенел будильник.

Борис отключил звонок, огляделся. Он лежал на кровати у себя дома, вокруг была знакомая обстановка. Он тряхнул головой, потёр глаза. Как это

могло случиться? В ушах ещё звучал голос тётушки, он чувствовал вкус её угощения, ощущал хмель от выпитого вина. «Эк меня нынче колбасит-то, не иначе наркоты подсыпали. Только где? Я вчера даже в бар не заходил и не встречался ни с кем. После работы сразу домой. Но как иначе объяснить всё, что со мной произошло? Может, это был сон? – пришла в голову простая мысль, и Борис ухватился за неё, она хоть что-то объясняла. – Я слышал, людей иногда посещают сновидения, когда сон и реальность так смешиваются, что их невозможно различить».

Вдруг подумалось: видимо, нужно ехать на хутор, повидаться с теткой. Ведь такие вещи зря не происходят. Они предупреждают о чем-то жизненно важном. Может быть, он нужен там, вот и привиделось то, что привиделось. С женой он разберётся позже, сейчас главное – родня.

Набрал текст: «Срочно нужны три дня без содержания по семейным обстоятельствам с сегодняшнего дня», отправил смс шефу и отключил телефон, чтобы не объясняться со Степанычем. Понимал, шеф впадёт в ярость от его самовольства, может и уволить, но сейчас ему было всё равно. Подумаешь, уволит, хорошие архитекторы на дороге не валяются. Борис достал дорожную сумку и принял складывать в неё необходимые вещи.

Международный женский день

Корпоратив был в самом разгаре. Сотрудники уже плохо соображали, что делают, и не задумывались, как выглядят со стороны. Лица у всех раскраснелись, прически дам растрепались, а наряды потеряли былую изысканность. Если к этому добавить излишне громкие разговоры и развязность манер, то картинка получалась неприглядная, особенно на трезвый взгляд.

У Елены взгляд был трезвый. Она немного пригубила шампанского, когда женщин с праздником 8 Марта поздравил начальник, а потом в течение вечера делала по небольшому глотку в ответ на тосты других мужчин. К счастью, коллеги не слишком интересовались, всегда ли наполнен её бокал, популярностью Елена не пользовалась. Потому и сидела спокойно за столом в неприметном уголке, возле огромного гибискуса, в народе называемого китайской розой.

Елена давно привыкла к равнодушию коллег, хотя коллектив был преимущественно мужской, а она хороша собой. Видимо, не умела пользоваться своей привлекательностью, в тридцать шесть ни разу не была замужем и постоянных ухажёров не имела. Справедливости ради стоит отметить, что подругами она тоже не обзавелась. Довольствовалась приятельницами. Несколько женщин близкого возраста, у которых по разным причинам не сложилась личная жизнь, разделяли её одиночество. Вместе они посещали театры, концерты или кафе. Ходить одной в общественные места Елена считала неприличным.

Девять часов вечера для гулянки – время детское, но ровно в этот час Елена ретировалась с мероприятия по-английски, то есть ни с кем не попрощавшись. Она была уверена, что её исчезновения никто не заметит. Но возле гардероба столкнулась с кадровиком, который спросил удивлённо:

– Вы нас покидаете? Разве не знаете, что офисная этика не позволяет сотрудникам уходить с корпоратива раньше начальника?

– У меня от шампанского голова разболелась, – ответила Елена, с вызовом глядя на кадровика.

Они терпеть не могли друг друга. Он скрывал свои чувства за маской холодной вежливости, а Елена лицемерить не считала нужным.

– Если я эту вашу этику нарушила, прогул мне поставьте! – дерзко добавила она и гордо проследовала к выходу, чувствуя, как её спину сверлит ненавидящий взгляд.

«И чего ты опять с ним сцепилась? Знаешь же, какой гад. Привык, что все пред ним расстилаются. А я не буду! – она чуть не топнула сапожком по

утоптанному снегу. – Давно бы ушла, но работа так близко к дому. Очень удобно, всего две остановки на троллейбусе. И пешком можно прогуляться, если погода хорошая».

Гулять сегодня она не рискнула: предпраздничный день, пьяных полно, не знаешь, на кого нарвёшься. Тем более что поднялась метель. Через несколько минут подошёл троллейбус. Народу в салоне было мало, а билеты продавала знакомая кондукторша, женщина под сорок, тучная, некрасивая, с вечно печальным лицом. Елена всегда жалела её, думая, что женщина бедна и одинока. Однако сейчас она увидела, что рядом с кондукторшей сидят муж и двое детей. Видимо, решили скрасить маме работу в предпраздничный день и вместе с ней каталась на троллейбусе. Как же преобразилась эта женщина! Она светилась от счастья, и улыбка не сходила с её лица. Муж, жена и дети весело разговаривали, а Елена радовалась за них: «Как замечательно!» Поднявшись с места перед своей остановкой и уже подойдя к двери, неожиданно для себя она протянула кондукторше пакет, в котором лежала коробка конфет и несколько упакованных, чтобы не замерзли, тюльпанов.

– Поздравляю вас с наступающим праздником! Счастья вам и вашей семье! – проговорила она от души и вышла. Пакет этот сегодня вручили Елене на работе – такой же, как и всем женщинам в конторе. «Передаривать неприлично, но, надеюсь, подарок принесет радость этим милым людям, – думала она, шагая к своему дому. – Дети любят конфеты, а цветы приятны любой женщине». И у неё потеплело на душе от своего спонтанного поступка.

Елена пришла в свою уютную квартирку, которую ей оставили родители. Выйдя на пенсию, они перебрались на постоянное жительство в небольшой приморский городок, куда дочь с удовольствием ездила в отпуск. Сейчас она переоделась в любимое домашнее платье, заварила чай и устроилась с кружкой в большом кресле. Включила бра и негромкую музыку, взяла начатую накануне книгу и подумала: «У каждого свои радости».

Только погрузиться в чтение, как она мечтала, не удалось. Около одиннадцати часов раздался долгий, настырный звонок. Почти уверенная, кто заявился, она распахнула дверь. И не ошиблась. На пороге, дурашливо улыбаясь, стоял давний сосед по подъезду и одноклассник по совместительству Женька Терёхин. После развода со второй женой он вновь обосновался в родительском доме и частенько навещал старую подругу.

– Для полного счастья мне только тебя не хватало! – раздосадованно воскликнула она.

— Ленка, ты дура, что ли? Ночью дверь открываяшь и не спрашиваешь, «хто тама»? Или ты пьяная с корпоратива? — не обратив внимания на её реплику, проговорил одноклассник.

— Где уж нам! Зато ты у нас праздничный! — отозвалась она.

Вид у гостя действительно был соответствующий: шапка еле держалась на одном ухе, заснеженная дублёнка расстегнута, а в руке он держал бутылку коньяку.

— Я пришел поздравить тебя с наступающим Женским днем! — объявил Женя, перешагнул порог, и, неуклюже обхватив одноклассницу, попытался сделать тур вальса по коридору, при этом напевая: — Мой Леночек так уж мал, так уж мал!

Развернуться ему не дали. Елена сдёрнула с него шапку и треснула ею гостя по макушке:

— Ты мне снегом всю прихожую засыпал!

Её возмущенный возглас потонул в шутливом вопле Терёхина:

— Только не по голове!

— Да помню я твоё больное место. Тебя бабушка в детстве с печки уронила! — говоря это, Елена стянула с Женя дублёнку и, выйдя на лестничную площадку, несколько раз с силой её встряхнула.

Вернувшись в квартиру, повесила дублёнку на вешалку и повернулась к гостю, который насмешливо следил за её манипуляциями, прислонившись к дверному косяку.

— Рудакова, вот ответь мне, — игриво начал Терёхин, — кто еще кроме меня посмеет явиться к тебе ночью с бутылкой, рискуя получить сотрясение мозга? Я жду награды!

— Сейчас получишь! — с угрозой в голосе отозвался Леночек. — Сотрясение мозга тебе не грозит — за его отсутвием. Вот только почему я к тебе так снисходительна? Сама удивляюсь!

— Потому что я твой единственный настоящий друг. Кто тебя напоит и накормит в столь поздний час? — говоря это, он достал из внутреннего кармана дублёнки палку копчёной колбасы, подхватил с пола бутылку, которуюставил, когда с него снимали одежду, и заявил безапелляционно:

— Хватит меня в коридоре мариновать! На кухню хочу, я голодный, аки зверь!

— Что ж тебя не накормили в гостях?

— Не нуди, Рудакова! — попросил друг и, отодвинув её в сторону, прошествовал на кухню.

Там, взяв из подставки нож, он принялся рубить колбасу крупными кусками, пока вошедшая следом Елена не завопила:

– Руки!

– Что руки? – оглянулся он и, промахнувшись, резанул себя по пальцу.

Кровь сразу закапала на разделочную доску, и одноклассник прошипел:

– Ты чего под руку орёшь, дура?!

На хозяйку ругань не произвела должного впечатления, и она потащила раненого в ванную, объяснив, что бактерицидный пластырь находится там.

Промыла рану (заодно вымыв Женькины руки), обработала настойкой календулы и заклеила бесцветным пластырем.

– Ну вот, как новенький. И чего орал? А помыл бы руки сразу – ничего бы и не случилось, – удовлетворенно сказала она.

На кухне Елена сама нарезала колбасу тоненькими пластиками, потом достала из холодильника сыр, холодную варёную курицу, лимон и ещё кучу разных закусок. Накрыв стол, уселась напротив Терёхина и недовольно уставилась на него:

– Чего сидишь? Наливай! У меня сегодня настроение напиться!

– Вот это дело! Я всегда говорил, что ты свой парень!

Застолье началось. Одноклассники делились своими печалями и горестями, которые, впрочем, под коньячок и хорошую закуску не казались такими уж горестными. Елена особо негодовала по поводу кадровика, который её непонятно за что ненавидит и пытается очернить в глазах коллектива и начальника. Хорошо, что тот мужик умный и ценит Елену. На что Женька высказал предположение, что кадровик тайно влюблён, оскорблен её равнодушием и потому гнобит.

– Ерунда! – не соглашалась Елена. – Он себя-то раз в год любит, не то что постороннюю женщину. Он убеждённый холостяк и женоненавистник.

– Маньяк, значит, – ржал дружок и просил её быть осторожней, а то от маньяков не знаешь, чего ожидать.

Сам он жаловался на неприятности, которые доставляли ему бесчисленные поклонницы. Ещё они вспоминали прошлые проделки Женьки и других одноклассников. Терёхин откуда-то знал, как складывается судьба многих и в настоящее время. Елену нынешняя жизнь однокашников интересовала мало, но слушать Женьку она любила, потому что рассказывал он уморительно, и она смеялась, не переставая.

Когда бутылка была почти выпита, Елена совсем опьянела и начала использовать друга в качестве психотерапевта:

– Жень, вот скажи мне, что во мне не так? Я красивая, умная, хозяйка классная. Почему всю жизнь меня игнорируют? Даже в классе только ты один со мной дружил. И ещё мне всегда говорили: «Пойдём с нами», «Будешь с нами». Понимаешь, они – это они, то есть компания, а я всегда

сбоку припёку. Я никогда не была «ними». Всегда отдельно... – она грустно помолчала. – Вот и мужики тоже. Бегут от меня, как черти от ладана.

– Вот! Сама объяснила. Ты – ладан! – откликнулся пьяный друг. – Правильная слишком. Всё у тебя по полочкам: так можно, так нельзя. А в женщине должна быть чертовщинка!

Он вскочил, обнял её за талию и, подняв со стула, закружил по кухне, напевая:

*Подруга дней моих суровых,
Подружка старая моя!
Ну почему со скорбной миной
Одна сидишь ты у окна?*

Она попыталась освободиться и гневно потребовала:

– Не смей коверкать Александра Сергеевича! Ничего святого нет!

– Вот, опять нудишь! Сергеич сам был мужик озорной, может, ему и понравилось бы...

Терёхин попытался вернуть её на место, но она обвила его шею руками и шёпотом попросила:

– Женька! А женись на мне!

Повисло неловкое молчание, которое он прервал пылким отказом:

– Дудки! Жёны у меня были и ещё будут. А подруга одна, и я не хочу её терять! И вообще, мы ж через пару недель убьёмся друг об друга. Я пьяница и бабник, ты правильная до зубовного скрежета. Парочка: петух да ярочка!

– И ты не хочешь... – печально отозвалась Елена. – Зачем столько слов? А я тебе, Терёхин, даже не мешала бы по бабам бегать и была бы женой друг... А, забудь! – махнула она рукой. – Я просто никогда так сильно не напивалась. Пора тебе, коньк закончился.

Она проводила одноклассника, убрала остатки еды в холодильник и рухнула в кровать. Спала без сновидений, а проснулась от бесконечного звонка. На часах был восьмой час утра. Накинула халат и пошла открывать. На пороге стоял Евгений с огромным букетом бордовых роз.

– У меня дежавю? – спросила неласково.

– Это у меня дежавю. Опять открываешь дверь, не спрашивая. Я пришёл поздравить тебя с Днем весны и любви. Вчера не считается, это был канун праздника и без цветов, – объявил торжественно и вручил букет растерявшейся Елене. – А ты становишься похожа на обычного человека:

волосы всклокочены, тушь размазана. Ты вчера не умывалась, что ли? Рудакова, тебе явно идёт на пользу общение со мной!

— Можно подумать, мы с тобой вчера впервые общались, — пробурчала Елена, пройдя на кухню и ставя розы в большой кувшин с водой. Идти в комнату за вазой для цветов у нее сил не было.

— Общались, только не помню, чтобы раньше мы так напивались.

Он немного помолчал, наблюдая, как она наливает воду в чайник, а продолжил уже другим тоном — воодушевлённо:

— Ленка! Я пришел дать тебе волю! Мы сейчас едем за город. Свежий воздух, тишина и шашлык — это всё, что тебе нужно.

— Ещё не хватало! — не согласилась она. — Холодина и толпа незнакомых людей — это действительно всё, что мне сейчас нужно!

— Какие люди? В моем доме не водится незнакомых людей.

— Я думала, на дачу к знакомым приглашаешь. Раз у тебя есть дом, почему ты у родителей живёшь?

— Ездить каждый день по пробкам — утомительное, я тебе доложу, занятие. Быстро одевайся, а то я тебя замотаю в одеяло и так увезу!

Он опять помолчал, раздумывая. А потом решился и сказал немного небрежнее, чем хотел:

— Кстати, я обдумал твоё предложение. Я согласен. Даром, что ли, я в тебя влюбился, когда ты впервые появилась в нашем дворе? Вся такая... — он щёлкнул пальцами, подбирая слова, — словно свет... И от тебя пахло яблоками.

— Фантазёр! Свет какой-то. Да мне восьми лет не было. Какая любовь! — воскликнула Елена удивлённо. И, взяв себя в руки, добавила мягче: — Не было никакого предложения. Мало ли что сболтнёт пьяная тётка. Забудь. Я твой единственный друг, и это куда круче жены. И вообще: ты же убьёшься об меня через две недели!

— Не бойсь, не убьюсь. У меня на тебя иммунитет выработался. Даром, что ли, с тобой за одной партой четыре года просидел? — отозвался Женька. — Что, испугалась? Сразу в кусты?

— Я не испугалась, просто ты врёшь про любовь. Любовь у тебя с Ирочкой была. С ней ты хороводился, на ней после школы женился. Это я в тебя влюбилась, только понимала: шансов у меня никаких. Ты был самый популярный парень в классе, весёлый, дерзкий, душа компании. Моя жизнь в школе была сносной только благодаря тебе.

— С Ирочкой — вот именно, хороводился. А женили меня на ней, потому что забеременела. Но когда ребёнок родился, я тайком сделал тест, и оказалось, он не мой. Ох, и скандал я закатил! Так что в графу «отец» меня

записать не посмели. Быстро развелись. А со второй женой ещё смешнее получилось. Прожили пять лет, и всё хорошо было, муси-пузи. И бац! – влепил он кулаком ладонь, – словил на измене. Случайно. Такие дела. Не везло мне с жёнами. А то, что ты меня можешь любить, мне и в голову не приходило. Я же сорвиголова.

– Ты никогда не рассказывал, не представляла, что у тебя так всё грустно сложилось, – сказала Елена сочувственно. И, помолчав, тихо добавила: – Хорошие девочки любят плохих мальчиков, это классика. А ты самый хороший из плохих мальчиков.

Терёхин сделал таинственное лицо, полез рукой за пазуху и жестом фокусника извлёк оттуда слегка помятый букетик ландышей. Цветы издавали свежий, нежный аромат, и Елена в восторге всплеснула руками:

– Женя! Где ты достал такое чудо? Волшебник!

– Достал. Кто ищет… Дорогая Елена! – продолжил он торжественно. – Предлагаю вам руку и, естественно, сердце. И совершенно серьезно и официально прошу стать моей женой.

Она фыркнула от смеха:

– Терёхин! С какого испугу на «вы» перешёл?

Но, посмотрев на него внимательно, спросила:

– Ты правда делаешь мне предложение?

– Не туши, Рудакова! Нет, блин, у меня хобби делать по утрам предложения глупым бабам! – уже раздражённо сказал он. Потом шагнул к ней и потребовал: – Да брось ты этот чёртов букет!

Елена выставила вперёд руку, пытаясь удержать его на расстоянии, и воскликнула:

– Я ещё не согласилась!

– Можно подумать! Мы и так потеряли слишком много времени. И сейчас теряем на ненужную болтовню!

Он привлёк Елену к себе и начал целовать. Букет ландышей выскользнул из её ослабевших рук и так и остался лежать на кухонном полу.

Золотое и синее

Я очень люблю Питер. Это странно для москвички в четвертом поколении, но так вышло. Любовь случилась с детства. Мне было примерно шесть лет, когда маму отправили на курсы в Ленинград. Хотя, нет, тогда его, кажется, уже снова переименовали в Санкт-Петербург. Впрочем, это неважно, ведь живут там люди противоречивые: в советские времена упрямо величали свой город Питером, а нынче не менее упрямо кличут его Ленинградом.

Так вот, съездила мама в город на Неве, привезла оттуда целый ворох фотографий и буклотов, а я всё детство с упоением их рассматривала. Дворцы и фонтаны, мосты и парки, синь неба и золото куполов оставили в моей душе неизгладимый след. Позже я сочинила первое неуклюжее стихотворение:

*Золото, золото, золото,
Синева, синева, синева.
Небо такое высокое
Падает на купола...*

Так с самого детства я стала мечтать о сказочном городе, но встретилась с ним только в девятом классе, когда наша новая классная дама организовала экскурсию на зимних каникулах. После поездки я твёрдо решила, что учиться буду только там. Это озадачило моих родителей, но, столкнувшись с такой решимостью, они отступили. «Хочет – пусть учится», – сказал папа, и маме пришлось смириться с моим выбором.

В институт я поступила легко. Жила в общежитии, отказавшись от предложения родителей снимать квартиру. Как говаривала моя тетушка, «кто в студенчестве в общаге не жил, тот, считай, студенческой жизни не нюхал». Бывало всякое, жилось трудно, но весело и по-юношески беззаботно.

Потом началась взрослая жизнь: возвращение после учёбы в Москву, замужество, двое детей, работа. С работой повезло, она мне нравится и неплохо оплачивается. Но главное для меня – фирма имеет филиал в Петербурге, и пару раз в год я несколько недель могу проводить в любимом городе.

Причём добираюсь туда не самолётом, предпочитаю поезд. Живу рядом с вокзалом и с детства люблю спать под стук колёс. Одна ночь в дороге, а утром – здравствуй, Питер! Двадцать минут пешком по Невскому проспекту, и вот я на любимой Итальянской улице, которая стала почти

родной. Здесь есть маленькая гостиница, что называется, «для своих». В ней всего восемь номеров, но хозяйка для меня всегда находит место. Мы познакомились больше десяти лет назад именно в поезде и, проговорив всю ночь, подружились сразу. Её зовут Ксения, и она обаятельный, тонкий, умный человек с эльфийской внешностью, под которой скрывается железный стержень. Бизнес она развивает давно и успешно, кроме «моей» гостиницы имеет ещё две и несколько бутиков. Настоящая «стальная магнолия».

Нынче я оказалась в Питере в начале сентября, пять дней уже прошли, и это были очень холодные дни. Отопление в домах ещё не включили, и дожди с ледяным ветром основательно проморозили меня. Постоянно хотелось укрыться в кафе или магазине, и вместо того, чтобы после работы культурно развлекаться (да просто бродить по улицам!), я мчалась в номер, где меня ждал тёплый обогреватель. За эти дни я выбралась только в Михайловский театр, в третий раз посмотрела балет «Золушка» (ну, что поделать, люблю эту сказку с музыкой Прокофьева, она всегда поднимает настроение, создаёт ощущение праздника), да ещё – не поверите – побывала в цирке. Туда меня вытащила Ксения, и на удивление я осталась довольна представлением. Животные выглядели ухоженными, выполняли трюки охотно, артисты были в красивых костюмах, а клоуны удивляли смешными незатасканными репризами.

Сегодня после работы я зашла в супермаркет, который расположен под «Пассажем», что совсем рядом с моей гостиницей. Бродила по отделам, выбирала на ужин вкусняшки и с удовольствием вспоминала вчерашний вечер. Спасибо Ксении, ей удалось вернуть меня в счастливое детство, тем более что после представления мы отправились в кафе «Север», где, несмотря на сырость и холод, заказали мороженое. Чувствовали себя сбежавшими с уроков школьницами и так смеялись на всё кафе, что на нас стали оглядываться.

– Молодёжь удивляется, чему могут смеяться такие взрослые тётки, – говорила Ксения. – По их представлениям, мы должны уже сидеть в шалях у окошка и вязать носки внукам, а не шастать по кафе и есть мороженое.

– Какие внуки? Нам еще и сорока нет, а люди дают гораздо меньше. И выглядим мы с тобой классно и молодо, – возражала я.

– Не скажи. Все, кто старше тридцати, для них глубокие старички.

– Точно! Когда мне было лет семнадцать, я прочитала в книжке фразу: «молодая женщина двадцати четырех лет». И удивилась: какая же она молодая? А теперь нам в два раза больше, чем семнадцать, – грустно согласилась я.

«Просто вчера в кафе была одна молодёжь, – поняла я сейчас. – Но всё равно было здорово вновь почувствовать себя задорной, смешливой, какой я была совсем недавно, что бы там эти молодые про нас ни думали. Ну и Бог с ними. Завтра иду в «Бродячую собаку». Для меня это арт-кафе обязательно для посещения, и выступает моя любимая артистка с новой программой».

Предвкушая завтрашний концерт, я скользнула взглядом по толпе, и мне показалось, увидела знакомое лицо. «На Дениса похож, – мелькнуло в голове, но я отмахнулась от этой мысли. – Не может быть, что ему в Питере делать? Это отголосок вчерашнего возвращения в детство».

Мой одноклассник Денис Скипский после школы поступил в МГИМО, по слухам, благополучно его окончил и сейчас проживает за границей. «Мало ли похожих людей», – отрешенно подумала я и тут же забыла о нём.

Расплатилась за покупки и направилась к выходу. Погруженная в себя, я вдруг почувствовала, что у меня пытаются отобрать пакет с продуктами. Заметив сбоку наклонившегося человека, я инстинктивно треснула его своей сумкой. Она у меня небольшая, но натуральной толстой кожи, и уголки оббиты металлом, чтобы не обтрёпывались, – оружие, в общем, неплохое. Раздался вскрик и возмущённый возглас:

– Ты совсем сдурела, Ледневская?!

Всмогрелась в «грабителя» и с удивлением узнала в нём Дениса. Тот прикрывал рукой бровь. Видимо, я поранила его.

– Дэн, чёрт возьми! Я могла тебе глаз выбить! Ты зачем у меня пакет вырывал? Придурок! И откуда ты здесь? – вопросы и восклицания сыпались на несчастного одноклассника таким градом, что он и не пытался мне ответить. Наконец, пробурчал:

– Чего сразу махаться-то? Я помочь хотел, пакет у тебя тяжёлый. Ох, и больно ты стукнула, Лерка! В командировке я. А ты что, переехала в свой любимый Питер?

– Я непроизвольно стукнула, скажи спасибо, что всё обошлось и глаз цел. Давай отойдем в сторонку, а то на нас уже народ оглядывается. И я сто лет не Ледневская, а Казакова, папину фамилию почти забыла.

Мы присели на один из диванчиков, которые стоят посредине холла. Я достала из злосчастной сумки салфетку, смочила духами и приложила к ссадине. Дэн вздрогнул, но не ойкнул, взял у меня из рук салфетку и прижал к ранке, прикрывая бровь.

– Да ладно, не придурирайся, ссадина совсем небольшая, удар вскользь пришёлся. И притом шрамы украшают мужчин.

– Всё равно я страшно рад тебя видеть, – произнес Денис. – Ты не слишком торопишься? Может быть, посидим часок в кафе?

– Не поверишь, до завтрашнего утра я совершенно свободна. Я тоже в командировке, – ответила я, что означало согласие.

Мы отправились в то самое кафе, в котором были вчера с Ксенией, и даже мой любимый столик в уютном уголке оказался свободным. Разговор завязался сумбурный обо всём сразу. Мы вспоминали школьные годы, рассказывали о нынешней жизни. Так я узнала, что Дэн действительно долго жил в Англии, служил в российском посольстве, потом был референтом у крупного русского бизнесмена.

– Чего тебе в Англии не жилось? – спрашивала я. – Ты же там всё детство и отрочество провёл, считай, Родина. Помнишь, как ты у нас во дворе появился, а потом в классе, и как тебя гнобили за твои аглицкие замашки?

– Такое забудешь! А в Лондоне строить карьеру оказалось тяжеловато, зубастости и интриганства не хватило. Потому я больших успехов на поприще дипломатии не добился. Пробиться наверх везде сложно, а в нашей сфере и того труднее, – он криво усмехнулся. – Родитель мой тоже в мелких сошках всю жизнь пробегал, так что это у нас семейное. И знаешь, элитарность МГИМО сильно переоценена. Это в советские времена наш диплом помогал выбраться из страны, а теперь любой может уехать и работать за границей – при желании и определённом упорстве. А я поддался на уговоры родни. Сейчас жалею, надоело всё, и в чём смысл этой безумной жизни, – не то спросил, не то подытожил Скипский.

– Да ладно, не скромничай, тебе все одноклассники завидовали, когда собирались на встречи выпускников. И тебе здорово повезло, в Англии работал, а мог в Зимбабве или Никарагуа оказаться, – не приняла я его самокритики.

– Вот я и перешёл на службу крутому бизнесу, – продолжил Денис. – Потом мой босс связался с политикой, вернулся в Москву, а я стал его помощником. Помощником депутата Государственной Думы. Да не округляй глаза, это только звучит громко. А так обычный мальчик на побегушках: подай, принеси, подготовь, организуй. Жена и сын не одобрили. Сын родился там, и он настоящий англичанин, школу окончил в Москве, но теперь учится в Англии. И хватит уже обо мне. Ты-то как живёшь?

– Обыкновенно живу, – пожала я плечами, – рядовой член общества, ничего сверхъестественного. Работа, дом, семья. Это у тебя интересное. Раз сын есть, значит, женат. Рассказывай дальше.

– Поженились ещё в институте, семнадцать лет живем. Жена, как положено, – красавица, ведёт светский образ жизни. Любви нет давно, оба на

стороне ищем, но расходиться не собираюсь. Знаю хоть, чего ждать, а новая щё неизвестно какая попадётся. А так-то все бабы одинаковые.

– Все одинаковыми быть не могут, люди – они разные, а женщины тоже люди, – сказала я себе под нос, но переубеждать одноклассника даже не пыталась. Человек потерпел неудачу в семейной жизни и меряет всех своей меркой.

– Вот ты точно другая и всегда была другой, ещё в школе, – заспорил Денис. – Ты дружила со мной и защищала от травли, когда я пришёл в ваш класс. Ты была гордость школы, отличница, активистка и просто красавица. А ещё всегда стояла за справедливость. Неужели ты такой осталась до сих пор? И как тебе живётся с таким обременением?

– Скажешь тоже! Прям засмущал. Обыкновенная я была и осталась, и жизнь у меня обычна. С мужем повезло, мы любим друг друга до сих пор. Дети тоже замечательные, их у меня двое, как положено: мальчик и девочка. А ты в меланхолию ударился, потому что любовь прошла. Только любовь придаёт смысл всему.

За разговором не заметили, как прошло несколько часов, и Денис сказал, что торопится по делам, но хотел бы продолжить общение.

– Как насчёт завтра сходить в хороший ресторан? Приглашаю.

– Завтра я иду в «Бродячую собаку», но здесь ещё дней семь-восемь, и на прочие дни пока ничего не планировала.

– Прекрасно, тогда послезавтра и встретимся. Ты единственный человек, с которым я могу поговорить по душам. Точнее, хочу поговорить по душам.

Дэн проводил меня до гостиницы, галантно поцеловал руку, и мы расстались. Встретиться договорились через день в холле супермаркета, где я обрабатывала его ссадину. Там немноголюдно, да и ожидать встречи лучше в тепле на диванчике.

Ровно в назначенное время я была в холле. Денис отсутствовал, и это меня не удивило: он никогда не отличался пунктуальностью. Решила, что подожду полчаса, а если этот деятель не явится, отправлюсь гулять по Невскому до Дворцовой площади и обратно. Вечер будет испорчен, но, значит, не особо нужна эта встреча. Я без интереса листала новостную ленту в телефоне, начиная потихоньку закипать. В двадцать пять минут восьмого потеряла терпение и набрала его номер, но только послушала длинные гудки. Трубку не брали.

«Маловато я ему заехала, сейчас треснула бы посильнее! – подумала я и решительно направилась к выходу. – Сам ведь предложил встретиться, а

потом, наверное, пожадничал: нынче сводить даму в хороший ресторан недешёвое удовольствие».

На самом выходе у меня зазвонил телефон и высветилась фамилия Дэна. Ну, сейчас этот тип схлопочет! Но не успела я открыть рот, как услышала в трубке незнакомый голос:

– Это вы сейчас звонили?

«Тридцать три несчастья! Телефон потерял, что ли?» – мелькнула мысль, а тот же голос поинтересовался:

– Вы знакомы с абонентом? Кем он вам приходится?

– Да никем он мне не приходится, просто школьный друг! – буркнула я, всё ещё злясь на Дэна.

– Вы в каком месте сейчас? Не затруднит прибыть на пересечение Садовой и Невского? Ваш друг попал в аварию, – с профессиональной вежливостью произнёс голос.

– Да, сейчас! Я тут рядом, в супермаркете! – ответила я и на подгибающихся ногах выскочила на Невский. «Господи! Только бы живой! Чёртушка, как тебя угораздило?» – несколько раз пронеслось в голове, пока я мчалась до перекрестка.

Там в сгущающихся сумерках я разглядела небольшую толпу на тротуаре и стоящую рядом «скорую помощь». Фигура в знакомом светло-сером костюме лежала на асфальте лицом вниз, и безжизненность такой позы не оставляла никаких надежд. Теряя последние силы, я прислонилась к стене дома. «Не хватало ещё в обморок брякнуться, – подумала с горечью. – А ты, голубушка, замесом-то пожиже, чем себе представляла». Самокритика действовала, и когда я встретила внимательный взгляд высокого человека в штатском, уже сумела взять себя в руки.

– Капитан Невзоров, – представился подошедший мужчина. Несмотря на гражданский костюм, было видно, что это полицейский, и я даже не заглянула в его удостоверение. – Вы сможете предварительно опознать вашего друга? У него нет документов, только телефон. Ваши показания будут очень важны для следствия. Вы готовы?

Я кивнула, отлипла от стены и, проглотив комок, стоящий в горле, подошла к тому, что ещё несколько минут назад было Денисом. Врач «скорой» перевернул тело. Как странно было увидеть знакомое лицо таким спокойным, с лёгкой улыбкой на губах. Ничего не выдавало случившейся трагедии, только слева на виске волосы немного слиплись от крови. Я растерянно оглянулась на капитана:

– А он точно умер? Может быть, ещё можно помочь?

— Точнее не бывает. Он умер сразу, — ответил Невзоров. — Пройдёмте в машину, опять дождь начинается.

Только в машине я поняла, насколько замёрзла, меня трясло так, что начали стучать зубы. Капитан достал термос, налил в крышку дымящийся кофе и протянул мне. Рассказывая то немногое, что знала о Дэне с его же слов, я с удивлением обнаружила, что сумка, лежащая у меня на коленях, влажная. «Она не успела промокнуть, дождь только начался», — подумала я. Машиной поправила волосы и почувствовала, что лицо мокрое от слез. Не осознавая этого, я плакала, что совсем не похоже на меня. Достала салфетку, промокнула глаза и лицо. Капитан, внимательно наблюдающий за мной, не преминул спросить:

— Вы огорчены смертью друга? Вы были очень близки?

— Я очень огорчена его смертью. Мы не были близки, не виделись после школы. Позавчера я увидела его впервые за двадцать один год. Но если бы ваша одноклассница, с которой вы неожиданно встретились, лежала сейчас на асфальте, — я проглотила слезы, кашлянула и с вызовом посмотрела на Невзорова, — вряд ли это вас обрадовало. И ему было всего тридцать восемь, не повод умирать.

На мой вопрос, как произошла трагедия, капитан ответил кратко: Дэн переходил Садовую улицу, когда с Невского проспекта вылетел УАЗик, вильнул на встречную полосу и ударил его. Умер он мгновенно от повреждений внутренних органов, а голову разбил, падая уже мёртвым. Машина так быстро скрылась в переулке, что ошарашенные свидетели даже не успели запомнить номер.

После этого я была отпущена с наказом явиться завтра по адресу, указанному на визитке. Нужно было официально опознать одноклассника.

Почти всю ночь воспоминания о детстве не давали мне спать. Я жила в квартире с родителями, у меня была своя комната, окно которой выходило на большой школьный двор. Там были баскетбольная и волейбольная площадки, футбольное поле, беговая дорожка и ботанический участок, на котором у каждого класса имелся свой уголок. Двор возле нашего дома тоже был большим и уютным. И вот однажды от школьного и нашего двора откромсали большие куски территории иозвели элитный дом. Двор перед нашим домом стал крошечным, а школа лишилась футбольного поля. Надо ли объяснять, как местные жильцы и школьники возненавидели обитателей новой «элитки». И вот в нашем седьмом «А» объявился «мальчик-бананан» из этого дома. Это и был Денис, переехавший с родителями из Англии, от него так и веяло благополучием и нездешней жизнью.

Время было суровое, тогда, в девяностые, некоторые ученики нашей школы часто просто голодали. Вот и лупили Дениса постоянно, вымешая злость и за то, что он в сытой Англии жил, и за то, что упакован в иностранные шмотки. Мальчишка не унижался, пытался давать сдачи, но силы были неравны. Однажды, возвращаясь из школы, я заметила его на лавочке возле нашего подъезда. Он сидел, запрокинув голову, чтобы остановить кровь из разбитого носа. Мог бы к родителям побежать, директору школы пожаловаться, но не стал, предпочёл терпеть и не сдаваться. Я решила, что это достойно уважения. Пожалела его и потащила к себе домой. Ну, разве виноват парень, что его родители дипломаты? На следующий день я объявила одноклассникам, что Денис смелый парень и не ябода, теперь он мой друг, а кто рыпнется на него, будет иметь дело со мной. Я умела быть убедительной не только на словах, к тому же была старостой класса. Меня послушали. Вниманием Дениса не удостаивали, но бить перестали. Я единственная подружилась с ним, а он всё свободное время стал проводить в нашей семье, со мной. Не знаю, что он нашёл во мне, не из благодарности же дружил, но мне было с ним интересно. А ещё благодаря Денису я свободно говорю по-английски.

«За что же он поплатился жизнью? – не давал мне покоя вопрос, на который не было ответа. – Наверняка это тайны его нынешнего босса, а там и бизнес, и политика. Гремучая смесь». Уснула я уже под утро.

На работе объявила, что стала свидетелем аварии, и мне нужно отлучиться на пару часов для дачи показаний. Начальству в филиале я не подчинялась, скорее, наоборот, консультировала и контролировала их деятельность, но тайну из посещения полиции делать не стала, чтобы предотвратить возможные домыслы.

В кабинете кроме капитана Невзорова, который на этот раз был в форме, находился еще один мужчина, и я сразу отнесла его к разряду «человек из конторы». Почему? Не знаю. Было в нём что-то особенное. Он молчал и только внимательно слушал наш разговор. Я повторила всё, что рассказала вчера, а капитан задал несколько уточняющих вопросов. Особенно про босса Дэна, что я знаю о нём.

– Что я могу о нём знать? Депутат какой-то. Денис сказал, что познакомился с ним в Англии, потом начал на него работать. Это крупный бизнесмен, занялся политикой, переехал в Москву. Денису пришлось оставить Англию и вернуться в Россию. Я даже фамилию его не знаю. Да вам, наверное, лучше меня всё известно.

– Нам много чего известно. Интереснее то, что ваш друг о нём рассказывал. Был он недоволен чем-то, жаловался на что-то?

– Ничего подобного. Только сожалел об отъезде. Его сын и жена не хотели возвращаться в Россию. Сын сейчас в Англии учится. И вообще я депутатами и политикой не интересуюсь! – выпалила я.

– Вот как? – встрепенулся «человек из органов». – Совсем? Что ж так? Современный человек не может не интересоваться политикой.

– Значит, я не современный. И на выборы не хожу. Не хочу, чтобы мой голос использовал любой проходимец, пожелавший пробраться во власть. Демократия, я считаю, худшая форма правления! – ляпнула я, тут же пожалев о сказанном. «Нормальное место нашла поговорить о политике! Сейчас наговоришь на тюремный срок», – ужаснулась про себя.

– Ничего себе «не интересуюсь»! Да у вас целая политическая программа! – сразу прицепился штатский. – А как же демократия – «власть народа»?

– Распространенное заблуждение, – проворчала я. Терять, похоже, мне было уже нечего. – «Демос» с греческого вовсе не народ. Буквально это скорее «имеющие право», зажиточные граждане, которые могли решать вопросы жизни города. «Демос» – те, кто правит, а «плебос» – выбирающие, кто из «демоса» будет ими править. Вот суть демократии. А я не хочу выбирать, кто будет мной править. Я предпочитаю законного монарха, имеющего право править, и от рождения готовящегося стать правителем.

– О как! – воскликнул «человек из конторы». – Монархистка, да ещё так открыто высказывающая свои убеждения!

– А что в моих убеждениях плохого? – закусила я удила. – У нас же демократия, и я могу не скрывать своих взглядов. Я не борюсь с существующим строем, только не хочу голосовать неизвестно за кого.

– Значит, ваш друг говорил о своём боссе в негативном ключе? – вернулся разговор капитан в нужное ему русло.

– Не говорил, – сделала я акцент на «не». – Мы недолго общались. Его босс меня не интересовал, и говорили мы о личном.

– А он случайно не передавал вам на хранение бумаги или носители информации? – задал Невзоров новый вопрос, но, увидев крайнее недоумение на моём лице, сам на него и ответил: – Понял, не передавал.

Неприятная процедура допроса завершилась, и меня отпустили с просьбой звонить, если я что-то вспомню.

После работы я отправилась в гостиницу. Погода явно налаживалась, и следующую неделю обещали теплую. Наступало долгожданное «бабье лето», но я была так вымотана морально, что хотела только одного: упасть на кровать, накрыться одеялом с головой и никого не видеть, ничего не слышать.

Выйдя утром из дверей гостиницы, я увидела приближающегося капитана.

– Доброе утро! Удачно я вас застал! – улыбнулся он.

– Появилось что-то новое в деле Дениса? – с надеждой спросила я.

– Нет, к сожалению. Но я решил в неофициальной обстановке поинтересоваться ещё раз: может, вы что-то вспомнили? Любую мелочь, которая кажется вам неважной. У меня совсем нет зацепок. Машину мы нашли за городом, она, естественно, в угоне, салон тщательно обработан, улик никаких.

– Капитан Невзоров, вы мне крайне симпатичны, – вздохнула я, – и я даже больше вас заинтересована в раскрытии этого дела. Но мы с Денисом успели пообщаться совсем недолго, и говорили, в основном, про школьные годы. Если бы мы встретились и просидели вечер в ресторане, тогда, возможно, и было бы, что вспоминать. Я и так ночь не спала, прокручивая в голове каждое слово, что он мне сказал. А этот в штатском ваш начальник? – вставила я невинно, как бы между прочим.

– Вроде того, – неохотно ответил капитан, подтвердив мои подозрения.

– Я решила, что дело не в документах, возможном компромате. Тогда бы Дениса выкрали и выпытывали бы у него, где он эти документы спрятал. Не носил же с собой. А раз убили, значит, избавились от нежелательного свидетеля какого-то криминала или аферы. Нет человека – нет проблемы.

– Возможно, вы правы. Боюсь, это дело повиснет в нераскрытых, – признался капитан. – Простите, но я не могу обсуждать с вами ход следствия. Я надеялся, что вы хоть что-то вспомнили.

– Не знаю, – с сомнением отозвалась я, – но мне кажется, смерть Дениса выгодна его хозяину. Он разок упоминал про босса, точнее, о своей роли при нём: «подай, принеси, организуй».

– Это логично, грехи господ падают на их слуг, – кивнул капитан. – Но мне и близко не дадут приблизиться к целому депутату Госдумы. Вам стоит забыть о своих подозрениях и забыть об этом деле. Мне больше нет смысла вас вызывать, просить не покидать город больше не буду. Так что вы свободны. А дело, Бог даст, раскроем.

Невзоров попрощался и собрался уходить, как вдруг я припомнила глупую перепалку с человеком в штатском:

– Постойте! А ничего, что я вчера так опрометчиво высказалась за монархию? Никакая я не монархистка, просто болтнула.

– Я думаю, не страшно, – улыбнулся капитан. – Моему начальству не до вас, а мы еще вчера поняли, что вы просто задираете нас. Не переживайте.

«Ничего себе, – подумала я, когда капитан ушёл. – Даже люди из органов уповают на Господа в деле, в котором замешан депутат».

После работы я долго бродила по городу, фотографировала здания. В Питере я всегда так делаю. Здесь нет ни одного похожего друг на друга дома, они все особенные, все разные. Такие прогулки погружают в атмосферу города, в его историю и здорово отвлекают от насущных проблем. Своего рода медитация. Набродившись до темноты, без ног вернулась в гостиницу. Поужинала я в городе, потому оставалось только лечь спать.

Перед сном, разбирая сумку, я обнаружила в ней незнакомый тюбик губной помады. «Странно, не помню, чтобы такую покупала. И почему она в сумке болтается? Из косметички выпала, что ли?» Всё еще недоумевая, я машинально сняла колпачок, чтобы посмотреть цвет, но вместо помады увидела разъём.

«Может быть, это жучок? – пронеслось в голове, пока я тупо разглядывала незнакомый предмет. – А смысл? Слушать разговоры на работе? Тоже мне тайны великие. Никакой это не жучок, а флешка. Или, как говорил капитан, носитель информации. Хорошо, что я её не вчера нашла, а то не смогла бы вратить на допросе. И что эта вещь делает в моей сумке? Как туда попала? Не иначе мне её подбросил Денис. Значит, он знал, что за ним охотятся, и я ему удачно подвернулась под руку. Видимо, подсунул, когда мы сидели в кафе. А в ресторан пригласил, чтобы её забрать. Рискованно, я же могла и в первый вечер найти, но, наверное, другого выхода у него не было. Может, сообщить об этом капитану? Пусть у него голова болит».

Но эту мысль я тут же отмела. Подставлять человека – не в моих правилах, а я накликаю на Невзорова кучу неприятностей, если передам эту «бомбу». Да и Денис доверил флешку именно мне, а не кому-либо другому. Но теперь его нет, и что мне с ней делать?»

Пока я раздумывала над находкой, звякнул мессенджер. Странно, я никогда им не пользуюсь. А видеофайл пришел от... Дениса. Я чуть телефон не выронила: общаться с покойниками – так себе развлечение. Но деваться некуда. Хоть и страшно, но надо же узнать, что он мне послал.

«Привет! – сказал Дэн. – Скорее всего, ты не увидишь это видео, но решил записать на всякий случай. Я тебя немного использовал, подкинул одну вещь, надеюсь, ты её не найдешь, разные помады валяются в женских сумочках. Встретимся в ресторане, и я её заберу, а отсроченную отправку этого сообщения отменю. Но если вдруг я не смогу отменить послание, мало ли что может случиться, то обязательно избавься от флешки. Лера, не смотри этот материал, ничего интересного не увидишь. Скучные документы. Я хотел ими обезопасить себя, так сказать, подстраховаться. От людей, с которыми

приходится общаться, страховка необходима. Человек, которому я собирался передать в случае чего эти материалы, тебе всё равно не доступен, потому даже не буду называть его». Он ненадолго замолчал, потом грустно улыбнулся: «Знаешь, я рад был тебя увидеть. Хорошо увидеть хорошего человека. Надеюсь, ты всё сделаешь правильно, и эта история тебе не навредит. Не поминай лихом, если что!»

Видео закончилось. Я сидела в кресле, поджав под себя ноги, и ревела в голос. Было ужасно жалко Дениса. Хороший он парень, только попал в плохие обстоятельства и меня в них втравил. «Из-за него я во что-то влипла, и даже не знаю, во что! – думала я. – Конечно, я сделаю всё, как он сказал, и уничтожу «страховку», которая его не спасла. Пусть эти пауки в банке продолжают уничтожать себя сами. Как хорошо, что я далека от этого страшного мира. Единственное, что выдает мою причастность, – флешка. Что ж, он просил уничтожить её, так и сделаем. Завтра суббота, я давно не была в Петергофе. Отправлюсь туда на «ракете», тридцать минут, и я на месте. Фонтаны ещё работают, там необыкновенно красиво в это время года. К золоту куполов, статуй и фонтанов добавится золотая листва осени, а к сини воды – синева высокого питерского неба. Всё, как я люблю: золотое и синее».

И вот я еду (хотя моряки сказали бы – «иду») в Петергоф. Погода замечательная, тепло, лёгкий ветер треплет мои волосы и одежду. Я стою на верхней палубе и любуюсь волнующейся гладью Невы, а потом волнами Финского залива. Интересно, от кого я унаследовала любовь к водным просторам? Отец равнодушен к любым водоёмам, мама просто боится воды. А меня даже не укачивает, я не страдаю «морской болезнью», чем искренне горжусь.

Вдруг несколько брызг прилетает мне на лицо, я достаю из сумки салфетку и осторожно промокаю попавшие на лоб и щёки капли. Логично будет поправить макияж, но вынутая из сумочки помада неловко выскальзывает из рук и исчезает в водах Финского залива. Я перегибаюсь через перила ограждения, внимательно смотрю вниз. Затем растерянно и смущённо оглядываюсь и произношу как бы про себя: «Какая ворона!» Достаю из косметички другую помаду, подкрашиваю губы и усаживаюсь в шезлонг любоваться приближающимися постройками Петродворца.

Что ж, если за мной наблюдают (в последнее время паранойя стала самой верной моей подругой), пусть обшарят дно Финского залива по пути следования ракеты. «Флаг им в руки!» – злорадно усмехаюсь я.

Вот и финал этой странной истории. Что со мной будет дальше, не знаю. Но любой финал – это начало новой истории, и так до тех пор, пока мы живы.

Жизнь, по слухам, одна

1

Найти новую работу в пятьдесят – задача почти неразрешимая. Работодатели все как один нуждаются в квалифицированных кадрах с большим опытом работы, но не старше тридцати, максимум тридцати пяти лет. Откуда претенденты в таком возрасте квалификацию и опыт возьмут, никого не интересует.

Зоя Семёновна потеряла работу в пятьдесят один. Филиал крупной фармацевтической компании, в которой она честно трудилась двадцать лет, неожиданно ликвидировали. Все сотрудники получили два оклада и свободу, дальше – кому как повезёт. Зоя Семёновна принадлежала к категории административных кадров, такие работодателям редко бывают нужны, потому особых иллюзий относительно своего трудоустройства она не питала. Но, будучи человеком ответственным, грамотное резюме всё же составила и разослала по электронным адресам известных ей фармацевтических компаний.

Откликов не было, и Зоя Семёновна уже собиралась вставать на учет в службе занятости, как вдруг ей позвонили и предложили прийти на собеседование. Она удивилась, воодушевилась. И, как всякая женщина, подготовку начала с выбора наряда. Готовилась тщательно, впечатление нужно было произвести солидное. А ещё мысленно прокручивала в голове ответы на вопросы, которые ей могли задать, хотя и знала, что заранее тут не угадаешь. Нынче кадровики любят сбивать с толку претендента на должность неожиданными вопросами и смотреть, как человек отреагирует. Это называется проверкой на стрессоустойчивость. Особо Зоя не волновалась: то, что её примут на работу, было маловероятным.

В назначенный день и час она сидела напротив женщины с поблекшим усталым лицом, которая взглянула на неё лишь мельком. Тем не менее, Зоя Семёновна была уверена, что та отметила дорогой неброский костюм, подходящую к нему шёлковую блузу, аккуратно уложенные волосы и профессиональный, почти незаметный макияж. Уж на внешний вид у кадровиков глаз намётанный.

Женщина протянула ей бланк и сказала, что нужно заполнить анкету. Претендентка на должность удивилась, что собеседовать с ней никто не собирается, но спокойно пересела за соседний стол и довольно быстро заполнила бумаги.

— Документы давайте, — бесцветным голосом произнесла кадровичка. И, бегло просмотрев их, неожиданно объявила: — Завтра можете выходить на работу. Вы приняты на должность с испытательным сроком на два месяца.

Она подняла глаза на Зою и, впервые приветливо улыбнувшись, сказала:

— Вас рекомендовала одна наша бывшая сотрудница. А вы молодец! Лишних вопросов не задаёте. Вот вам трудовой договор, дома ознакомитесь. Режим работы там тоже есть, надеюсь, вас всё устроит, а завтра подпишем.

Зоя Семёновна отправилась домой, по дороге ломая голову, кто мог её рекомендовать, и мысленно посыпая неизвестной доброжелательнице благодарность и пожелание всяческих благ.

Незаметно пролетели два месяца, и Зоя Семёновна была принята на постоянную работу старшим менеджером аналитического отдела. В отделе кроме неё и начальника трудились ещё два человека: парнишка-программист и менеджер — молодая симпатичная девушка-экономист. Начальник отдела тоже был молод, окончил институт года три назад и приходился родным племянником директору фирмы. Скорее всего, отдел и был создан специально для него. Вениамин Семенович, которого все за глаза называли Венечкой, а когда злились — Веником, имел приятный характер, был неглуп, большого босса из себя не строил, но в то же время панибратства не приветствовал. Все четверо располагались в одном кабинете, и никогда в своей жизни Зоя не смеялась так много, как в эти два месяца. Начальник и программист были примерно одного возраста и постоянно хохмили, стараясь понравиться симпатичной Ирине. Правда, та была девочка себе на уме, имела солидного жениха и не особо покупалась на юмор коллег. Зато Зоя веселилась от души, частенько подбрасывая давние студенческие шуточки, которых молодые сотрудники не знали и принимали на ура. Короче, они сработались.

Достоинств у этой работы было много. Одно то, что платили на новом месте в полтора раза больше, а офис находился недалеко от дома, уже делало её работой мечты. Стоит прибавить вежливого директора и сложившиеся приятельские отношения с начальником отдела кадров. Оставалось только продержаться здесь чуть больше трёх лет и спокойно выйти на заслуженный отдых. О пенсии Зоя мечтала уже лет десять, испуганно вздрагивая, когда по телевизору начинали говорить про увеличение пенсионного возраста. Работой она тяготилась, потому что в профессии разочаровалась уже давно. Рассказывая о тяготах своей аптечной службы лучшей подруге Марине, она частенько слышала в утешение: «Внутривидовая борьба самая жестокая». С этим биологическим доводом трудно было не согласиться.

— Чтобы выбиться в заведующие аптекой или хотя бы в заведующие отделом, надо таким интриганом быть, что Катерина Медичи и леди Винтер нервно курят в сторонке, — говорила она Марине. Та не спорила, но отмечала, что и в больнице дела не лучше.

Коллег-провизоров Зоя Семёновна всегда, мягко говоря, недолюбливала. Даже в институте дружила не с сокурсниками, а со студентами лечебных факультетов. Однажды её будущий муж, с которым они оказались в одной компании, очень удивился, узнав, что она с фармфака.

— Никогда бы не подумал, ты совсем не похожа на провизора, — сказал он. — Голос красивый, и на гитаре хорошо играешь. Мне понравилось, как ты поёшь.

— А что, провизоры чем-то отличаются от других людей? — поинтересовалась Зоя.

— Конечно, — уверенно ответил парень. — Помнишь, Булгаков обзывал скучных серых людей провизорами?

— Обычное чувство превосходства над потенциальными пациентами, — немного обиделась она. — И, помнится, это сказал Чехов, а не Булгаков.

— Какая разница, они оба были врачами. А ещё Вересаев и многие известные талантливые люди. А ты сможешь назвать известного провизора? Чтобы хоть малюсенький талант был?

Зоя никого припомнить не смогла и потом старалась избегать этого неприятного студента. Но сама не заметила, как они подружились, а потом полюбили друг друга. Олег окончил институт на год раньше неё, и они тут же поженились. Так что выпускные экзамены Зоя сдавала глубоко беременной и даже не рискнула пойти на выпускной вечер. После декрета проработала в аптеках пять лет и при первой возможности с радостью перешла в фармацевтическую фирму.

С окончания института прошло почти тридцать лет. Олег стал превосходным хирургом, заведующим отделением в областной больнице. А девять лет назад ушёл из семьи к своей молодой коллеге. Как Зое потом рассказывали, этот роман начался ещё в те времена, когда Кристина была студенткой и проходила практику в их больнице. Работать она пришла туда же под крыло Олега и вскоре родила дочку. «Как честный человек», он оставил Зою и женился во второй раз. Объяснение было простым: «Наш сын уже взрослый (на тот момент Денис уже учился в Петербурге на лечебном факультете), а дочка совсем маленькая. Я не могу их бросить, но вам буду помогать материально».

И помогал. Сын успел тоже стать хирургом, остался работать в Питере, женился, подарил родителям внука, и всё, к счастью, у него было хорошо.

Это радовало Зою, но она скучала по сыну, хотя и привыкла жить одна. Иногда её навещал бывший муж. Не сказать, что отношения между ними сохранились самые теплые, но все же Олег оставался ей родным человеком. А он знал, что может говорить с бывшей женой на любые темы, не опасаясь быть неправильно понятым. Подруги удивлялись этому, осуждали Зою за мягкотелость, но та считать мужа предателем не соглашалась.

– Поддался искущению, – объясняла она. – Устоять против хирургессы у него шансов не было.

Так она называла новую жену бывшего. Лучшая подруга Марина только крутила пальцем у виска, но Зоя не обращала на это внимания. Хочет – пусть приходит, в конце концов, это и его дом. Он прожил в квартире её родителей почти десять лет, и они его любили, как родного. А как Олег помогал ей и поддерживал, когда мама умерла пять лет назад! Разве она может забыть это?

2

Придя утром на работу, Зоя Семёновна ещё в коридоре услышала громкий хохот, доносящийся из их кабинета. Зайдя внутрь, она увидела, что менеджер Ирина и начальник крутятся на стульях и буквально плачут от смеха.

– Это Глеб нам кино рассказывает, которое вчера посмотрел, – вытирая слёзы и стараясь успокоиться, объяснил ей Вениамин. – Вы бы слышали! У него дар над всем издеваться, ну, очень смешно выходит.

– Что, Глеб, хорошая комедия? Как называется? – спросила Зоя. – Вечером посмотрю, тоже посмеюсь.

– В том-то и дело, что это не комедия, наоборот, ужастик, – проговорила Ирина. – Но Глеб так смешно рассказывал, это он специально нас довёл. Стендапер! – обозвала она программиста, невозмутимо смотревшего на помиравших от смеха коллег. «А я что, я ничего, – показывал он всем своим видом. – Просто рассказываю, не понимаю, что тут смешного».

– Да, это он может, – согласилась Зоя. А потом не удержалась и уколола Глеба: – А программу ты написал, которую я тебя ещё на прошлой неделе просила? Мне что, выборку вручную делать?

Их аналитический отдел должен был обрабатывать информацию, поступающую от розничной и оптовой сетей, на основании этого делать выводы и представлять начальству прогнозы. Зое Семёновне нравилась такая работа, она любила цифры, любила их сопоставлять, тем более что опыта ей было не занимать, а интуиция частенько приходила на помощь там, где

цифры противоречили логике. Устроив небольшую выволочку забывшим о работе коллегам, Зоя Семёновна погрузилась в свои таблицы, молодые люди тоже потихоньку втянулись каждый в своё дело. Только Ирина иногда ещё фыркала, вспоминая смешное из рассказа Глеба.

После работы Зоя решила прогуляться до дома пешком. Стояла середина октября, но было неожиданно тепло, и грех было не воспользоваться такой возможностью – зарядиться солнечной энергией перед долгой зимой.

Кругом царила яркость: красные, багровые, жёлтые и даже зелёные листья частично оставались на деревьях, под ногами тоже будто расстелили пестротканое покрывало. Так приятно было брести по нему, шуршать листьями и ни о чём не думать. Зоя немного удлинила дорогу, свернув в любимый сквер. Идти на набережную не хотелось, было далековато, и там всегда гулял ветер, а здесь было тихо и почти по-летнему тепло. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны и ложились косыми яркими полосами на пятнистую землю, а на зелёных ветках небольших пихт лежали цветные листики, похожие на новогодние игрушки. Зоя шла и вспоминала, что в это время пять лет назад они были на кладбище, на похоронах мамы, и снегу в тот год было уже по колено.

«Такая она, наша Сибирь, – думала она. – То мороз, то теплынь. У природы своя особенная жизнь, и до людей ей дела нет. Не будет нас, но также будут падать листья, идти снег. Круговорот времён года, как круговорот жизни. Лечебники любили говорить: «Жизнь, по слухам, одна». Делали паузу и продолжали: «Но это не точно». Да уж, неплохо бы узнать, что жизней может быть несколько. Например, про котов врут, что у них девять жизней. Вот бы нам столько же. Я уже так привыкла жить, и даже полюбила все времена года: зиму, весну, лето, осень. В каждом времени так много прекрасного, даже в зиме. Как я не любила ее раньше! Помню, говорила, что с удовольствием уехала бы жить в вечное лето. Пожила там много лет, потом вернулась, вышла из самолёта, упала лицом в сугроб, полежала немного, поднялась, отряхнулась и с удовольствием улетела обратно».

Она засмеялась. Было такое, действительно хотела жить в вечном лете, а теперь не тянет. Это же скучно – всегда одно и то же. Неожиданно её мысли свернули в другую сторону. Зоя вспомнила сегодняшний разговор с Глебом. Она сравнила его с Чарли Чаплиным, сказав, что у него талант смешить людей, а в ответ услышала:

– А это кто такой?

– Ты что, разыгрываешь? – не поверила она. – Это самый знаменитый комик. Он снимался в немом кино, потом как режиссер фильмы ставил в Голливуде, уже звуковые. Его весь мир знает.

– Очень надо знать всякую древность, подумаешь, немое кино! Да кто его будет смотреть сейчас? Это вы вечно помните всякую ерунду, забиваете себе голову ненужным хламом, а на полезные вещи места не остаётся. Родители пристают, вы тоже со своим вечным: «Как не знаешь?» Надоели. Не знаю и знать не хочу. А будет нужда – посмотрю в интернете.

– Надоели? – переспросила Зоя Семёновна. – Не так уж часто я тебя о чём-то спрашиваю. Жалко тебя, обедняешь свою жизнь. Это человеческая культура, а вы, новое поколение, выросли не в чистом поле. До вас жили гиганты, которые подарили миру гениальные произведения, идеи, картины, архитектуру, наконец. И потом: интернета ведь может и не быть. Нет электричества – нет интернета. Что же вы тогда, бедолаги, будете делать? И откуда ты знаешь, правду пишут в этом интернете или нет? Вас же, как цыплят, можно в чём угодно уверить! – горячо выпалила Зоя.

Но программист только пожал плечами и надел наушники, дав понять, что больше говорить не о чем. Зоя Семёновна немного поворчала, но, не найдя в молодых коллегах поддержки и желания продолжать разговор на эту тему, вынужденно замолчала. Только сейчас ей стали приходить в голову убедительные аргументы, яркие примеры, и она жалела, что так и не смогла поколебать убеждённость Глеба в собственной правоте.

3

Закончилась осень, наступила зима, приблизился Новый год. Город украсили ёлки, гирлянды, Деды Морозы. На центральной площади вырос обязательный ледяной городок. На улицах и в магазинах царило предпраздничное оживление. Зоя Семёновна любила эти дни, несмотря на то, что на работе в конце года всегда случался аврал. Новая работа не стала исключением: в спешном порядке делались отчёты, закрывались договоры, проводились сверки. Приходилось задерживаться в отделе дольше обычного.

До праздника оставалось дней десять, и она возвращалась домой привычно припозднившись. Раздумывала над тем, когда лучше съездить к сыну в Петербург. В новой конторе она проработала меньше полугода, и отпуск сможет взять только в конце января. Или всё-таки отправиться на рождественские каникулы, прихватив пару дней без содержания? Она уже подошла к своему подъезду, когда её мысли прервал мужчина, поднявшийся с лавки. Он шагнул навстречу, и Зоя узнала бывшего мужа.

– Давно тут мёрзнешь? – спросила она.

– Недолго, минут десять. Хотел уже уходить, да решил сигарету выкуриить. А тут, к счастью, ты появилась. Долго что-то задерживаешься на работе, мадам.

– Сам ты мадам! Конец года, аврал, да ещё в магазин зашла, – пояснила она. – Пойдём быстрее, не май месяц на улице разговаривать.

Они поднялись на лифте, зашли в квартиру, сняли верхнюю одежду и направились на кухню. Там бывший муж вручил Зое полную корзинку вкусностей на праздник. После ухода из семьи он делал так всегда, несмотря на то, что сын давно уехал. Они обстоятельно поужинали, болтая о разных мелочах. Но Зоя чувствовала, что у Олега намечен важный разговор, к которому он пока не решается приступить.

Наконец она налила чай, к которому бывший принес её любимые пирожные.

– Помнишь, какие я люблю, – сказала она, открывая коробку. – Спасибо.

– А я больше всего люблю твой борщ, – признался Олег. – У меня так вкусно не получается варить, а Кристина супы вообще не готовит.

– Ну, где уж твоей хирургессе борщи варить, не по чину! – отозвалась Зоя, про себя думая, что же бывший собирается ей сказать.

– Слушай, а как бы ты посмотрела на моё возвращение? – вдруг огоршил её Олег.

Зоя смотрела на него и не могла понять, шутит он или говорит искренне.

– Так ты человек несвободный. Дочери ещё двенадцатый год, жена без тебя не справится, – спокойно ответила она.

– Да не о ней же речь! – воскликнул Олег. – Я у тебя серьёзно спрашиваю. Как бы ты отнеслась к моему возвращению в семью?

– Да никак, Олег! Какая семья? Её давно нет. Я хорошо к тебе отношусь, ты навсегда мой родной человек. У нас общий сын, общий внук, но и только. Семья у тебя другая, там у тебя дочь, и этим всё сказано.

Потом они ещё долго разговаривали, и Зоя узнала, что в его семье назревают большие перемены. Хирургессу пригласили на работу в Москву: сумела показать себя в выгодном свете, когда была на повышении квалификации. Она и Олегу место выхлопотала, так что после Нового года они должны уехать и обосноваться в столице. Но он этого категорически не хочет. Потому что здесь у него всё как надо, а там неизвестно, как сложится. Напомнил Зое, что его уже приглашал в Москву друг, который выгодно там женился и организовал частную клинику. Тогда Олег отказался, а теперь должен появиться в столице как муж своей жены, то есть как пустое место. И

он уже созрел с хирургессой разбежаться, потому что держаться особо не за что, останавливает только любовь к дочери. Вот он и думает, что ему будет лучше дома. И Таисию можно попытаться оставить себе, она уже большая и в двенадцать лет способна ответить в суде, с кем останется жить. Только он не хотел бы подвергать ребёнка такому стрессу, это его и останавливает.

Зоя внимательно выслушала его и надолго задумалась. То, что у бывшего не очень ладится семейная жизнь, она была неплохо осведомлена. Наконец, заговорила:

– Олег, я думаю, ты не прав. Тебе сама жизнь предлагает, просто на блудечке подносит возможность изменений. Человек должен расти и развиваться до конца жизни. Ты прекрасный хирург, но давно перерос этот город. Москва твой шанс. Только нельзя идти в ту же больницу, куда пригласили твою жену. Я думаю, надо попробовать решить вопрос с твоим одногруппником. Поптай счастья, вдруг он ещё не прочь работать с тобой. Я предлагаю на Новый год нам вместе с Таей поехать в Питер к Денису. Он брат ей, а они так редко видятся. Потом вы можете заскочить на пару дней в Москву в гости к другу, и, надеюсь, он пригласит тебя на работу, когда узнает, что ты переезжаешь.

– О, интересная тема! – воскликнул Олег. – Пожалуй, ты права, надо съездить. Давно сына и внука не видел, да и в Питере сто лет не был. И про Москву ты хорошо подсказала. Но что Пашка опять пригласит меня на работу, не факт. Сам проситься не буду, посмотрим, что из этого выйдет.

Они поговорили ещё немного, и перед уходом Олег спросил, почему она не хочет, чтобы он вернулся. Зоя пожала плечами и ответила, что дело не в хотении, в одну реку дважды неходят.

– Нет уж, умерла так умерла, как любят говорить человеколюбивые медики. В особенности наши друзья-хирурги.

Потом она добавила, что на жизнь нужно смотреть реально, и главное – выбирать лучшие варианты. Ей лично кажется, что для него лучше ехать в столицу и строить карьеру там. Потому что здесь он добился всего, и это потолок, а его уровень выше.

Проводив бывшего, Зоя всю ночь не спала. В голове всплывали фразы вечернего разговора, события прошлого. Желание Олега уйти из семьи её вовсе не обрадовало. Она и раньше не стремилась его вернуть, ничего не предпринимала для этого. Даже ничего не хотела знать о жизни Олега без неё, но не узнавать про это было практически невозможно. Каждая ненароком встречаенная сотрудница областной больницы стремилась посвятить её в подробности жизни бывшего мужа. А таких знакомых сотрудниц у Зои хватало. Ведь какое-то время она работала в аптеке

облбольницы (Олегу удалось её туда устроить) и успела познакомиться со всем медицинским персоналом. Проработав пару лет, нашла себе более престижное место в обычной аптеке. Но во время замужества продолжала присутствовать на всех праздничных больничных мероприятиях, участвовала в вылазках за город, так что добрые отношения сохранила со многими коллегами мужа. Те жалели, что Олег и Зоя рассталась. Новую пассию мужа все, мягко говоря, недолюбливали и старались при встречах живописать её повадки и поступки в самых неприглядных красках. Потому Зоя и не винила Олега в разрыве их отношений, зная, что он просто стал жертвой женщины-хищницы, избравшей его своей целью. Отбиться от такой мало кто смог бы.

Опять вспомнилась любимая фраза Олега: «По слухам, жизнь одна. Но это не точно». Он любил её повторять, подразумевая, что после смерти человека может ожидать другая жизнь. Сегодня бывший муж придал ей другой смысл, размышляя о себе: «У меня было несколько жизней: до встречи с тобой, потом двадцать лет вместе и эти десять. Такое чувство, что последние годы – это не моя жизнь. Я живу будто в дурном сне, пытаюсь проснуться и не могу».

Зоя попыталась представить и свою жизнь как несколько разных, но не смогла. У неё жизнь определённо была одна, просто менялись обстоятельства, люди вокруг. Она подумала, что, видимо, Олегу новая жизнь действительно не по вкусу. Начала вспоминать, как они жили вместе. Вначале – у его родителей. Отец был замечательный, относился к Зое тепло, она тоже привязалась к нему. Зато мама Олега оказалась та ещё штучка. Она привыкла руководить своими мужчинами, и независимая невестка ей пришлась не по нраву. Прожив с ними три года, Зоя в один прекрасный день собрала вещи и заявила мужу: или они все уходят к её родителям, или уходит только она с сыном. Олег выбрал свою семью: жену и ребёнка. Её родители приняли Олега, как родного, и они больше десяти лет счастливо прожили вместе. Потом мама Олега неожиданно умерла от инфаркта, и им пришлось вернуться, чтобы поддержать его отца. С ним они и прожили до расставания. Своего жилья так и не заимели, у обоих родителей были большие квартиры в центре города. Иногда Зоя думала, что это было неправильно, но во времена их молодости квартиры не раздавали просто так, нужно было долго стоять в очереди на получение жилья, а их даже не ставили в эту очередь: имеющихся метров хватает, а больше не положено. После расставания с мужем она вернулась домой, мама и папа были ещё живы, и Зоя снова стала любимой доченькой в семье. Сын уже учился в Питере, а она в свои сорок с лишним словно вернулась в молодость. Пару лет было больно, потом боль притупилась, а вскоре она почувствовала, что может жить. Просто жить

далъше и даже быть счастливой. Главное – войти в гармонию с собой и окружающим миром. Да, для этого нужно много сделать, но оно того стоит.

4

В конце февраля выдался не по-зимнему тёплый день. Небо было синее, снег начал потихоньку таять, и запах его, как с детства казалось Зое, напоминал аромат арбуза. Она вышла с работы и глубоко вдохнула этот бодрящий, приводивший в щенячий восторг запах. Солнце светило ярко и празднично, а мягкий весенний ветерок так и заманивал на прогулку. Зоя радостно подчинилась и направилась не на автобусную остановку, а к набережной.

Гуляла дотемна, а в голове крутились обрывки последних разговоров с бывшим. Его семья уже несколько недель как перебрались в Москву, и вчера Олег докладывал Зое, как устроился на новом месте. Работать он начал в клинике одногруппника. Побывав у сына в Питере, заехал к другу в гости, и тот, узнав, что Олег переезжает в Москву, буквально силой затащил к себе. Специально под него открыл нейрохирургическое отделение, сделал заведующим. Оклад предложил фантастический, да ещё и в долларах. Жильё Олег пока решил снимать, несмотря на то, что хирургесса требовала продать их квартиру в Сибири и взять в Москве ипотеку. Только Зоя заранее провела по этой теме разъяснительную работу. Квартира в центре города принадлежала родителям Олега и досталась ему в наследство, то есть Кристина к ней отношения не имеет. Новая же собственность автоматически станет общей. В случае развода и раздела имущества Олег всё оставит жене и дочери, а сам останется ни с чем.

Отношение к нему жены Зоя тоже прояснила. О многочисленных изменениях Кристины Олег в последнее время узнал из самых разных источников. Приглашение хирургессы в Москву тоже давало немало поводов к размышлению. Принимая всю полученную информацию к сведению, он пока не решился первым подать на развод. Основной причиной сохранения странных отношений с женой была, конечно, дочь. Он считал, что Таисия не должна страдать из-за конфликта родителей. В том, что жена рано или поздно сама разрушит семью, он не сомневался, но это и входило в его планы. В таком случае у него появлялась возможность оставить Таю себе.

Наконец Зое надоело думать про бывшего мужа. Честно говоря, она считала поведение Олега неправильным, – в том числе и по отношению к дочери. Невозможно жить во лжи, а дети ложь чувствуют особенно остро. Зоя не понимала его, но не осуждала, пусть живёт, как считает нужным.

«И какого чёрта я впуталась в эту историю? – спрашивала она себя. – Можно подумать, я замуж за него вновь собираюсь. За десять лет привыкла жить одна, и мне это нравится. Опять подстраиваться под кого-то, даже под бывшего, которого знаю, как облупленного, нет ни малейшего желания!» После развода ей неоднократно предлагали выйти замуж. Самое интересное, что случилось это дважды, причем в первый раз было два предложения одновременно и во второй раз тоже два сразу. То густо, то пусто. Но она так и не решилась. Всё чего-то не хватало: не то желания, не то любви.

«Больше всего хочу вовремя уйти на пенсию, купить маленькую квартирку в Питере рядом с сыном и жить там, – думала она сейчас. – На пенсию я хочу не потому, что ленивая. Просто профессия у меня неправильная. Вся наша фармация и фармакология не для лечения людей, их просто подсаживают на таблетки. Да и кому надо больных вылечивать? Кто тогда лекарства покупать будет? Всё на прибыль направлено. Один средний чек в аптеках чего стоит. Попробуй, продай лекарств на меньшую сумму, чем средняя, штраф схлопочешь. Все только о деньгах заботятся. Неправильно это. Учёные должны лекарства изобретать, чтобы победить болезнь, а не заставить человека использовать медикаменты до конца жизни. И я всю свою жизнь работаю в этой системе. Не хочу больше. Потому и мечтаю о пенсии. Хорошо, что мои мужчины – хирурги, реально спасают людей. А то врачи тоже в этой системе, назначают то, что фирмам надо. Впрочем, их так учат – лечить симптомы, а не болезнь.

Вот опять я про работу! Про Олега вроде бы всё решила. Москву я не люблю, да и зачем я бывшему? Жена ему нужна моложе, чем я, привлекательная, интересная. Только бы не такая хищница, как нынешняя. Надоело же смотреть, как хирургесса его использует. Лишит мужика всего: квартиры, денег, положения, дочери, наконец. Пока вроде обошлось, только она не из тех, кто выпускает добычу из когтей. Всё равно обведёт вокруг пальца и облапошит. Новый ухажёр вряд ли на ней женится. Москвичи – это не наши сибирские лохи. Так что, как дело повернется, неизвестно».

Зоя остановилась, глубоко вздохнула и произнесла вслух (благо рядом никого из прохожих не было):

– Да ладно, пусть сам о себе думает! Мальчик взрослый!

«Всё же я не зря старалась, – улыбнулась она удовлетворённо. – У него хороший шанс сделать в Москве прекрасную карьеру. И всё прочее может сложиться как надо. Если не будет дураком. Но это уже не в моей власти...»

Переключившись с проблем Олега, она с удовольствием принялась вспоминать Новый год, который они замечательно встретили в Петербурге. Она очень любила этот праздник, а Новый год в Питере – это праздник,

помноженный ещё на множество приятностей. Её порадовала новая квартира сына, на любимой Петроградке, а новость, что его семья ожидает девочку, сделала совершенно счастливой.

«Господи! Пусть у них всё будет так, как они хотят. Алла у сыночка хорошая, квартира – мечта. За десять лет расплатятся с ипотекой, и будет их собственная. Не понимаю я людей, которые снимают жильё. Это же свои деньги отдаешь чужому дяде, и прав у тебя никаких, в любой момент выставят вон, или снова ищи себе дом. А ипотека хоть и кабала, но платишь всё равно сам себе. Надеюсь, на новой работе сын придётся ко двору, всегда хотел работать в этой клинике, и зарплата там выше. Надо же, как у нас интересно получилось: у меня новая работа, потом у Дениса, а теперь и у отца. Прямо парад новых возможностей. Пусть же всё у нас будет хорошо! Ведь «жизнь, по слухам, одна». Хотя мне больше нравится продолжение этой фразы: «Но это не точно». Значит, надежда есть».

В круге света

– Чего встала на проходе, коза? – грубые слова и толчок в спину вывели Юлю из задумчивости. Она оглянулась и увидела небритого парня, зло смотревшего на неё. От него несло перегаром.

– Разве я вам мешаю? – тихо спросила она у обидчика, и на глаза навернулись слёзы. – Троллейбус почти пустой...

Но Юля не разрешила себе заплакать, детину это наверняка бы только раззадорило. Молодая женщина в общественном транспорте для таких – самая лакомая жертва, на ней легко можно сорвать злость.

– Ишь ты, огрызается ещё, крыска-белобрыска! – продолжил пьяный, видя, что в поздний час пассажирка едет одна, а значит, за неё некому заступиться.

Только в этот раз он просчитался. Неожиданно крепкие руки стиснули сзади его плечи. Парень дёрнулся, выругался и попытался вывернуться, но это ему не удалось.

– Я думаю, молодой человек осознал, что был неправ, и сейчас попросит у вас прощения, – сказал пассажир Юле и резко встряхнул хулигана.

Тот разразился потоком браны, пытался вырываться и дотянуться до противника, однако державший его был явно сильнее.

– Я ошибся, – признал мужчина огорчённо. – Оказывается, гражданин совсем не умеет пользоваться общественным транспортом. Придётся ему сойти.

Объявили остановку, двери троллейбуса открылись, и мужчина вытолкнул парня вон. Пока тот поднимался со снега и пытался снова влезть в салон, водитель закрыл двери у него перед носом, справедливо решив, что конфликт на этом исчерпан. А спаситель повернулся к Юле, смотревшей на эту сцену широко раскрытыми глазами, слегка склонил голову и сказал:

– Я сожалею, что гражданин не успел извиниться перед вами. Потому делаю это за него.

– Спасибо, – только и смогла ответить она, чувствуя себя ужасно неловко. И ещё подумала: «Этот мужчина выражается так, словно дамских романов начитался. Ужасно нелепая ситуация».

К счастью, объявили нужную ей остановку, и Юля поспешила на выход. Быстро добежала до дома и только в квартире почувствовала себя в безопасности.

Переодевшись в домашнее платье, Юля прошла на кухню и поставила чайник. Когда вода вскипела, заварила чай, достала плитку тёмного

шоколада и неожиданно залилась слезами. Плакала не только из-за пьяного грубияна, за последнее время накопилось много разных обид и огорчений. Сегодня была последняя капля. Она возвращалась из филармонии после концерта классической музыки и в троллейбусе как раз печалилась, что в столь поздний час некому проводить её до дома. Подруги, с которыми была на концерте, обе жили в другом районе города. Юля плакала, пока не почувствовала прикосновения к щеке маленьких лапок. Обеспокоенный питомец гладил её по лицу и тревожно цокал.

– Масик! Прости, дорогой, совсем забыла про тебя. Ничего не случилось, всё хорошо!

Масиком Юля называла бельчонка, которого однажды спасла от верной смерти. Тогда он был чуть больше её пальца. Сейчас вырос и стал взрослой белкой, но прозвище так и осталось. До него Юля не заводила себе питомца, она весь день на работе, а животному нужна компания, иначе будет страдать в одиночестве. Так и жила одна, пока, гуляя в парке, не наткнулась на ребятишек, нашедших в дупле двух бельчат. Видимо, их мать погибла или оставила детей. Один бельчонок умер, а другой ещё подавал признаки жизни. Юля не смогла пройти мимо и решила его спасти. Пришлось побегать по ветеринарам и даже обращаться в зоопарк. Взять бельчонка там отказались, но дали несколько ценных советов, и детёныша удалось выходит. Масик остался жить у неё, обитал в большой (метр на метр) клетке, оборудованной всем необходимым, – от большого колеса для «физзарядки» до домика, похожего на дупло. В клетке Масик находился, только оставаясь один, для своей же безопасности. Когда Юля возвращалась домой, выпускала питомца на волю, и тот бегал и прыгал по квартире, хозяйничал всюду, а спал на мягкой подушечке возле её кровати. Несколько таких думок были сшиты для дивана мамой Юли. Мамы уже не было, а подушки остались. Вещи часто живут дольше своих хозяев.

– Масик, разве я одна, когда у меня есть ты? Сокровище моё! – продолжила Юля разговор с питомцем. Видимо, сегодня, прия домой в расстроенных чувствах, она машинально открыла клетку, потому что всегда это делала в первую очередь. Угостив Масика орешком, а себя – чаем, она перестала плакать, но окончательно успокоиться не получилось. Прошлое не отпускало.

Первые двадцать лет её жизни были безоблачными. Всё складывалось, как нельзя лучше: дружная любящая семья, уютный дом, школа, потом институт. Всё изменилось, когда она окончила четвертый курс. Тогда погибли родители, точнее, бесследно исчезли. Юля сдавала экзамены, а мама и папа решили отправиться в отпуск на купленной отцом новой машине,

поехали к морю своим ходом. Юля и её брат с молодой женой должны были присоединиться к ним позже, но родители уехали и пропали. До сих пор этот период жизни вспоминался с содроганием, ведь самое страшное – это неизвестность.

От тоски и свалившегося одиночества на пятом курсе Юля вышла замуж за человека, который был старше на семь лет, казался любящим и надёжным. Но вскоре выяснилось, что больше всего молодая девушка привлекла его как единоличная хозяйка прекрасной трехкомнатной квартиры в центре города. И когда стало известно, что принадлежит ей только половина, любовь заметно уменьшилась. Примерно через год он нашёл даму сердца побогаче и поменял жену. Трагедией это для Юли не стало, особой любви к мужу не было, но с тех пор она не слишком доверяла мужчинам. «Хватит, один раз сходила замуж, ничем хорошим это не кончилось», – говорила она, когда знакомые начинали сватать её очередному холостяку.

А родителей случайно нашли грибники на следующую осень. Розыск убийц ничего не дал, пропала и новая машина, которая стала причиной их гибели. Единственным родным человеком у Юли остался брат Евгений. Он был старше на четыре года, жил в другом городе, но всегда старался поддерживать сестру. После гибели мамы и папы они мирно договорились о разделе наследства, деньги за проданную родительскую квартиру поделили поровну, и каждый смог приобрести собственное жилье. Юле повезло, она купила «двушку» в соседнем доме и осталась жить во дворе, в котором выросла. Лёжа в постели и вспоминая прошлое, Юля немного пожалела себя, но всё же быстро уснула, а с новым днём пришли новые заботы и хлопоты. Жизнь продолжилась заведённым порядком, и на жалость к себе просто не оставалось времени.

Прошло несколько недель после неприятного случая в троллейбусе, Юля опять поздно возвращалась домой. Уже наступил февраль. Как и положено последнему зимнему месяцу, он то лютовал морозами, не желая уступать весне, то терял силы, и тогда проглядывающее из облаков солнце понемногу расплывало сугробы, покрывающиеся тонкой ледяной корочкой. А порой налетали метели и, грозно завывая, несли миллиарды снежинок, будто пытаясь засыпать все пути, чтобы не смогла весна пробраться к людям и подарить им долгожданное тепло.

В этот вечер тоже мела метель, дорожка от остановки была покрыта толстым слоем снега, и только фонари образовывали конусы света, за которыми стояла непроглядная темнота. Раз в неделю после работы Юля посещала литературную студию. Сегодня было очередное занятие, но возвращалась она домой позже обычного, потому что у одного из студийцев

был день рождения, и после обсуждения текстов участников он пригласил всех в кафе. Для сибирской зимы температура была комфортная, не больше десяти градусов, но дул сильный ветер, идти было трудно. Пробираясь между сугробами, Юля ругала себя за то, что не вызвала такси, давно бы уже сидела дома.

Об увлечении литературой она сама отзывалась со смехом («Ко всем моим недостаткам, еще и любовь к поэзии; это уже перебор»), понимая, что для обычной бытовой жизни нет от таких занятий никакой пользы. Она с детства отличалась замкнутостью, не любила глупых разговоров про «звезд», тряпки и «серые отношения», поэтому общаться со сверстниками ей бывало затруднительно. Куда интереснее было слушать умных гостей родителей или друзей брата. Музыка, книги, путешествия, музеи, научные открытия – вот что интересовало девочку. Читать она любила всегда, а после трагедии с мамой и папой стали приходить и собственные строки. Близкие относились к её новому увлечению по-разному. Брату стихи нравились, он поддерживал Юлю в стремлении писать; несколько подруг, образовавшихся в институте, посмеивались, как над чудачеством, но тоже подбадривали. А сама она к поэтическим опытам относилась без особого питета: когда с детства читашь самых лучших поэтов, чьи-то другие (даже свои) несовершенные строчки в лучшем случае вызывают улыбку сожаления*.

Оступившись, Юля обеими ногами завязла в сугробе. Попыталась под фонарём вычерпать снег из сапог. Подняла голову и замерла в восторге: в жёлто-медовом круге света неслись крупные снежинки и будто танцевали вальс. Ей даже показалось, что она слышит музыку, а может, просто вспомнилась мелодия Вивальди из «Времён года». Она протянула руку, и на перчатку стали прилетать крупные снежинки. В лучах фонаря они переливались разноцветными вспышками, а их длинные лучи словно ещё двигались, не в силах остановиться. Потом порыв ветра снова подхватывал их и уносил в темноту, а на руку садились новые гости, чтобы немного передохнуть и улететь по неведомым делам в белоснежные неведомые дали.

Юля радостно рассмеялась, ей вдруг захотелось, чтобы в этом круге света стояла не она, а влюбленная пара. Молоденькие влюблённые: мальчик и девочка, такие же светлые и чистые, как этот снег. И она произнесла вслух:

*«...вихри кружатся вокруг.
Милые робко, несмелые,
входят в очерченный круг...»*

Больше ничего в голову не приходило, и Юля с огорчением подумала, что пока доберётся до дома, и эти немудрёные строчки забудутся. Стихи, они как снежинки: не успеешь записать – или улетают мгновенно, или тают. Так она стояла, разглядывая снежинки, сочиняя и фантазируя, забыв о времени, как вдруг за спиной услышала собачий лай. Оглянулась и сжалась в комок от страха: прямо на неё сквозь метель с лаем нёсся огромный белый пёс.

«Это сам дух снега!» – пронеслось в голове. Но бежать она даже не пыталась, просто замерла на месте. Собака подбежала к ней и положила передние лапы на плечи, хрупкая фигурка не выдержала такой тяжести и повалилась в сугроб. Пёс радостно лизнул её в лицо, и тут же послышался резкий окрик:

– Рэй, ко мне! Ты что делаешь?!

Подбежавший мужчина протянул ей руку, поднял из сугроба и принялся отряхивать от снега.

– Простите нас, ради Бога! – обратился он к Юле. – Надеюсь, вы не очень испугались. Рэй – дружелюбная собака, и я спустил его с поводка. Уже поздно, и никого вокруг не было видно...

Наконец он посмотрел девушке в лицо и удивлённо произнёс:

– О, старая знакомая! Вы продолжаете гулять по ночам? Мне кажется, это небезопасно.

Только теперь Юля узнала мужчину, который заступался за неё в троллейбусе, и удивлённо спросила:

– Откуда вы здесь взялись? Когда я вышла, вы же поехали дальше?

– Ну да, – отозвался он. – Я вышел на следующей остановке, потому что живу в квартале от вас. Мы с Рэем всегда гуляем на собачьей площадке и ходим домой этой тропинкой через сквер. А я очень рад вас увидеть снова. Рэй, видимо, более внимателен, возможно, мы не раз пересекались, и он принял вас за знакомую.

– По крайней мере, за местную, – засмеялась она и потрепала пса по мощному загривку, покрытому длинной белой шерстью.

Они стояли под фонарём в круге света и говорили об очень важных пустяках. Потом мужчина снял с неё перчатки и начал согревать замёрзшие руки в своих тёплых ладонях. Несмотря на поздний час, они никуда не торопились, скоро их засыпало снегом, а за плечами образовались небольшие сугробики, похожие на сложенные крылья. Так они и стояли под ярким светом – две белые фигуры, издалека похожие на белых ангелов.

«Интересно, а как Масик отнесётся к моим новым знакомым? – вспомнила Юля о своем питомце. – Ничего, он у меня такой умный, думаю, мы все подружимся», – успокоила она себя.

В этот момент она ничуть не сомневалась, что нашла настоящих друзей, и теперь эти двое, человек и собака, больше никуда не денутся из её жизни.

* Приложение

Вот стихи Юли, которые она читала на последнем собрании литературной студии. Как и положено, её критиковали за немудрёные строчки. То рифма заезженная, то содержание банальное, то, наоборот, непонятное. Но Юля уже привыкла к критике, и писать стихи так и не бросила.

Муза

Муза бывает бездушной,
Муза частенько строга,
Ты же внимательно слушай –
Вдруг да родится строка!

Сточки, казалось бы, льются,
Неба синеет эмаль,
Но образумит безумца
Муза, почувствовав фальшь...

Бред во время бессонницы

Синий вечер, серый кот.
Может, всё наоборот?
Синий кот и серый вечер,
А из нас никто не вечен.

Вечность – это пустота,
Нет там места для кота.
Вечерами он резвится,
Оттого и мне не спится.

Ну, а если рыжий кот?
Как тогда наоборот?
Синий кот, а рыжий вечер
С рыжей осенью замечен.

Девять жизней у кота,

Что ни жизнь, то суета.
Рыжий кот и синий вечер,
Мне покой не обеспечен.

Бродят часто мои сны
Над просторами страны...
Ночь с бессонницей привычна,
Повод для стихов отличный,

А поэты, как коты,
С вечностью почти на «ты».

Попытка игры в банальные рифмы

Стою, закутавшись в туман,
Иль это смог, сама не знаю,
В тумане разглядеть обман –
Затея, кажется, пустая.

А рифма тем и хороша,
Она мне сходством сердце греет.
В тумане пропадёт душа,
И сердце враз похолодеет.

Вокруг туманный океан,
Шаг в сторону – себя теряю.
Похоже на любви дурман,
И пьесу странную играю.

В тумане растворюсь без сил,
Иль это смог, не знаю даже.
Он, очевидно, победил,
И на руке следы от сажи.

Семья кузнеца

Быль

Жил-был кузнец Прокопий, и было у него три дочери. И именно в слове «дочери» заключалась не только его личная трагедия, но и трагедия всей семьи. Жена Матрёна – сухонькая маленькая женщина – исправно рожала детей, но ни разу не смогла подарить кузнецу сына. А ему страсть как нужен был наследник. Ведь только сыну он мог передать своё мастерство, только сыну хотел оставить нажитое добро. Столько надежд возлагал Прокопий на очередную беременность жены, но каждый раз ждало его страшное разочарование. Горе это глушил он беспробудным пьянством и вымешал зло на несчастной женщине. Бил жену, снова родившую дочь, смертным боем, так что приходилось вмешиваться соседям и уряднику. Матрёна постепенно приходила в себя, потихоньку начинала заниматься хозяйством, а люди только удивлялись, как мужик с пудовыми кулаками и непомерной силищей в очередной раз не убил эту несчастную.

Проходило время, жена вновь оказывалась на сносях, Прокопий загорался надеждой, прекращал пить и начинал истово работать. Кузнец он был знатный, лучший во всей округе, и от заказчиков отбоя не было. Зарабатывал много денег, семья перебиралась в новый дом, покупались лошади, появлялись дорогие вещи. Но счастье длилось недолго. Рождалась девочка, и всё повторялось: кузнец с горя избивал жену и пил сутки напролёт. Пропивал всё: новый дом, вещи и даже любимых лошадей.

Семья оказывалась на улице, приходилось идти «в люди». Матрёна устраивалась в богатый дом вести хозяйство. Выполняла любую работу, была отличной кухаркой, а стирать бельё вообще умела лучше всех в селе. Дочери помогали ей, особенно старшая Ефросинья. Девочка росла работящей и кроткой, имела иконописные черты лица и косу ниже пояса, только к ней одной из всей семьи суровый кузнец питал хоть какую-то привязанность, по крайней мере, никогда её не бил.

Наступили непонятные времена, в Россиибросили царя, в Сибири началась свистопляска со сменой власти: красные, белые, чехи, атаманы всяких мастей. Прокопия, правда, мобилизация не коснулась, в то время он уже достиг солидного возраста, да и любой власти кузнец нужен.

Однажды село заняли отступающие под напором красных потрепанные остатки белогвардейских частей. Требовалось срочно подковать лошадей, но кузнец был пьян в стельку, переживая очередную личную трагедию. Белого капитана не волновали его душевные терзания, Прокопия вывели к колодцу,

облили ледяной водой, а чтобы закрепить отрезвляющий эффект, ещё и выпороли. Кузнец сделал всё, что от него требовали, и беляки село покинули. А опозоренный злой Прокопий опять напился и избил ни в чём не повинную жену.

Через некоторое время в село вошли красные. Комиссар вообще не стал заниматься воспитательной работой, просто сунул кузнецу револьвер под нос и сказал:

– Контра пьяная! Ежели через пять минут не начнёшь работать, я тебя на месте порешу!

Глянув в круглое отверстие, равнодушно обещавшее скорую встречу с вечностью, Прокопий мгновеннопротрезвел. Лошадей подковал. В этот раз красные ушли, но вскоре вернулись навсегда. С тех пор кузнец пить не бросил, но напиваться в стельку перестал. Опасался. А после того, как председатель сельсовета пригрозил сослать его в места не столь отдаленные за побои жены и дочерей, совсем притих и поскучнел. Работал кое-как, на рождение сына больше не надеялся.

Всего за время совместной с ним жизни Матрёна родила двенадцать девочек, выжили только три. Старшую дочь к тому времени выдали замуж в соседнее село, и Прокопий продолжал жить и пить без азарта. Годы брали своё, голова начала седеть, спина согнулась, а в глазах поселилась вселенская печаль, которую он и не пытался скрыть. Наследника так и не дождался, передать мастерство было некому. Учеников, которых ему пытались навязать, чтобы село в будущем не лишилось кузнеца, раз за разом прогонял взашей, объясняя начальству, что опять негодного нашли.

Началась коллективизация, стали организовывать колхозы, как всегда в России доводя дело до абсурда. Обобществили скотину, за которой толком смотреть было некому, ведь беднота работать не любила и не умела, а тех, кто умел, уже раскулачили и вывезли из родных мест неведомо куда. Надои падали, животные тощали, болели, их забивали на мясо. План по мясу спускали сверху, был он жестким, местных условий не учитывал. Зачастую его приходилось выполнять, забивая даже молочных коров. И хотя годы продразвёрстки миновали, урожай забирали подчистую, хорошо, если оставляли немного на семена. Следствием неграмотной колхозной политики стал страшный голод в конце двадцатых – начале тридцатых годов.

У старшей дочери родилось и умерло несколько дочерей. Не везло кузнецу с сыновьями, не везло и с внуками. Спасая семью от голода, муж Ефросиньи Николай завербовался на работу в соседней с Алтаем области. Там начали возводить Кузнецкий металлургический комбинат. Ехали туда со всех уголков большой страны, а поэт Маяковский даже посвятил этой

гигантской стройке вдохновенные строки: «Я знаю, город будет, / я знаю, саду цвесь, / когда такие люди / в стране Советской есть».

Не всё гладко складывалось у молодой семьи на новом месте, трудностей много на их долю выпало, жили в землянке, голодали. По-прежнему рождались у пары только девочки и умирали от плохих бытовых условий и болезней. Всё преодолели, и в тридцать четвертом году наконец-то родила Ефросинья первенца. С того момента жизнь начала налаживаться. Семья получила большую комнату в новом бараке, а Николай стал работать краснодеревщиком на новом деревообрабатывающем заводе. Руки были у него золотые, и мастером он стал отличным, выполнял индивидуальные заказы на отделку общественных зданий и квартир начальства. Таких мастеров на заводе было всего двое, они работали сами по себе, в бригады их не включали.

Комбинат построили, он начал давать металл, выпускать рельсы и прочую нужную стране продукцию. Отступил голод, город рос и хорошел. Появлялись новые дома, школы, больницы, дворцы культуры. Одновременно с комбинатом открыли драматический театр, в оформлении которого принял участие и Николай.

В семье уже было трое детей: мальчик и две девочки, но мирная жизнь оборвалась внезапно и трагически. Грязнула война. Николая призвали в армию. Опустел барак. На двадцать комнат остался только один мужчина – пожилой сталевар, которому выдали броню, да через год вернулся с фронта сосед без ноги. Все тяготы военного времени легли на плечи женщин.

У Матрёны выбор был небольшой: оставаться с опостылевшим мужем, которому она не простила бесконечных побоев, или помочь Ефросинье поднимать детей. В начале сорок второго года, когда Прокопий в очередной раз загулял, она сказала младшей дочери:

– Вот что я, Фая, надумала. Надо нам к Ефросинье подаваться, не выживет она одна с тремя малыми ребятишками на руках, сама знаешь, какое у неё здоровье. Четыре карточки иждивенческие получают, да халаты стирает для магазинов, вот и весь доход. Они там пропадут, а мы здесь с отцом нашим.

Фаина еще в школе училась, но девочка была умная, свою мать с радостью поддержала. Она давно хотела вырваться из села, жить и учиться в городе. Ничего не сказав Прокопию (он бы их ни за что не отпустил, скорее, прибил), воспользовавшись его отсутствием, мать и дочь собрали свои нехитрые пожитки и уехали в Сталинск¹.

¹ Ранее – Кузнецк, Новокузнецк, после 1961 года – снова Новокузнецк.

Стали жить вместе вшестером. Комната Ефросиньи была самая большая в бараке – двадцать четыре квадратных метра. В свое время Николай разделил её перегородками на две комнатки и кухоньку. Разместились, как говорится, «в тесноте, да не в обиде».

Чтобы прокормить большую семью, Матрёна устроилась работать в горячий цех Кузнецкого металлургического комбината. Единственная в семье стала получать рабочую карточку, на неё давали восемьсот граммов хлеба; дети и Ефросинья, которая официально не работала, получали в два раза меньше. Но это только так говорится, что получали, карточки еще надо было отоварить. Дело непростое, очередь занимали с вечера, стояли всю ночь, сменяя друг друга, и иногда впустую, потому что утром хлеба могло не быть.

Ближе к весне ходили копать мёрзлую гнилую картошку, из которой пекли драники, называемые «тошнотиками», потому что содержала такая картошка много ядовитого вещества солонина. Единственный сын Ефросиньи однажды чуть не до смерти отравился. Девять лет Митьке было, растущий организм требовал больше еды, мать свои драники отдала сыну, он и объелся с голодухи. Пришлось мальчишку срочно везти в больницу. Там врачи смогли спасти ребёнка, пронесло.

Война закончилась. Все в семье, слава Богу, выжили. Встретили радостно Победу. А по осени вернулся домой израненный контуженный Николай, которому довелось повоевать еще и в Манчжурии, с японцами. Стал он третьим мужчиной во всём бараке. Вот такая наглядная статистика потерь во Вторую мировую войну.

Привёз отец с фронта два чемодана: в одном японские агитационные плакаты, в другом красивые шторы, снятые где-то с окон, – не то атласные, не то шёлковые. Ефросинья смеялась над мужем, незлобивая её натура на всё откликалась шутками-прибаутками:

– Вот отец наш учудил! Нет бы чемодан денег привёз, а он бумагу никому не нужную. Да ёщё шторы. На наше единственное окно теперь штор до самой смерти хватит. И одежды из них толком не пошьёшь…

Но всё же шила и одежду, и щеголяли муж с детьми в атласных рубахах да платьях. А как радовались бумаге дети-школьники, ведь не на чем писать было в ту пору, писали на газетах между строчек. Плакаты были напечатаны только с одной стороны, оборотная сияла совершенной чистотой. Эта белоснежная бумага нарезалась на листы, которые потом сшивались, и получались прекрасные тетради. Вся школа завидовала такому богатству, а дети Ефросиньи и Николая не жадничали, щедро делились с одноклассниками.

Прокопий, который остался на Алтае, жил совсем один, бобылём. Ефросинья и жена с младшей дочерью были в Сталинске, средняя дочь ещё до войны вышла замуж и подалась с семьей в далёкий город Ташкент. Другой родни в селе у него не было. Постарел Прокопий и уже с большим трудомправлялся с работой в кузнице. А куда деваться, шла война, мужиков в селе почти не осталось, заменить его было некому. И одной зимней ночью после тяжелого трудового дня он по обыкновению напился. Упал в сугроб вроде недалеко от дома, да сил подняться уже не нашлось...

Семья узнала про смерть Прокопия только после окончания войны. Никто о нём особо не печалился, кроме Ефросиньи, которая всегда всех жалела и говорила: «Плохих людей не бывает, бывают люди несчастные».

В сорок восьмом году у неё родился ещё один мальчик, второй сын. Он получил хорошее образование и вместе со старшим братом долго работал на Кузнецком металлургическом комбинате. А закончил трудовую деятельность на другом промышленном гиганте – Западно-Сибирском металлургическом комбинате, в кузнечном цехе. Так внук Прокопия продолжил семейную династию.

Если ушедшие от нас в иной мир получают информацию о том, что происходит без них на Земле, то душа Прокопия должна, наконец, обрести покой. Его род не прервался, хоть и по женской линии, но имеются у него внуки и правнуки, а один из внуков стал, как Прокопий и мечтал, кузнецом.

Капитан

Повесть

1

По главной улице села ранним утром шёл человек. Он был высок и худощав, одет в долгополую шинель. Ранняя весна расквасила гравийное покрытие дороги, и из-под его сапог то и дело вылетали мелкие камешки.

Кирпичных зданий на улице было немного: школа, которую военный уже миновал, и сельсовет, к которому направлялся. Редкие прохожие всматривались в его фигуру с любопытством и опасливой надеждой. Война закончилась почти четыре года назад, но люди продолжали верить, что кто-то из односельчан ещё может вернуться домой. Не разглядев в человеке знакомого, местные жители отворачивались и спешили по своим надобностям. А мужчина, судя по погонам, капитан, уверенно зашёл в здание под красным флагом.

Секретарша проводила его в кабинет к председателю сельсовета и продолжила печатать на машинке. Порой она бросала озабоченные взгляды на закрытую дверь и гадала, кого принесла нелёгкая. Решив, что это просто один из обычных проверяющих, потеряла интерес к происходящему и углубилась в работу. А за закрытыми дверями состоялся следующий разговор:

– Капитан Ланцев! Прибыл для прохождения службы в качестве участкового уполномоченного милиции, – представился военный, протянув председателю бумаги.

– Вот это дело! – радостно воскликнул крепкий широкоплечий мужчина, сидящий за столом. – Ждём с нетерпением! Это ж прямо как раз вовремя. Петром Василичем меня кличут, председательствую я здесь в сельсовете. А с председателем колхоза позже познакомлю, она у нас в полях. Будет в кантоне поздно.

Он поднялся со стула, шагнул навстречу и крепко пожал руку капитану. Тот с горечью отметил, что вместо правой ноги у председателя протез. «Воевал, значит. Наш мужик», – подумал Ланцев и сразу проникся к председателю уважительно-тёплым чувством.

– Я вначале вправление колхоза зашёл, – начал рассказывать капитан. – А там никого, только бухгалтер. Она сообщила, что председателя в кантоне нет, посевная идёт. Сказала, пункт милиции рядом с сельсоветом, Пётр Васильевич всё покажет. Из района майор сегодня поехать со мной не смог, приветствовал мое решение отправиться на участок самостоятельно. Завтра

обещал прибыть, официально представить. У них опять банда проявилаась, промтоварный магазин ограбили. Сторожа тяжело ранили, в больнице сейчас, но врачи говорят, выживет, – он вздохнул, помолчал. Потом продолжил: – Лихие тут у вас дела. Но раз знаете о моем появлении, значит, вам сообщили. А завтра и участковый с соседнего участка подъедет, дела будет передавать.

– Так что сказать? – проговорил Пётр Васильевич. – Раньше хуже было. После Победы амнистия многим вышла, и начали свои дела творить. А милиции не хватает: кто с фронта не вернулся, кто погиб от рук бандитских. Сейчас поутихло, переловили, посадили, но ещё не всех. У нас в Отказном спокойнее, бандиты в городах больше промышляют. – Он прервался, на мгновение задумавшись. – Ну да, из соседней станицы участковый у нас был. Да только мы ж понимаем, два участка трудно тянуть. А ты извини, капитан, что не встретили, рано так не ждали. И думали, на машине прибудете, а ты, вишь, один и поездом.

– Ничего страшного, – улыбнулся Ланцев, – прогулялся. От станции ходьбы-то меньше часу. А я тут у вас осмотрюсь нынче.

– Да ты садись, – председатель уже уверенно перешел на «ты», подвинул колченогий стул поближе к столу. – В ногах правды нет. Любовь Петровна! – громко позвал он, и в кабинет сразу заглянула секретарша. – Сообрази-ка нам чайку.

Она молча исчезла, и не успели мужчины расположиться за столом друг напротив друга, как снова появилась с подносом. Сняла с него и поставила перед каждым стакан в металлическом узорном подстаканнике, наполненный дымящейся светло-соломенной жидкостью. И ещё перед гостем – большую кружку с молоком, накрытую двумя ломтями тёмного ноздреватого хлеба.

– Угощение скромное, не обессудь, – сказал председатель. – Чай морковный, зато молоко и хлебушко свои. Ты не стесняйся, с дороги наверняка голодный. Муки по весне мало осталось, так бабы наши приловчились подмешивать молодую крапиву, лебеду и прочую траву. Витамины опять же. Всю войну так делали, и сейчас приходится.

Пётр Васильевич рассказывал всё это неспешно, прихлёбывая горячий чай. Капитан тем временем быстро справился с угощением, он и правда был очень голоден. Потом внимательно посмотрел на председателя и сказал:

– Спасибо за тёплый прием. Мне бы познакомиться с младшим участковым. Говорили в районе, что имеется у вас.

– Так я и познакомлю, пошли.

Председатель накинул на плечи нечто вроде шинели, и они вышли во двор сельсовета.

— Далеко ходить не надо, вон она, твоя милиция, — Пётр Васильевич показал рукой на небольшую саманную мазанку. — А вот и твоя команда, — он ещё раз махнул рукой, указывая на двух человек подле телеги с лошадью.

Они подошли к курившим мужчинам, и председатель представил нового участкового. Местные смотрели на капитана с любопытством и настороженностью, а тот был явно не в восторге от увиденного: старая лошадёнка, болезненного вида мужик лет за сорок, сидевший на телеге боком, и молодой веснушчатый парень. «Пожилой, видно, воевал, взгляд цепкий, и явно не дурак. А юнец простоват, желторотый совсем», — отметил про себя капитан.

Уловив настроение нового участкового, Пётр Васильевич поспешил его успокоить:

— Ты сразу не пугайся, команда бравая. Семёныч у нас заноза ещё та: и на язык остёр, и востроглаз, что надо и не надо углядит. Петро — комсорг, он и других комсомольцев привлёк в помощь милиции на общественных началах. Тёзке моему годик всего довелось повоевать, зато грамотный, башковитый, не смотри, что молодой. Порядок вечером он со своими ребятами здорово помогает поддерживать. Сейчас познакомится с тобой и на работу умчится, трактористом работает в колхозе.

Капитан улыбнулся, порадовавшись проницательности председателя: похоже, они думают одинаково, и на этого человека можно положиться.

— Так я вас оставлю, — продолжил Пётр Васильевич. — Знакомься, осваивайся, а к обеду приходи ко мне. В столовую отведу, познакомлю с поварихами нашими. Обеды для колхозников бесплатные, а завтраки да ужины каждый сам себе организует по возможностям. Вот на постой тебя определим, там и столоварься будешь.

Председатель удалился в сельсовет, а Ланцев обратился к команде:

— Ну что ж, пошли внутрь, прохладно на улице знакомиться.

— Да там холодней, чем на улице, — отозвался Семёныч. — Дров из района мало привозят, не допросишься, а председательша не даёт, обзвывает лоботрясом. С каких заслуг тебе в тепле сидеть, говорит.

— Это с местной властью контакта нет, выходит? — нахмурился капитан.
— Нехорошо. Они нам в помощь должны быть.

— Ага, помощь, — ядовито усмехнулся Семёныч. — Нина Ивановна тут царь и Бог, её и Пётр Василич боится. Всю власть в селе забрала. Управы никакой.

— Вы Семёныча не слушайте, Нина Ивановна у нас хорошая, если что нужно, никогда не откажет, — быстро заговорил веснушчатый Петро. — Лошадёнка немногого ледащая, так это потому, что посевная сейчас; вот отсеемся, найдёт коня получше. Машины-то в милиции нет своей, только обещают. А куда без лошади, у нас три отделения в колхозе, пешком не находишься, весь колхоз в наш административный участок входит. Семёныч — младший участковый, так за ним одно отделение закреплено, а прочие местности за участковым с соседней станицы. Так к нам он нечасто заглядывает, пару раз в неделю. Вот у него машина есть, ездит он много. У него и без нас дел хватает, мы для него обуз. Хорошо, что вы приехали, теперь хулиганы станичные притихнут. — Он протянул руку капитану, пожал его ладонь и добавил совсем торопливо: — Познакомились, значит, а мне бежать надо. Вечером с ребятами придём, с комсомольцами, тогда всех и увидите.

Уже на ходу Петро помахал рукой и быстро удалился.

— Всё равно зайдем. Не на улице же с делами знакомиться, — предложил капитан Семёновичу.

Зайдя внутрь помещения милиции, Ланцев даже присвистнул от разочарования. Разруха и запустение — так вкратце можно было описать то, что он увидел. Затоптанные полы, грязные, давно не беленые стены, а через мутные стёкла окон даже свет пробивается с трудом. Их, наверное, вообще никогда не мыли.

— Николай Семёнович, как вы умудрились такой свинарник развести? — спросил он раздражённо.

— Нам ставку уборщицы обещали, да не дают, — спокойно и немного с вызовом пояснил Семёнович. — Что ж я, сам полы драить буду? Никак невозможно. Я власть! Бабы засмеют. Когда кого в тёмную определяем, так помоют, да толку от этакого мытья.

От столь откровенного объяснения капитан опешил. Но взял себя в руки и почти спокойно произнёс:

— Власть, говоришь? В танкистах служил? Танки грязи не боятся, значит? Живо ноги в руки и драить тут всё, чтоб блестело! Ещё известки с кистями найди, белить будем. И без разговорчиков! — предупредил он сурово.

— А вы откуда знаете, кем я служил? На фронте механиком-водителем был, ваша правда, — удивился Семёнович. Но больше ни слова не сказал, извёстку и кисти вскоре принёс, как и воду с тряпками для мытья.

Они работали весь день, даже в столовую за едой капитан отправил Семёновича на лошади, чтобы не терять времени и пообедать на месте.

К вечеру возле милиции остановилась машина, хлопнула дверца, и через минуту в коридор вошла невысокая статная женщина. По повадке было видно, что она привыкла распоряжаться. В комнатах было уже чисто и даже протоплено дровами, одолженными в сельсовете. Председатель колхоза, а это, конечно, была она, всплеснула руками и воскликнула:

— Батюшки! Да такой чистоты я здесь отродясь не видела! Вот это я понимаю новая метла!

Потом она внимательно глянула на капитана и представилась:

— Инна Ивановна, здешний председатель колхоза.

Представился в свою очередь и капитан. И тут же уточнил:

— Я, может быть, ослышался, но вас все Ниной Ивановной называют...

— Называют, — усмехнулась она. — Я, Максим Иванович, городская.

Приехала учительствовать с мужем-агрономом ещё в тридцать втором. Имя «Инна» деревенским детям трудно было выговорить, вот меня и переименовали в Нину.

Она замолчала, ожидая, что скажет этот новый участковый. Капитан сразу вызвал у неё безотчётную симпатию. Как успела она выяснить, они с Ланцевым одногодки, оба долго жили в городе. Он одинок, семья погибла во время войны. После войны остался служить в армии, но недавно был комиссован по состоянию здоровья.

«Работы, похоже, не боится, — решила Инна Ивановна. — Может, при нём дело сдвинется с мёртвой точки».

«Надо же, поощрения уже удостоился. И имя сразу запомнила», — в свою очередь подумал капитан, а вслух сказал, что рад знакомству и надеется на дальнейшее сотрудничество и помочь в работе с населением.

— Спасибо, что согласился в наш колхоз приехать, а уж мы чем сможем — поможем. Проблем у нас, как у всех, хватает. Да, забыла сказать: Пётр Васильевич велел передать, что сегодня поздно уже, у него переночуешь, а завтра будем решать, куда тебя определять на жительство. Так что кончай работу, довезу до его дома! — Она усмехнулась. — Шефство беру временное над тобой.

2

Капитан отказался от предложения снимать комнату у местных жителей, объяснив, что не хочет никого стеснять. Выделил себе для проживания небольшую комнату прямо в здании милиции. Оно, как и многие дома в селе, было сложено из самана. Саман — это кирпичи, которые делают из глины с соломой, а потом высушивают. В таких строениях тепло зимой и прохладно летом. Маленькая комнатка площадью метров в шесть прежде

использовалась как складское помещение. Но у неё имелось большое преимущество: одной стеной она примыкала к печке, и когда та топилась, в комнате было тепло.

Комната привели в порядок, в ней уместились железная кровать и двухтумбовый письменный стол. Вместо шкафа Ланцев соорудил вешалку: приколотил к стене большой фанерный лист, а на него – несколько крючков для одежды. Впрочем, у него и одежды особо не было. Шинель да гимнастёрка – вот и все наряды. Новая милицейская форма тоже пока висела на стене. Капитан решил первое время не надевать её, оставаться в армейском обмундировании. Подумал, что так удобнее будет общаться с фронтовиками. Инна Ивановна прикрепила его к колхозной столовой, и за обед Ланцев, как и все колхозники, не платил ни копейки. За завтраки и ужины он должен был вносить небольшую плату. Так потихоньку устроилась бытовая жизнь.

Труднее было со службой. Пока капитан не очень представлял, что должен делать в первую очередь. Майор, заместитель начальника районного УВД, отвечающий за работу участковых, опекать его особо не стремился. Поручил обучение милиционеру, который раньше исполнял здесь обязанности участкового уполномоченного. И, отправляясь из Отказного, куда заехал ненадолго, только чтобы официально Ланцева представить, бодро напутствовал Максима Ивановича на прощание:

– Не дрейфь, капитан, ты ж разведчик. Главное – знакомься пока с народом, с обстановкой на участке. А бывший участковый дела тебе потихоньку передаст. И пусть радуется, что замену нашли. Серьёзное что случится, – мне звони, бригаду пошлём, следователя, криминалистов. На совещания будешь два раза в неделю приезжать, познакомишься с другими участковыми. А пока не обессудь, – развёл майор руками. – Да у тебя тут не английская провинция, старушек почём зря не мочат! – и он рассмеялся собственной шутке.

Прошло несколько дней пребывания Ланцева в новой должности. Инна Ивановна даже собрание общее провела, чтобы познакомить колхозников с приехавшим участковым. Коллега с соседнего участка тоже постарался помочь, рассказал о тех местных жителях, кто обычно нарушал порядок. «Ну, тебе-то должно быть проще, – говорил он, – у тебя есть младший участковый». Он, похоже, и сам не слишком хорошо знал местный народ.

В один из дней Ланцев сидел за письменным столом в большой комнате, напротив него устроился Семёнович. На столе находились: телефонный аппарат в рабочем состоянии, сломанная пишущая машинка и зачем-то – большие счёты. В ящике стола капитан обнаружил лупу на ручке и периодически, не удержавшись, по-мальчишески рассматривал через неё

документы. Ещё в комнате имелся шкаф, в котором на полках стояли картонные папки и лежали общие тетради, заполненные корявым почерком. В углу во вместительном сейфе хранились документы, которые не полагалось читать посетителям.

– Ну что, Николай Семёнович, – обратился капитан к помощнику, – какие у нас задачи на первом месте?

– Та какие задачи? – задумчиво промолвил тот, глядя в потолок. – Заявления от народа принимаем, разбираемся. А главное, следим, чтобы не поубивались в драках. Выезжаем на сигнал, разнимаем. Если бузят, в «холодную» на пару дней, чтобы охолонул драчун. На больше-то Нина Ивановна не даёт посадить, говорит: «Ты, что ли, за него работать будешь?» Мужики-то на вес золота, мало осталось мужиков-то.

– Короче, воздух пинаете. Права, похоже, Инна Ивановна, – подытожил его рассказ капитан. – А в «холодной» если кто сидит, как охраняете?

– И неправда ваша, – обиделся Семёнович. – За порядком кто-то следить должен. Мы, власть, и следим. А чего этих сторожить, караулить? Закрываю на замок, да и пусть сидят. Кормить ещё приходится. Так что ну их, редко сажаем, хлопот больше. Вот пару недель назад перепились мужики – да в драку. Вызвали меня соседи. Пока разнимал, один ножом полоснул по руке. Повезло, холодно ещё было, бушлат толстый, только рукав попортил.

– Нападение на представителя власти! – присвистнул Ланцев. – Сидеть должен дебошир, а я что-то в «холодной» никого не наблюдаю. Да под суд его отдать, чтоб неповадно другим было ножами махать.

– Какой суд?! Бабы потом своим судом на клочки пустят. Да и редко такие происшествия у нас. И, опять же, как героя войны в кутузку? – возразил Семёнович.

– Странное у вас тут представление о законе. Виноват – отвечай. А если человека убьёт такой «герой»?

– Война, – коротко объяснил Семёнович. – Столько лет люди терпели. Теперь расслабляются иногда. Нехорошо это, но жизненно. А всех не пересажаешь.

– Защитник, тоже мне, – сердито посмотрел на него капитан. – Распущенность это, от безнаказанности. Воевал, не воевал, но в мирное время с ножами на людей кидаться никому не позволено. Четыре года, как война кончилась. Сколько можно расслабляться?

На этом разговор прекратился. Ланцев понимал, что все здесь друг другу родня, соседи, просто знакомые, и со своим уставом соваться бесполезно, только озлобишь людей. Раньше любую поставленную задачу он стремился выполнить как можно лучше, зная, что делать в той или иной

ситуации. А тут дело совсем незнакомое, и совета спросить не у кого. Он перечитывал разные нормативные документы, выданные в районе и имевшиеся у них в пункте милиции, но строчки законов и инструкций, написанные сухим казённым языком, мало помогали постичь суть профессии: охрана общественного порядка, профилактика правонарушений, выявление преступлений и административных правонарушений. Лишь постепенно, бывая на совещаниях, прислушиваясь к докладам других участковых, Ланцев начал понимать, чем конкретно ему нужно заниматься.

«Короче, всё здесь – моё дело, – решил для себя капитан. – От причинения вреда здоровью до повреждения чужого имущества, от оскорблений до краж и убийств. Но вот хотелось бы, чтобы с убийствами пронесло: смертей мне и на фронте хватило».

Главное, понял он, поддерживать порядок на своей территории, а для этого надо хорошо знать здешних жителей, их нужды, склонности, в том числе противоправные. Хорошо бы быть местным, знать всех в лицо и поимённо, как его младший участковый. Правда, наблюдая за Семёновичем и разговаривая с ним, не видел Ланцев никакого рвения у своего помощника, точнее, тот не замечал в действиях односельчан ничего предосудительного, а тем более противоправного. Только пожимал плечами и бубнил:

– Так ить ничего плохого у нас народ делать не приучен. Ежели выпьют на праздник да подерутся, так это ж обычное дело. Воровать друг у друга сызмальства знают, что нельзя, а в колхозе – себе дороже, посадят за такое дело. Хорошо, закон «о трёх колосках» отменили в сорок седьмом году, а то сильно жёстко к народу действовал. Да и неправильно это – в колхозе воровать, считай, сами у себя. На то оно и коллективное хозяйство. А убивать друг друга, слава Богу, извергов не водится в станице нашей.

Село Отказное, в котором капитан стал участковым, раньше называлось станицей Отказной. Жили здесь кубанские казаки, люди военные. Не войско Донское, но тоже воевали с горцами, турками, татарами и многое ещё с кем. Повоевали и с большевиками, за что многие были расстреляны или сосланы в Сибирь, а станица переименована в село. Но между собой жители всё равно звали село станицей, а себя – станичниками.

Понимал капитан, что вряд ли станет здесь своим, всегда чужаком будет, потому что не казак. Вот Инна Ивановна, приехавшая в станицу семнадцать лет назад, стала своей, но она женщина и учительница, а к учителям особое отношение в любом сельском поселении.

«Парторг незаинтересованный какой-то. Может, работы полно своей, зоотехник, дело в колхозе важное, да ещё партийная работа, точно не до меня ему. Председатель сельсовета Пётр Васильевич – мужик деятельный, этот

поможет с народом знакомиться, – продолжал размышлять капитан. – И надо с Инной Ивановной чаще разговаривать, она обстановку на местности лучше всех здесь знает».

Капитан не сознался бы даже себе, что перспектива встреч с этой женщиной больше всего волновала и радовала его. С первого взгляда председательница напомнила ему Машу, Марию Семёновну, начальника медсанбата, которая вытащила его с того света. Властная повадка, решительный, насмешливый тон Инны Ивановны всколыхнули в нём воспоминания, которых он старательно избегал.

В сорок втором году Ланцев узнал, что его мать, жена и пятилетний сынишка погибли в их квартире от немецкой бомбы. Махнул на свою жизнь рукой и долгие месяцы сражался отчаянно и безрассудно. Смерти не нашёл, зато получил серьезное осколочное ранение. Мария Семёновна собственоручно оперировала его и достала из тела кучу осколков, в том числе самый опасный, притаившийся возле сердца. Провалялся Максим в медсанбате с полмесяца, потому что транспортировке не подлежал. Потом было долгое лечение в госпитале, но и там, даже в бреду или во сне он видел Марию. Запала в душу строгая женщина в белом халате. И когда после госпиталя смог вернуться в свою дивизию, явился в медсанбат и огородил её словами: «Ты мое сердце спасла, оно теперь твоё». Мария удивилась, но, чувствуя, что молодой капитан тоже стал ей небезразличен, ответила взаимностью. В редкие часы встреч они много мечтали, как будут жить после войны.

Пока Ланцев лечился в госпитале, в начале сорок четвёртого года погиб его отец. Максим лишился последнего родного человека, и пережить потерю ему помогла новая любовь. Они с Марией поженились и даже сыграли фронтовую свадьбу, на которой невеста, как и положено, была в белом платье. Разведчики нашли его в разрушенном доме в польском городке и принесли ей. Счастье молодой пары продолжалось почти до самого конца войны. Только увидеть Победу Марии не удалось, она погибла уже в Германии в апреле сорок пятого. Потрепанная нацистская часть прорывалась из окружения и наткнулась на развёрнутый медсанбат. Все раненые и медицинский персонал были расстреляны.

Максим Ланцев войну закончил в маленьком немецком городке, ещё повоевал в Манчжурии, но и потом остался служить в армии. На гражданке ему делать было нечего. Сердце капитана застыло от потерь, и никакие скоротечные романы не могли растопить этот кусок льда. Но вот неожиданно появилась женщина, от одного взгляда которой лёд начал потихоньку таять. Нет-нет да ловил себя Ланцев на мысли, что опять думает о

председательнице. Представлял, что скажет ей, что она ответит. И, спохватившись, одёргивал себя: «Расклеился, как мальчишка».

Несмотря на проснувшиеся в обоих романтические чувства, вели они себя сдержанно, и очередная встреча произошла буднично. Ланцев направлялся в сельсовет, когда рядом с ним, скрипнув тормозами, остановилась машина.

– Куда направляешься, капитан? – крикнула из окна Инна Ивановна. – Может, подбросить?

– Мне рядом, – махнул он рукой в сторону сельсовета. – Но рад вас видеть, надо поговорить. А то никак не могу застать в конторе, вы всё время в полях.

– Садись! – открыла она дверцу кабинки. – Вправление поедем, там и поговорим.

3

Разговор получился напряжённый и долгий. Капитан говорил о профилактике преступлений, и главное зло видел в самогоноварении. Самогон варили все, продавали на станции, обменивали, расплачивались им за мелкие ремонтные работы. Инна Ивановна соглашалась с его доводами, что самогон зло, но насчет полного истребления возражала и приводила свои резоны:

– Ты пойми, Максим Иванович, зло-то оно зло, а как людям жить? У нас на один трудодень живых денег копеек сорок, хорошо пятьдесят, остальное натурой, продукцией то есть. Рядом станция, станичницы и продают свои продукты, те самые трудодни натуральные проезжающим, и самогон заодно. Мужик в доме редкость, а дому мужские руки нужны – починить что-то, поправить. Вот и расплачиваются самогоном. Благо бражки у нас хоть залейся, виноград свой в каждом дворе растет. Самогонных аппаратов не держат: две кастрюльки да миска. Каждая баба знает, как варить, немудрёная наука.

– Так можно любое преступление оправдать! – горячился капитан. – Своровал – потому что голоден; подрался, а то и убил – потому что пьяный был. Так это не оправдание, а наоборот отягчающее обстоятельство. Главная наша забота – преступления предотвращать. Самогон – это драки, поножовщина, пожары и прочие беды. Так это и само по себе преступление. Статья 158 УК: за изготовление и хранение самогона положены исправительные работы до шести месяцев. А за изготовление с целью сбыта можно и сесть на год или даже на три.

– Ты меня Уголовным кодексом не пугай! Конечно, на станцию налёт сделать, переловить преступниц – вот как оно хорошо будет. И всех на три года посадить! А в колхозе работа встанет, дети в детдома пойдут. И преступления совершать некому будет! Тишина и покой!

– Зачем так утрировать, Инна Ивановна? Лучше скажите: почему мужики самогон берут за работу, если у каждого в доме своего полно? Вы же говорите, все варят! – напомнил капитан.

– Ну, ты как дитё малое, капитан, а ещё милицейский начальник, – усмехнулась председательница. – У кого мужик в доме есть, те хозяйки самогон прячут, не найдешь, хоть с собаками ищи. Это же денежный эквивалент местный, не для мужской радости его гонят.

– Так не проще ли тебе, Инна Ивановна, создать бригаду из сельских инвалидов? – капитан тоже незаметно для себя перешел на «ты». – От которых толку колхозу никакого, для тяжёлой работы негодны. Вот бы они ремонтами да починками в домах занимались, и чтобы платил им колхоз, а не вдовы этой гадостью. Вроде сельского Дома быта. Колхозницы будут заявки подавать, а им всё делать бесплатно. С обедами вон как хорошо решили.

– Ты, конечно, головастый мужик, капитан! – покачала головой председательница. – Давно это надумал? Тебе хорошо, время подумать есть, да и со стороны виднее. А тут крутишься, как белка в колесе... – посетовала она. – Только одна я такие дела не решаю, надо на правление вопрос выносить.

– Надумал я сейчас, пока с тобой разговариваю. Это ты намекаешь, что делать мне нечего? И я разные проекты выдумываю?

– Не обижайся, Максим Иванович, городской ты человек, – опять покачала головой Инна Ивановна. – Налог у колхозов и натуральный, и денежный. Да и у колхозников тоже. Представь, за килограмм пшеницы колхозу заплатят одну копейку, а мука стоит тридцать одну. Всё сдаем за эти копейки, в кооперации тоже сущие копейки заплатят. Не знаешь, что на трудодни выдать, где деньги взять. Некоторые колхозы продают на рынке сельхозпродукцию, чтобы денежный налог внести, да и по трудодням с колхозниками расплатиться. Мы пока на рынке не торгуем, до такого не докатились, но трудно очень, – она вздохнула, помолчала. Потом продолжила: – Идея твоя интересная, будем думать, решать, где деньги на оплату брать. Трудодни, как ни крути, для колхоза деньги. Правлению идея эта ох как не понравится. Но бороться со злом только кнутом бесполезно, надо людям взамен какой-никакой пряник предложить. Буду уговаривать правление, считать будем, может быть, потянем.

Они ещё долго говорили о колхозных делах и немного о личном. Так капитан узнал, что муж Инны Ивановны в сорок втором погиб на войне, и она осталась с двумя детьми на руках. Сыну тогда всего десять было, дочке — двенадцать, но по сельским меркам уже взрослые, помощники матери. Её, учительницу, уважали в селе, потому выбрали в сорок третьем году руководить колхозом, когда прежний председатель отказался от брони и ушёл на фронт. Это был уже хорошо знакомый Ланцеву Пётр Васильевич. Вернувшись в станицу инвалидом без ноги, он стал председателем сельсовета. А колхозники и, главное, колхозницы стойко держались за Инну Ивановну, даже после окончания войны не хотели менять её на привозимых начальством мужиков.

Капитан знал, что казачек начальство побаивалось. Это не мужики, на которых цыкнуть можно, казачек принудить к чему-то против их воли нельзя никак. Он усмехнулся, самого не раз предупреждали мужики: «Ты, капитан, с ними остерегайся связываться, бабы наши, коли в раж войдут, так казак на коне не остановит».

Сам он коротко рассказал о своей прежней мирной жизни, о том, как воевал, о погибших друзьях и родных. Инна Ивановна слушала внимательно, жалела, но слёз не лила — за времена войны отвыкла. Да капитан на жалость и не давил, рассказывал буднично, просто как факты биографии.

— Мечтаю в школу вернуться, снова детей учить, — призналась Инна Ивановна, — но приходится председательствовать. Сын сейчас в городе учится, в училище поступил, решил, как отец, быть агрономом. А дочь уже заневестилась, осенью свадьбу играть решили.

Они снова переключились на сельские будни. Инна Ивановна рассказала, что раньше случаев воровства в колхозе не бывало, если что нужно было, приходили к ней и просили помочь, а она не отказывала, если могла. А если не могла, объясняла, почему пока не может. Народ — он понятливый, когда с ним по-человечески. Но вот последние два года начали пропадать овцы: то одной недосчитываются, то другой. Сначала на чабана грешила, а когда больше года назад увезли из коровника молодую тёлку, поняла, что завёлся в колхозе вредитель, крадущий скот.

— Так что же, до сих пор вора не поймали? — встрепенулся капитан. — Семёныч говорил, что не воруют в станице ни друг у друга, ни у колхоза. Надо же, не удосужился доложить.

— Может, думал, что знаешь, — спокойно отреагировала председательница. — У нас уже четыре коровы свели и быка, а следов никаких. Участковый прежний опергруппу вызывал несколько раз,

приезжала, расследовали, ничего не нашли. Народ только перебаламутили. Всю округу облазили и укатили.

— Это ты сейчас про то, что опытные сыщики ничего не нашли, где уж мне? — огорчился капитан.

— Так ищи, кто запрещает? Твое дело, Максим Иванович, — примирительно откликнулась Инна Ивановна. — Найдёшь — спасибо скажу. Это из своих, не пришлые. Очень грамотно пакостят, и следов никаких, будто по воздуху коров уводят. Да и нет у нас пришлых, вот и приходится всех подозревать.

Постепенно разговор сошёл на нет, и уже за полночь они расстались. Капитан вернулся к себе в коморку, много курил и думал, как ему изловить «коровокрадов». «Назвался груздем... — усмехнулся он. — Надо что-то придумать, а то растеряю доверие. Хотя не особо она верит, что смогу найти». На этой грустной мысли капитан провалился в сон.

Всю следующую неделю ему не давал покоя разговор с председательницей. Особенно его поразило, как тяжко живётся колхозникам. О трудностях жизни в городе он знал слишком хорошо, и наивно думал, что в селе люди хотя бы не голодают. Ведь продукты свои, и не нужно отстаивать многочасовые очереди за буханкой хлеба. В сорок седьмом карточки отменили, но продуктов в магазинах от этого не прибавилось. Мало того, что страна не отошла от страшной войны, так ещё в сорок шестом и сорок седьмом годах свирепствовала небывалая засуха, природа будто мстила людям за искорёженную землю, погибшую живность. На рынках продукты появлялись, но драли за них в тридорога, и, как все городские, Ланцев думал, что колхозники наживаются на трудностях страны. То, что люди, работающие на земле, голодают, не укладывалось у него в голове. Кое-как объяснил себе, что война закончилась совсем недавно, города, сёла, заводы, колхозы разрушены, и восстанавливать всё придётся долго. Требуется не только много средств, но и рабочих рук, ведь сколько народу полегло на войне. Потому не хватает продовольствия, промышленных товаров, трудно живётся и в городе, и в деревне. В конце концов капитан даже запретил себе забивать голову подобными мыслями. Решил, что целая партия умнее одного человека, лучше его знает, что делать, как исправить положение. Главное, что война закончилась, и всё поправимо.

4

Прошло несколько дней, и после подсчётов бухгалтера и разъяснений председателя правление колхоза приняло решение создать небольшую бригаду для помощи в быту вдовам воинов, погибших на войне.

Предполагалось привлечь несколько человек – из тех, кто получали пособие как фронтовики-инвалиды. Только народ не горел желанием привлекаться, инвалидам такая работа показалась несостоящей. Пришлось Инне Ивановне просить помощи у капитана: раз его идея, пусть исполнителей сам ищет.

У Ланцева был на примете один станичник – зачинатель многих пьянок и драк, буян и дебошир. Изучив его личное дело, капитан понял, что мужик – лидер по натуре, но сейчас мается от ущербности из-за потерянной ноги, не знает, куда девать силу и на кого выплеснуть злость. На войне Назар Вишня был разведчиком, и Ланцев уже заочно испытывал к нему некое родственное чувство. Даже несмотря на то, человеком Назар явно был непростым, с тяжёлым характером. Обидно было, что такой же разведчик, как и он, потерял себя в мирной жизни. Хуже того, этот Вишня и других бывших солдат сбивает с пути истинного. И капитан решил, что должен вмешаться, должен спасти этого человека.

В один из дней он появился во дворе дома Назара. Увидел открытую дверь и позвал хозяина, но никто не откликнулся. Прошёл внутрь и в кухне наткнулся на троих мужчин. Те уже набрались самогонки и были изрядно пьяны. Хозяин сидел за столом напротив двери и сразу увидел вошедшего.

– Ба, кто к нам пожаловал! – с нагловатой усмешкой воскликнул Вишня. – Само милицейское начальство! За что ж честь такая?

– Здравствуйте! – приветствовал всех троих капитан. А потом обратился непосредственно к хозяину: – Разговор у меня и дело к тебе, Назар, имеется.

– Разговор, говоришь? Ну что ж. А ну геть отседова! – бросил Вишня дружкам. – Дело у капитана ко мне.

Гости поднялись со своих мест и протиснулись к двери. Один из них обернулся:

– Ну, если чего, мы тут недалече покурим пока. Надо будет, зови, подмогнём.

Пока Ланцев отодвигал стул и присаживался к столу, хозяин налил в стаканы самогонки. Полстакана взял себе, а гостю придинул полный:

– Давай, капитан, помянем друзей наших, кому с войны не довелось вернуться.

Тот взял стакан:

– За друзей грех не выпить. Помянем!

И спокойно выпил налитое.

– От не ожидал! – поднял брови Вишня. – Самогонка-то у меня крепкая, крепче меня никто в станице не гонит. Думал, откажешься.

– Не крепче спирта медицинского, в котором девяносто с гаком градусов. У тебя-то едва сорок пять будет, да и нам ли, разведчикам, градусов бояться, – отозвался капитан. – Только я думаю, друзья наши сейчас не шибко радуются. Мои друзья точно мирную жизнь себе иначе представляли. Не в кутежах да дебошах. И твои наверняка тоже. Вы ведь не раз про мирную жизнь на фронте говорили. Мечтали, как вернётесь по домам, родные вас встретят радостно, заживёте миром на родной земле.

– Ты, капитан, не рехнулся ли? Какие друзья на нас смотрят? Они же погибшие!

– Сам ты рехнулся! – твёрдо посмотрел на него Ланцев. – Что же, что погибшие? Всё равно они на нас оттуда смотрят, всё видят. Огорчаются нашим горестям, радуются нашим радостям. Ты просто оглох и не слышишь их, не чувствуешь. А может, слышал поначалу, потому и пить стал. Я тоже после войны пил, всех ведь потерял: отца, мать, жену, сына. Вторую жену, которую на войне встретил. А потом первая моя во сне пришла и говорит: «Зачем ты, Максимушка, память свою пропиваешь? Ведь кроме тебя нас помнить некому». И всё, как отрезало. Откуда бы она знала, что я пью, если бы не видела оттуда? Перестал, не хочу их огорчать. Они не заслужили этого.

– Ну, ты даёшь! Ты ещё скажи, что Бог есть! – взвился Назар. – Ишь, придумал! Видят они нас! Материализм у нас, а ты несёшь ересь поповскую! Коммунист ещё, тоже мне!

– Материализм, никто не спорит. Только наука много нового открывает. Вон электричества раньше не было, а в начале века появилось, лампочки Ильича в каждом доме теперь светят. Откуда мы знаем, что в этом материализме ещё могут найти? Вдруг наши ушедшие не уходят совсем, а частью, хоть небольшой, остаются? А про Бога не знаю. Поповским рассказням не верю, но на войне атеистов нет. Сам знаешь. И сколько раз было, что непонятно откуда спасение приходит, когда уже всё, конец вроде. Может, существует что, энергия или материя, по таким законам физическим действующая, которые просто ещё не ведомы. Учёные докопаются. Вон про атомную энергию тоже ничего не знали, а американцы в Японии два города в пыль уничтожили. И у нас такое оружие тоже должно появиться. А то капиталисты нас в порошок сотрут. Разве это не материализм? А ты говоришь: «Не может быть». Да мы знать не знаем, что может быть, а чего не может! Потому ничего отрицать нельзя.

– Эх, капитан! Зря я тебе целый стакан самогону плеснул, мозги, похоже, у тебя набекрень встали! – произнёс Назар. Потом помолчал немного и продолжил: – Но если вспомнить, как мы с ребятами про мир думали да

мечтали о будущем, то правда не порадовались бы, на меня глядя. Только не могу я жить нормально: ноги нет, ходить не могу, работать не могу!

— А ты не плакайся мне! Голова на плечах есть, руки на месте. Другие и хлеще тебя изранены, а живут, работают. Вон летчик Маресьев без двух ног остался, а теперь опять летает. Во всём мире других таких случаев нет. Думаешь, легко ему было? Но смог же! И ты бы смог — было бы желание. Семья у тебя. Жена — ей твоя забота, любовь нужны. Детей трое — их поднимать надо. Разве такого они тебя ждали? Хватит уже свою и чужие жизни гробить! Не для того ты жить остался!

— Да ты брешешь, капитан! Как это без двух ног — и летает? Я на одном протезе ходить не могу, а тут самолёт.

— Повыражайся мне ёщё! Посажу в «холодную» за оскорбление власти! А как же Пётр Васильевич? А другие инвалиды, которые ходят, работают? Четыре года прошло, как война закончилась, а вы то празднуете, то горюете. Твои сослуживцы, если бы знали, во что превратишься, придушили бы тебя в окопе! Пора уже закругляться! Никто не говорит, что легко. Если протез плохой — значит, менять его надо и тренироваться, заново ходить учиться. Другие могут, и ты сможешь. Только нюни не разводи. Ты ж мужик, разведчик! Вот что: у меня к тебе предложение. Решило правление бригаду сделать из инвалидов, чтобы помогать вдовам по хозяйству. Кому крышу починить, кому печку новую, кому забор, да мало ли в доме работы. А у многих хозяина нет. Будет эта бригада им помогать, а колхоз трудодни за это платить намерен. Да ты слышал, может быть, уже об этом. Я подумал, что неплохо бы тебе бригадиром в этой бригаде стать. Авторитет у тебя среди мужиков есть, напарников себе сам подберёшь, будете пользу приносить. Ты пока не отвечай ничего, подумай. Дело хорошее. А я пошел. Как надумаешь, сообщи. Где меня найти, знаешь.

— Ты, капитан, сегодня мне всю душу перевернул. Это ж чего только не наговорил. Особо про лётчика этого безногого. Люди такое если могут, так и я на что-то должен сгодиться. Но пока не знаю, что я смогу в этой бригаде делать. Да и бригадир — это ответственность такая. Дело нужное, и председательша наша баба хорошая, не хочется её подводить. Вдруг не справлюсь.

— Она не баба, она женщина. Пошёл я. До свиданья.

Капитан попрощался с Назаром и отправился к себе в милицию. Шёл и думал: только бы никто не пристал с разговорами. Выпитый стакан самогонки давал о себе знать, и хотя он не шатался, держал строй, что называется, но чувствовал: лучше ни с кем не разговаривать. Больше всего

хотелось ему сейчас упасть на свою койку и уснуть, но это было невозможно. Придётся собрать все силы и дотянуть до конца рабочего дня.

А на следующий день к вечеру, возвращаясь в милицию, капитан увидел возле неё на лавке Назара Вишню. Поприветствовал и присел рядом, ожидая, что прибывший скажет. Тот помолчал некоторое время и, наконец, заговорил:

– Удивил, капитан. Я давно возле милиции не был, а ты тут такую Аркадию обустроил. Домик-то развалюха был совсем, а теперь, смотрю, и крыша, и крыльцо отремонтированы, окна, двери покрашены, стены побелены. Лепота. Площадку перед дверью, дорожку до улицы булыжником вымостили, и абрикосы молодые посадил вдоль дома. Осталось только клумбу ещё разбить. Ты на все руки мастер, оказывается!

– Хорош насмешничать, просто немного в порядок хату привёл. Мне вечерами всё равно делать нечего. Вот потихоньку и обустраиваю. А абрикосовые деревца цвети будут, потом плодоносить начнут, люди лакомиться будут.

– Ну, ты смешной! Кто ж у нас дичку ест? Если пацаны только. Но ты прав: зелень, тень – и то хорошо. – Назар покрутил в пальцах готовую самокрутку, но закуривать не стал. Продолжил: – Вот что, капитан. Подумал я и решил попробовать. Вдруг и от меня какая польза выйдет. До печёнок ты вчера достал меня. Особенно про ребят наших. Про то, что давно я не вспоминал сослуживцев своих, совсем мозги пропил. А вдруг и правда смотрят они на нас оттуда? Выходит, не оправдал я тех надежд, о чём на войне мечтали, не исполнил! – Он снова помолчал, покрутил головой. – Вот, оказывается, как можно одними руками сделать лучше. Пример нам будет, у нас рук больше, и сделать больше сможем. Одна беда – передвигаться трудно. Шагов двадцать прохожу – и весь мой успех. Протез новый когда ещё сделается, да и не знаю, как выгорит. Но и другие ведь есть плохо ходящие, хоть и рукастые. Сегодня сосед подвёз, а как дальше по всей станице ходить? Колхоз нам лошадь не выделит. Такие дела. Чего скажешь?

– Поехали к председательнице. Поговорим. Сразу же было понятно, что в бригаде только инвалиды будут.

Ланцев позвонил в правление, узнал, что Инна Ивановна недавно прибыла. Просил передать, чтобы не уезжала и дождалась его. Добрались до правления на милицейской лошадёнке. Увидев, кто явился вместе с капитаном, председательница, вставшая было навстречу, плюхнулась обратно на стул.

– Максим Иванович! Зачем ты мне этого бояна притащил? Что от него хорошего ждать? Вся станица от него и его дружков стонет, да не знает, кому

жаловаться. Милиция твоя бессильна. Уж не его ли ты мне в бригаду для помохи вдовам сватаешь?

— Я, Инна Ивановна, что подумал. Мне в районе всё машину обещают, говорят, летом точно выделят. Посевная в колхозе заканчивается, может, ты мне найдёшь лошадь посправнее? А коника нашего, я думаю, правильно будет в бригаду отдать. Скорость им без надобности, а передвигаться без лошади по селу затруднительно будет. А как получу свой транспорт — верну лошадку.

— Ты зубы мне не заговаривай! Не переживай, выделю! А про Вишню что скажешь?

— Так то и скажу, бригадиром он в этой бригаде согласился быть. Мастеров сам подберёт постоянных, а если нужна будет дополнительная рабсила, — тоже его задача. Ему поручения давать, с него и спрашивать. Чтоб проще было, в правлении можно журнал регистрации завести. В нём вдовы будут заявки оставлять, а они — исполнять. С него и спрос. Как за качество, так и за всё прочее.

— Поглядите на него. Всё уже решил! Тогда и командуй своим Захаром. Сам нашёл — сам и командуй. Мы для него не авторитет, как и для тебя, похоже.

— Ну, коли так, считай, дело решённое, Инна Ивановна. Надеюсь, всё получится к общему удовольствию. До свидания, — проговорил капитан и направился к выходу.

— Прощевайте! — сказал и Назар и поковылял вслед за ним.

Выйдя на крыльцо правления, постояли, оба закурили. Потом, загасив папиросу, капитан сказал:

— Поехали, довезу тебя до дома. А и правда, теперь мне за вас отвечать придётся. И дело это я придумал, и тебя в бригадиры определил. Не будет она с тобой носиться. Какие вопросы появятся — ко мне обращайся. Я связным, похоже, буду между вами и правлением. Как лошадь мне выделит — свою вам отдам, и начинайте работать. Есть у меня парочка вдовушек на примете, которым помохь нужна, уговорю. А вы постараитесь для них, чтобы другие увидели, оценили усилия ваши. Глядишь, дело тронется. Ну что, давай, как разумный человек веди себя, за всё на тебе ответственность. Да не вытворите чего — сразу посажу. Не обижайся потом.

Доехали до дома Назара, и на том разведчики расстались. Хозяин зашёл в дом, а капитан вернулся к себе в милицию.

Пока дело сладилось, прошло недели две. Сначала председательница тянула с лошадью, потом капитан попросил собрать колхозное собрание, чтобы рассказать, для чего создана новая бригада и чем она будет

заниматься. Коротко выступила Инна Ивановна, более пространно – сам капитан. Он уже хорошо был известен колхозникам. И постарался искренне, доступными словами объяснить людям, что бригада эта создаётся для помощи, то есть для всеобщей пользы. И вдовам будет поддержка, и сами инвалиды нужными себя почувствуют, свою трудовую копейку заработают. А то сейчас совсем опустились: пьянят целыми днями, боятся, других задирают. Или в свою компанию втягивают. В общем, мешают многим жить.

Собрание выслушало его настороженно. Главное – большинство сомневалось в людях, которые будут новым делом заниматься. Что и говорить, Назар Вишня создал о себе вполне определённое и не самое лучшее мнение. Многие его дружки-собутыльники были ему под стать, и вдовы просто опасались их.

Подводя итог, капитан заявил, что спорить тут, в общем, нечего. Дело затеяно хорошее, нужное, а с продажей самогона пора заканчивать, в том числе и расплачиваться им за работу. Вдовушкам же, которые будут членам бригады или прочим колхозникам за работу предлагать самогон, грозят самые жёсткие кары. Потому что платить бригаде будет колхоз, трудоднями. Ланцев даже прямо пообещал дела за самогон передавать в суд. По закону за его реализацию полагались штрафы до четырехсот рублей, что для колхозниц было суммой астрономической. Шумели долго, но в конце концов уговорили. «Куды деваться, коли начальство решило», – таково было общее мнение.

После собрания расстроенного капитана долго утешала председательница, объясняя психологию сельских жителей, особенно казаков-станичников. Ведь, по правде говоря, мало они видели от начальства хорошего – что во времена царизма, что при советской власти, которая казаков тоже не очень-то жаловала. Инна Ивановна надеялась, что всё образуется. Если в бригаде поведут себя правильно, то и люди оценят их деятельность. Ну, а если нет, тут уж сами виноваты будут, вся затея прахом рассыплется. Капитана, конечно, это мало успокоило. Он понял, что в одночасье проблема не решится, дело долгое, и зависеть всё будет от людей, которым он сам не слишком верил.

Когда ему выделили новую лошадь, прежнюю он передал бригаде. Вместе с Назаром уговорил нескольких женщин сделать заказ. Дело осложнялось тем, что на ремонт тоже требовались средства. Крышу, например, ремонтировать, – материал нужен. Не все вдовы могли деньги из семейного бюджета выкроить, да и приобрести любой материал – задача непростая. Страна восстанавливалась после войны, всё было в дефиците. Но мало-помалу дело начало сдвигаться с мёртвой точки.

За это капитан был благодарен Назару Вишне. Даже не ожидал, что тот так быстро сумеет проявить себя. Видимо, организаторская жилка была у казака в крови, только раньше на худые дела использовалась. И вот, получив возможность делать хорошее, он наконец-то нашёл себя. Через какое-то время у Ланцева даже отпала необходимость быть буфером между председательницей и Назаром.

5

Теперь капитан получил возможность больше заниматься делом, которое наметил как основное. Это была кража коров. Раньше он уже просматривал протоколы по расследованию краж и прочие документы, что нашел в пункте милиции, а сейчас начал изучать внимательно, детально. В итоге пришёл к тому же выводу, что и опергруппа: коров угнали не для забоя, а для продажи. Скорее всего, гнали на станцию, там грузили в товарный вагон. Помочь в этом мог любой охранник, которому объясняли, что животное везут на рынок, и давали немного денег. И как такого пособника найти? Через станцию проходит много грузовых составов...

Как бывший разведчик Ланцев понял, что копыта животных обматывали чем-то, а потом некоторое время ещё и заметали даже такие малозаметные следы. И вряд ли скот угнали на продажу в соседние станицы: слишком близко, о происшествии в округе быстро становилось известно, никто не решился бы покупать явно краденых коров.

Ещё капитан пересмотрел личные дела всех доярок. Уж очень хорошо ориентировались похитители, и животных явно выбирали заранее, первых попавшихся не хватали. По его разумению выходило, что причастных к кражам должно быть несколько человек, минимум двое: один связан с фермами, другой со станцией.

У колхоза было две фермы. Одна, большая, находилась в самом селе, а другая, всего на несколько десятков коров, – в одном из отделений на хуторе. Из фермы на хуторе украли только одну корову, но дававшую хорошие надои. А из большой фермы – в разное время три коровы и одного быка. Быки и молодые бычки располагались отдельно от коров в другом коровнике. Не мог посторонний человек так точно знать расположение ферм и характеристики разных животных. Но в личных делах доярок и прочего персонала ничего необычного капитан не нашёл.

Тогда и решил он сосредоточиться на поиске сообщника, связанного с перевозками. Каждый раз просить помочь нового охранника – для воров большой риск. Чужой человек может просто отказать в погрузке, и куда тогда корову девать? Более того: чужой может и донести «кому следует».

Незаметно наступило лето, участок Ланцева наконец-то обеспечили транспортом. Капитан теперь разъезжал по станице и отделениям на милицейской машине, причём нередко согласовывал свои планы с председательницей. Не мог отказать себе в удовольствии лишний раз с ней встретиться. Или, бывало, узнавал, куда она собирается, и отправлялся следом, благо дел у него во всех отделениях хватало. И влечение его к Инне Ивановне становилось всё сильнее, он уже не мог жить без того, чтобы не увидеть её, не поговорить с ней. День, проведённый вдали от любимой женщины, казался пустым и бессмысленным. Председательница, тоже испытывающая к Максиму Ивановичу нежные чувства, вначале ничего с его стороны не замечала. Но, как известно, в деревне быстро всем всё становится известно. Первой отношение милицейского начальника к председательнице заметила колхозная бухгалтерша, о чём тут же Инну Ивановну оповестила. А вскоре и весь народ уже считал этих двоих парой, так что им ничего другого не оставалось, как общему мнению последовать. Всё чаще они выкраивали вечерами несколько часов для общения не только на производственные темы.

А в июле опять случилась кража коровы – рекордсменки по надоям. Огорчение Инны Ивановны было безмерным. Капитан же воспринял это как личный вызов: похититель будто насмехался над ним, выставлял негодным сыщиком. Как и в прошлые разы, преступление было совершено между полуночью и часом ночи. Сторож был усыплен с помощью тряпки, пропитанной не то хлороформом, не то эфиром, и не видел человека, который подкрался к нему сзади. Собственно, так похитители поступали всегда, это был их почерк. Пришлось в очередной раз вызывать из района бригаду. Это, впрочем, Ланцева совсем не смущало: хотелось посмотреть на работу профессионалов вблизи и, по возможности, самому принять в ней участие. Только ничего интересного и полезного для себя он не увидел: приехали, расспросили, облазили всё вокруг, следов и улик не нашли.

Поскольку сторожа усыпляли, снова тщательно была допрошена фельдшер их медпункта. Опергруппа предположила, что усыпляющее средство было позаимствовано или украдено у неё. Но фельдшер смогла доказать, что в медпункте имеются только флаконы с эфиром, который она ещё ни разу не использовала (повода, к счастью, не было). Сколько получила, столько в сейфе и находится. Флаконы не вскрыты. Позже было установлено, что воры использовали смесь эфира с хлороформом. Такая смесь действует быстрее и менее токсична, чем один хлороформ. Кто-то из воров, вероятно, имел некоторые познания в медицине. Однако следвию так и не удалось установить, откуда преступники взяли усыпляющие вещества, слишком много было возможностей, включая школьные кабинеты химии. Местную

школу тоже проверили, следов кражи или неправомерного использования опасных веществ не нашли.

У Ланцева остался протокол и несколько актов, а бригада отбыла восьмьи. Да кражами, в общем-то, и должен заниматься участковый. Один опер даже намекнул: не справляются, мол, местные со своими обязанностями. Формальный подход профессионалов несколько огорчил, но всё же был капитану понятен. Оправдание, что он сотрудник новый и прежние кражи совершились без него, оставил при себе.

Он по-прежнему считал, что искать нужно на железной дороге. Сыщики из райцентра станцию тоже вниманием не обошли, проверяли, опрашивали персонал, но, увы, безрезультатно. Капитан и в следственных действиях опергруппы участвовал, и потом один на станцию приезжал, в том числе ночью. Но всё же не мог понять, как корову грузили в вагон. Здесь хватает персонала, от обходчиков до смотрителей, железнодорожная милиция постоянно дежурит. Как получалось, что никто не видел погрузки коровы, тем более что было это уже не один раз?

Наконец он заполучил служебное расписание движения грузовых поездов, которого нет в общем доступе, и принялся изучать его предельно тщательно. Перед этим Ланцев прикинул, сколько нужно времени, чтобы доставить корову до станции. Даже следственный эксперимент провёл. Оказалось, требуется около часа. И вот теперь, зная, что все кражи происходили в промежутке между двенадцатью и часом ночи, он стал выписывать номера грузовых составов, проходящих через станцию с часу до трех часов. Затем выяснил, какие поезда были здесь ночью во все дни краж. Дело оказалось кропотливое, станция возле Отказного являлась крупным железнодорожным узлом, через нее следовало множество составов, да к тому же в две стороны. Трудность заключалась ещё и в том, что нужно было расписание сравнивать с фактическим прохождением. И расхождение по времени порой бывало значительным.

В результате всё же удалось сократить число «подозрительных» составов до двух. Теперь можно было прикинуть, когда ожидать следующей кражи. Безнаказанность – главный стимул правонарушения, и то, что воры не остановятся, не вызывало у капитана сомнений. Зато сомнения стали вызывать все причастные к работе ферм, даже в ребятах из команды Петро Ланцев не был уверен. Сами, скорее всего, не причастны, но могли кому-то сболтнуть о ходе следствия – родным, соседям, друзьям-подругам. Потому тщательный анализ железнодорожного расписания он проводил после работы, не посвящая никого в свои изыскания. По расчётам капитана, в следующий раз воры дадут о себе знать не раньше сентября. И на время он

отставил это преступление, пообещав себе вернуться к нему осенью. Пока же занимался другими правонарушениями.

Надо сказать, что благодаря изменившемуся поведению Назара Вишни показатели этих самых нарушений снизились, и воодушевлённый Ланцев продолжил работу среди бывших военных. Камнем преткновения по-прежнему оставалось самогоноварение, и пока он не мог придумать, как победить эту напасть. Даже Инна Ивановна не возражала против того, чтобы колхозницы продавали самогон на станции. Она считала, что так люди могут заработать, и сами станичники при этом меньше выпьют. В конце концов капитан сдался, начал закрывать глаза на сбыт зелья проезжающим, уговорив себя, что это забота транспортной милиции. Зато жёстче стал наказывать за продажу самогона в станице. Посоветовавшись с председательницей, начали вывешивать на доску объявлений в правлении «плакаты позора», которые рисовали комсомольцы. А особо злостных самогонщиков даже помещали в милицейскую кутузку. Ланцев понимал, что если пожалуются на него в район, за самоуправство может сам быть наказан, но «не сажать же их в настоящую тюрьму на самом деле», говорил он Инне Ивановне.

Неожиданно мера оказалась действенной: привод на работу из «камеры предварительного заключения» под конвоем милиционера показался казачкам слишком унизительным. Однажды за наказанную сельчанку пришел просить измученный домашними делами муж, предлагал посадить его вместо жены. Жену капитан отпустил, пожалев не столько мужа, сколько детей. Постепенно самогоноварение и продажа самогона в селе начали понемногу сокращаться.

6

Ещё в начале лета капитан нашёл себе живописное место отдыха возле реки и после работы почти все вечера проводил там, на крутом берегу Кубани. Иногда в жару спускался к воде, чтобы искупаться. Но чаще ему нравилось просто сидеть на большом камне и смотреть на желтоватую от размытой глины бурную реку. А ещё на противоположный пологий берег, который простирался до самого горизонта, давая ощущение необыкновенного простора и воли. В этом месте Кубань больше всего напоминала ему родную Волгу. В своём городе он мальчишкой тоже любил прибегать на крутой обрыв и смотреть на такой же пологий противоположный берег, уходящий в далёкую, неведомую даль. И здесь, на этом камне, он не чувствовал себя чужим. Конечно, капитан не преминул пригласить сюда Инну Ивановну, и они частенько сидели на этом камне, отдыхая, любуясь открывающимся видом и разговаривая обо всём на свете.

Их чувства день ото дня становились всё сильнее, крепла привязанность друг к другу, и однажды Инна Ивановна сказала:

– Максим, не надоело тебе в своей милицейской халупе обитать? Разве это дело? Перебирался бы ко мне.

– Эх, как нехорошо, не успел я! – огорчился капитан. – Ты прости меня, Инна, ведь каждый вечер собирался предложение сделать, да всё опасался, вдруг откажешь. А тут ты сама предложила. Нехорошо. Потому, выходи за меня замуж! – произнёс твёрдо. И замолчал, с волнением глядя на подругу.

– Ишь ты! Напросилась, выходит! Я что-то про замужество не думала. Но, конечно, согласна! Какая женщина такому кавалеру откажет, по тебе полстаницы сохнет. Да только поняли уже, что ты возле меня задержался.

– Только, Инна, расписаться нам сначала надо, тогда и переберусь к тебе. Иначе нехорошо получится. Мы с тобой, как ни крути, власть, и вести себя правильно должны. На нас люди смотрят, мы пример во всём должны подавать.

– От же ж, законник! – воскликнула Инна Ивановна. – Тогда быстро не получится. Кто нам простит, что свадьбу зажали? Придется всё честь по чести делать. И отложить до осени. Вот я дочку в начале октября собираюсь замуж отдавать, после основной уборки урожая. В один день и сыграем. Хотя, конечно, надо её спросить: вдруг не захочет свой день со мной делить.

– На свадьбу я не рассчитывал, думал, распишемся, и всё. Это же минутное дело. На свадьбу у нас средств-то хватит? Это же вся станица в гости, как пить дать. Продуктов сколько нужно, где брать? – на мгновение растерялся капитан. – Хотя я что-нибудь придумаю. Куплю парочку баранов и сделаю плов, только надо рису достать. У меня в районе сослуживец директором ресторана работает. Я, собственно, из-за него в этих краях и оказался, только не оставили меня в районе, предложили участковым в станицу вашу. У друга, в его ресторане должен рис быть, на такое дело, как свадьба, не откажет. А я умею варить настоящий узбекский плов! – похвастался капитан.

– О, как мне повезло! Кашевара заполучила! Плов – это дело. А я к свадьбе дочери готовилась, денег немного есть. Овощи, хлеб, молочное – своё. Трудодни как раз осенью выдавать будем. Не переживай, справимся! – откликнулась Инна Ивановна. Потом помолчала, а снова заговорила очень осторожно: – Только мне самогонку гнать придётся, не покупать же водку. Всю станицу поить у нас точно денег не хватит, а я хорошую гоню, как слеза, лучше магазинной будет. Ты уж не серчай.

— Так ты для собственного употребления, не для продажи! Значит, всего пятнадцать суток тебе после свадьбы впаяю. Сам охранять буду, сам на работу водить, — засмеялся капитан.

Инна Ивановна подхватила его смех, и они долго хохотали от души, потому что такой груз неопределённости со своих плеч скинули. Теперь-то обоим стало ясно, как жить дальше — вместе, только вместе! Возвратились в станицу уже на рассвете и, не сомкнувши глаз, отправились на работу. Вот и вышло, что почти всё лето основной их заботой стала подготовка к свадьбе, они много говорили об этом. Например, Инна Ивановна к свадьбе дочери уже заказала себе новое платье, и теперь выходило, что хотя бы за наряд невесты можно не переживать. «Одной проблемой меньше!» — радовалась она.

Капитану пришлось обратиться за рисом к своему сослуживцу, а тот, узнав, по какому поводу будут готовить плов, очень обрадовался за друга. Он знал начальницу медсанбата, вторую жену капитана, потому что его русская жена служила там же, и осталась жива только потому, что Мария отправила её пополнить запас лекарств. Халим, так звали сослуживца, конечно, был приглашен на свадьбу и заодно в свидетели. В ответ он пообещал, что приготовит плов сам. И Ланцев спорить не стал, всё же у узбека плов лучше должен получиться. А ещё Халим догадался, что жениху для свадьбы может понадобиться костюм, и в этом тоже предложил помочь. Его жена прекрасно шьёт, иногда берёт заказы от близких знакомых, и Максиму, конечно, тоже пойдёт навстречу. Так капитан решил сразу три задачи: плов, костюм и свидетель.

Тайна участкового и председательницы тайной оставалась недолго. Инна рассказала дочери про их с Максимом решение, попросила согласия сыграть две свадьбы вместе. И дочка не то что не расстроилась, а даже обрадовалась. Она переживала, что после её переезда в дом мужа мать останется совсем одна, ведь брат ёщё учился в городе. А тут такая удача, хороший человек будет рядом! Дочка поделилась новостью про совместную свадьбу с одной подругой, и через пару дней вся станица была уже в курсе. Народ только об этом и говорил, поздравлял при встрече виновников будущего торжества.

Наступила осень, началась уборочная страда. Инна Ивановна всё реже могла выкроить свободную минутку, чтобы увидеться с капитаном. Когда это удавалось, они встречались на своём любимом месте. Сентябрь на Кубани — почти лето, и на берегу реки они проводили время до самого утра.

По расчетам капитана, кража коровы должна была состояться ночью пятнадцатого или двадцать второго сентября. В первом случае в два часа

двадцать минут на станции останавливался грузовой состав, проходящий в сторону Ростова, а во втором – в два часа ровно, следующий на восток.

В эти ночи Ланцев и собирался устроить засады на фермах. Об этом он рассказал председательнице. И добавил, что не хочет привлекать Семёновича, тот вполне может сболтнуть, кому не следует. Скорее всего, хищение будет совершено с фермы, расположенной на центральной усадьбе колхоза, где выбор животных больше. Но и ферму на хуторе тоже нельзя оставлять без внимания.

Инне Ивановне его выводы показались убедительными. Согласилась она и с тем, что напарник нужен, но младшего участкового лучше не ставить в известность. Она к Семёновичу испытывала стойкую неприязнь.

– А ты, Максим, с Петром Васильевичем поговори, – предложила Инна.
– Он мужик надёжный, языком зря болтать не будет. И пистолет наградной у него имеется, а то мало ли что может случиться. Отправь его в отделение, там меньше вероятность, что грабители пожалуют, зато у тебя душа спокойна будет. А здесь на ферме можешь сам их караулить.

– Вот это ты дело предложила. Спасибо! Человек он и правда надёжный. Всего-то две ночи нам надо подежурить, глядишь, и словим. А если повезёт, так и в первую ночь попадутся.

Через некоторое время капитан поделился своими планами с председателем сельсовета. Рассказал, как вычислил возможные даты кражи, и попросил помочь с проведением операции. Получил одобрительный отзыв и твёрдое согласие принять участие в поимке грабителей.

7

Участковый и Пётр Васильевич договорились заранее, кто где будет караулить. Пятнадцатого сентября около полуночи каждый уже был на своём месте. Добирались до постов скрытно, пешком, сторожей тоже не предупреждали. Просидели в засаде до двух часов ночи (позже ожидать смысла не было), но никто так и не пожаловал.

Утром встретились у капитана в милиции, обсудили разные детали. Оставалось надеяться, что в следующий раз грабители явятся за добычей, и их удастся задержать.

Двадцать второе сентября наступило быстро, и оба снова оказались на своих постах. Капитан прибыл ещё до двенадцати, но заскучать не успел. В самом начале первого часа ночи он засёк движение у коровника, как будто из ниоткуда в темноте возле входа материализовались две фигуры. От неожиданности он чуть не выдал себя, но решил пока не вмешиваться и дать грабителям возможность проникнуть внутрь, так у них будет меньше шансов

сбежать. Вскоре обе фигуры возникли возле заснувшего на табурете нового сторожа. Прежний после нескольких нападений наотрез отказался от такой работы, а этот, видимо, не особо настроен был исполнять свои обязанности. Капитан увидел, как один человек, подкравшись сзади, прижал тряпку к лицу сторожа. Второй стал держать за ноги, не давая возможности встать и не обращая внимания на сопротивление проснувшегося. Наконец тот затих, его положили на лавку, стоявшую у стены коровника, и примотали к ней веревкой. Вероятно, посчитали, что на нового сторожа усыпляющее средство может действовать иначе, чем на прежнего.

Замок, висящий на двери, открыли ключом, и вошли внутрь. Капитан убедился, что похитителям всё на ферме известно до мелочей. Действовали они быстро и слаженно. Ланцев понял, что настала пора вмешаться, к тому же не терпелось узнать, кто эти люди, действующие столь нахально. Из своего укрытия он пробрался к входу, осторожно заглянул внутрь. Увидел мерцание фонарика возле одной из коров, вошёл и включил свет.

— Снова пожаловали, граждане воры?! — громко сказал он. И, разглядев похитителей, застыл от удивления.

Перед ним стояли младший участковый Семёнович и его благоверная. Они тоже выглядели оторопевшими. Наконец капитан прервал молчание:

— Как тебя угораздило, Семёныч? Как же ты решился у родного колхоза воровать?

— А ты нас не совести! — встряла Клавдия, голос её зазвенел на весь коровник. — Ничего мы не воруем, своё берем! Тоже мне «родной колхоз», чего б ты понимал! Тебя тут не было, когда этот колхоз организовывали, как наше добро отбирали. Родных моих сослали в Сибирь как кулаков, там они и сгинули. Я уже замужем была, одна от семьи осталась.

— Как «своё»? Колхозное — значит общее, а не ваше личное. Вы, значит, у каждого колхозника воруете.

— Сказала тебе, не воруем! Я беру только своих коров! — опять заголосила Клавдия. — Мне чужих не надо! У нас отобрали девять голов — породистых, молока давали, хоть залейся. Голландки! Вот своих и беру!

— Да ты сдурела? Прошло лет восемнадцать уже! Какие свои, свои давно перемерли, коровы столько не живут.

— А разве они не рожали телят? Да на ферме какая корова рекордсменка по надоям — так наша. Уж мне ли не знать! Я их холила, лелеяла, заботилась. Каждую нашу корову знаю. Вот их и берём.

— Ну, ладно! Это пусть с вами следователи разбираются, чьи коровы. Мое дело вас задержать. Так что попрошу на выход!

Капитан отошёл от двери, давая парочке проход. Им ничего не оставалось, как подчиниться: в руке Ланцева был пистолет. С оружием не поспоришь. Они вышли на улицу и остановились. А капитан задержался, чтобы выключить свет и закрыть дверь коровника. Вдруг Клавдия метнулась к стене и схватила валяющееся возле лавки ружьё спящего сторожа.

– Ты что?! – завопил Семёныч. – Брось ружьё! Не дай Бог, убьёшь его. Нас же расстреляют! За воровство полагается от пяти до восьми лет, ну, может, чуть больше дадут за неоднократное хищение. А на расстрел я не согласный!

Капитан, остановившийся в дверях, тоже сказал:

– Опусти оружие, Клавдия, не игрушка это. Я ведь и подстрелить тебя могу, а в женщин стрелять не привык.

– Сам иди в тюрьму! Тютя! – прикрикнула женщина на мужа. – Пусть сначала поймают, а потом расстреливают! Мы в тюрьму, а дети наши в детдом? Нет уж! – и она вскинула ружьё.

Семёнович бросился к ней, чтобы помешать. Капитан держал её на мушке, но считал, что стрелять она не будет. Однако очумевшая баба не целясь пальнула ему прямо в грудь. Падая, он успел выстрелить и попал в Семёныча.

Клавдия бросила ружьё и в ужасе переводила взгляд с участкового на мужа. Капитан так и остался лежать на пороге коровника, не подавая признаков жизни, а Семёныч, судя по всему, был серьёзно ранен: пуля перебила ключицу, и кровь хлестала из раны. Клавдия попыталась найти что-то для перевязки, но кроме тряпки, смоченной усыпляющей смесью, которая лежала возле сторожа, ничего подходящего не было. Тогда она рванула подол со своей юбки и начала перетягивать рану, но муж оттолкнул её руки. Взял почти сухую тряпку и приложил к ране.

– От рубахи кусок оторви, сам не смогу, – прохрипел он. – И беги отсюда. Два выстрела услышат, до станицы недалеко, набегут сейчас. Запомни, тебя здесь не было. Я один и воровал, и стрелял. Нельзя нам двоим попадаться. Всё на себя возьму.

– Да как же?! – простонала Клавдия. – Расстреляют же тебя!

– Меня так и так расстреляют, а ты себя спасай и детей, – слабеющим голосом произнёс младший участковый и махнул здоровой рукой в сторону станицы.

Клавдия подхватила оторванный от юбки подол, осмотрелась вокруг, нет ли чего, что нужно забрать с собой, и побежала к своему дому. Старалась держаться поближе к деревьям и кустам, чтобы ненароком не попасться никому на глаза и в случае опасности укрыться в листве.

Звуки выстрелов действительно услышали живущие на краю села. Об этом сообщили Петру – комсоргу и добровольному помощнику милиции. Тот побежал на ферму, а за ним припустили несколько мужиков. Увиденная картина ужаснула станичников. На пороге открытого коровника лежал застреленный капитан, а перед входом – раненый, потерявший сознание Семёныч. Когда его привели в чувство, он сказал, что в них с капитаном стреляли похитители. На расспросы Петра, как они оказались на ферме и откуда узнали о готовящемся ограблении, он не ответил. Кто-то из казаков подогнал лошадь с телегой, раненого погрузили на неё. Туда же пристроили очухавшегося сторожа, который от усыпляющей смеси чувствовал себя плохо, и повезли в фельдшерский пункт. Больше ничего Петро не разрешил трогать, тело капитана оставили там же до приезда следственной группы. Охранять место преступления поручили одному из комсомольцев.

Когда в милицию с дальней фермы пришёл Пётр Васильевич, он застал там Петра и нескольких мужиков, в волнении обсуждавших происшествие. Высказывали разные предположения, но толком ничего не понимали. Председатель сельсовета, узнавший о гибели капитана, огорчился до такой степени, что сорвал с головы фуражку и с силой бросил на пол. Потом сел за стол и треснул по нему кулаком:

– Говорил же ему: давай вместе в этот раз будем! Не верил я, что они на ту ферму пожалуют!

Он рассказал Петру об операции, к которой привлёк его капитан. На вопрос Петра Васильевича, пойманы ли воры и убийцы, комсорг ответил, что нападавшие опять скрылись, а Семёныч ранен и сейчас в медпункте, где фельдшер оказывает ему помощь.

– Да вы совсем сдурели?! – рассвирепел председатель. – Откуда Семёнычу там взяться? Это ж он вор и есть!

– Да вы чего? – не поверил Петро. – В них обоих стреляли эти гады, а потом скрылись.

– Капитан держал всё в тайне и никому не говорил. Не подозревал никого, просто опасался, что проболтаться могут, – объяснил Пётр Васильевич. – Меня привлёк, потому что доверял, и оружие у меня наградное имеется. Мы пятнадцатого сентября уже караулили воров, только не было их. А тут, значит, появились. Капитан их засёк, вот в него и пальнули, а он успел выстрелить в Семёныча. Кто-то с ним, видно, был, потом сбежал и раненого бросил. Решили, что милиционера подозревать не станут. Не знали, что я в курсе всего дела.

— Вот это да! Я и правда поверил! — воскликнул Петро. — Ещё и обидно стало, что капитан мне не сказал ничего. Так, может, это Семёныч и стрельнул в него, в капитана нашего?

— Надо к Семёнычу охрану приставить, — распорядился председатель сельсовета. — Давай-ка быстро к нему. Группа из района приедет — передадим им, пусть арестовывают да везут с собой. Я их здесь подожду, провожу, как приедут, на место преступления. А ты пока Семёныча стереги, глаз с него не спускай. А то Галина рану обработает, перевяжет, он и сбежит. Лови потом.

Пётр Васильевич проводил приехавшую группу на ферму, пробыл с ней до окончания следственных действий и вернулся в милицию. Сыщики быстро определили, что воров было двое. Когда участковый их застал на месте преступления, один из них подхватил валявшуюся винтовку сторожа и выстрелил в него, но капитан успел сделать ответный выстрел.

— Вот что значит бывший военный, — сказал приезжий милицейский майор. — Ведь мёртвый, считай, был, а выстрелить успел. И дело раскрыл, которое больше года нам покоя не давало. — Он помолчал, покрутил головой. — Ох, и скандальное дело-то вышло. Начальство выводы сделает неприятные. Убит участковый, а младший участковый оказался преступником. Потому и дело раскрыть не могли, что он всё знал и следы скрывать умел. А нынче торопились, не всё успели уничтожить, теперь только второго осталось найти. Трясти будем, расскажет, как миленький.

— Бывших военных не бывает, а разведчиков тем более, — выслушав тираду майора, сказал Пётр Васильевич. — Только не пойму, как разведчик мог под выстрел подставиться. Наверное, видел, что оружия у них нет, да ещё один его помощник, и второй, может, тоже был известный ему. А они ружьё увидели, как вышли из коровника. Вот и случилось то, что случилось. Надо потрясти жену Семёныча Клавку. Сама она участвовала или нет, не знаю, но что знала обо всех делах мужниных, это без сомнения. Семёныч без её ведома ночью чтобы из дома ушёл? Такого быть не может. У них в дому чихнуть без её позволения нельзя.

Майор согласился с председателем. Даже если жена не участвовала, всё равно знала.

— «За недонесение органам власти о готовящемся или совершённом хищении государственного или общественного имущества предусмотрено лишение свободы на срок от двух до трёх лет или ссылка на срок от пяти до семи лет», — процитировал он статью Уголовного кодекса. — Сейчас в медпункт пошлю кого-нибудь — арестовать бывшего вашего младшего участкового. А вас попрошу проводить группу до дома его. Там обыск надо сделать да жену с собой забрать. Много вопросов к ней имеется.

Милиция направилась к Семёнычу домой. Там Клавдия, притворившаяся, что разбужена незваными гостями, подняла крик. К ней присоединились и проснувшиеся от шума дети. На вопрос майора: «Где муж?», твердила одно: был дома, спал, а куда делся, она не знает. Даже пыталась обвинить в пропаже хозяина прибывших милиционеров. Клавдия устроила настоящую истерику, кидалась на сотрудников милиции, не пускала их то в одну, то в другую комнату.

Несмотря на её противодействие, обыск был произведен тщательно и увенчался успехом. В сарае среди дров нашли спрятанную крупную сумму денег. Скопить такие средства за счёт трудодней и честной торговли было нельзя. Клавдия делала вид, что не знает, откуда у них такие деньги. Говорила, что семья живет очень скромно, каждую копейку экономят, иногда в доме и поесть нечего. Милиционеров, однако, обмануть она не смогла. Те были опытные и знали: женщины, как правило, ценные вещи и деньги в одно место не прячут, надо продолжать искать. И действительно, в погребе нашли ещё деньги и золотые украшения. Украшения были старинные, видимо, остались от родных. Семья Клавдии была небедная, их в тридцатых годах раскулачили и сослали. Она одна под высылку не попала, ей родня и оставила семейные ценности.

Клавдию арестовали, забрали с собой Семёныча и уехали. Пётр Васильевич сообщил его сестре, жившей неподалеку, что дети остались одни, и попросил приютить их на время. Клавдию, может быть, отпустят, а с Семёнычем дело решённое, он уже не выкрутится.

Председатель сельсовета вернулся в милицию. Там находился Пётр и эксперт-криминалист, которому не хватило места в машине. Из райцентра должны были прислать другой транспорт, чтобы забрать его и тело капитана. Пока оно лежало на лавке в коридоре, на которой обычно сидели посетители.

По часам наступило утро, но за окнами было ещё темновато. Рассвет не особенно торопился, будто не хотел смотреть на то, что за ночь случилось в станице. Хлопнула входная дверь, кто-то вошел в коридор, и председатель с экспертом выглянули из кабинета, чтобы узнать, кого принесло в такую рань. В коридоре, прислонившись к косяку, стояла простоволосая Инна Ивановна и, не отрываясь, смотрела на лавку, где лежало тело её любимого. Оба мужчины тоже замерли на пороге. У Петра Васильевича сил не было объясняться с председательницей, а эксперт озадаченно спросил у него:

- Почему посторонние? Что она тут делает?
- Это не посторонние, – последовал ответ. – Это наш председатель колхоза и жена капитана.

Эксперт замолчал. А Инна Ивановна оторвалась от косяка, подошла к лавке, постояла секунд десять и упала на пол без чувств. Пётр Васильевич бросился к ней.

— Петро! — закричал он. — Воды неси! Скорей!

Комсорт прибежал с кружкой. Председатель сельсовета брызнул водой Инне Ивановне в лицо, она пришла в себя, её подняли и завели в кабинет. Эксперт подошёл, взял её руку и нашупал пульс. Посчитав про себя, руку отпустил, но передвинул свой стул поближе к ней. Она долго сидела и молчала. Наконец подняла голову и спросила:

— Поймали?

Пётр Васильевич коротко рассказал, что Семёныч ранен капитаном, их с Клавдией забрала районная милиция и уже увезла из села.

— Вон оно как, — произнесла председательница. — Так не Семёныч в банде главный. Он без Клавкиного позволения ничего не делает. Она всё придумала, она его заставила.

Слова Петра Васильевича, что Клавдия дома была, и её арестовали за недоносительство, она оставила без внимания, может быть, и не слышала их. Встала и вышла в коридор.

— Милиция-то заберет Максима, посижу ещё немного рядом, — с трудом выговорила она. — В последний раз нагляжусь на него.

Пётр Васильевич отвернулся и смахнул набежавшую слезу. Он даже не знал, кого ему больше жаль: погибшего капитана, которому уже всё равно, или Инну Ивановну, оставшуюся со своим горем до конца жизни.

8

Постепенно всё вернулось на круги своя. Инна Ивановна снова вышла на работу, пропустив всего три дня. Нужно было жить дальше, заканчивать уборку, хоронить капитана. Всё село пришло на его похороны. А место для могилы председательница выбрала возле его любимого камня на берегу реки, где они так много времени провели вместе.

Дочь она попросила перенести свадьбу. Хотела, как положено, отметить сорок дней. Была неверующей, но традицию решила не нарушать. Вот пройдут сорок дней, и годовщину Революции народ отгуляет, и свадьба будет настоящим праздником. Дочь согласилась. Она очень поддерживала мать в эти трудные дни. Договорились назначить свадьбу на следующее воскресенье после ноябрьских праздников.

А Инна Ивановна через пару недель почувствовала себя странно. Не сказать, что заболела, но вроде как и не совсем здорова. Развеять свои подозрения она направилась к фельдшеру Галине. А та её огорчила:

никаких сомнений, это беременность, срок – примерно девять недель. Инна Ивановна с Галиной и наплакались, и насмеялись, и в конце концов решили, что это счастье. Вместо потерянного любимого мужчины у неё будет ребенок от него, и она счастливая женщина.

Как-то ей понадобился председатель сельсовета. Проезжая вечером мимо, она увидела свет в окнах кабинета и завернула к нему. Все вопросы они решили быстро, а теперь просто молча пили чай. Пётр Васильевич смотрел на председательницу и думал, какая же перед ним сильная женщина, по ней совсем не скажешь, что только недавно она потеряла любимого человека. Было у него ещё одно дело, которое он должен был с Инной Ивановной обсудить, да вот никак не решался. Не знал, как она его своевольство расценит. А гостья вдруг заговорила сама – прямо и решительно:

– Пётр Васильевич! Ты мне друг?

– Самый что ни на есть! – сразу откликнулся он.

– Тогда слушай, новость у меня. Ещё никому не говорила, ты первый. Короче, на старости лет осчастливило меня Провидение или кто там ещё имеется, не знаю, но я беременна. Третьего дня Галина подтвердила: девять недель, да, считай, уже десять.

Она посмотрела на него испытующе, но никак не ожидала того, что за её словами последовало.

– Вот пусть мне кто скажет после этого, что Бога нет! – воскликнул председатель и забегал по кабинету.

Инна Ивановна была поражена и некоторое время наблюдала за такой реакцией, ничего не понимая. Наконец ей это надоело, и она спросила:

– Да что за странная речь? При чём тут Бог? Объясни уже, что не так-то?

– Всё так, Инночка! Я прав был! Сам Господь мою руку направил, он-то уже знал!

Пётр Васильевич выбежал в другой кабинет и вернулся с книгой записей актов гражданского состояния.

– Вот! Ты не ругайся только, выслушай. Я в тот злосчастный день назвал тебя женой Максима, и так мне в сердце это запало. Ведь кто ты, как не жена? Немного вам оставалось до свадьбы, и я подумал, что справедливо будет запись внести в эту книгу. Недаром я одновременно загсом руковожу, а Любовь Петровна – делопроизводитель. В основном все эти дела, записи разные, кто родился, кто помер, кто разводится и прочие, она ведёт. А я только подписываюсь. И тут меня надоумило. Пришёл я в то утро в сельсовет, её ещё не было на месте, да и внёс запись про вас. Подписи я

любые подделывать умею, за кого хошь распишусь, не отключишь, это с детства у меня, и почерк могу любой подделать. Вот и заявление написал за Максима и расписался за вас. А когда пришла Любовь Петровна моя, я ей сознался, что заглянули вы на мой огонек как-то поздненько и подали заявление. Я взял да и расписал вас. Потом работа началась, круговорть разная, и забыл ей сказать, да и сам забыл про это. До свадьбы ещё далеко, а других регистраций не было после вас, не так часто у нас женятся.

Повинился ещё, что Свидетельство о браке не выдал. Она уже слышала про гибель Максима, порадовалась, что вы успели пожениться. Меня в подделке не заподозрила. Так что не пропадёт Максимова фамилия, сыну перейдёт. И не спорь со мной! – предупредил он, увидев, что Инна Ивановна порывается что-то сказать. – У ребёнка отец должен быть! Сын Максима должен быть официально его сыном, сыном героя. Пусть знает, кто его отец. И все знают.

– Пётр Васильевич! Ты как додумался-то до подлога? Хотя так ведь и было: Максим меня упрашивал заявление подать и расписаться. А я со свадьбой этой придумала, чтобы вместе с дочкой. Какие же мы, бабы, дуры!

– Значит, всё правильно я сделал. А ты не болтай, никто и не узнает. Кроме тебя и меня об этом никто не знает и не должен узнать. Никакой это не подлог. Самая настоящая правда. Надоумили меня оттуда, – он показал в потолок, – я же не знал тогда, что ребёнок у тебя будет. А Он знал, вот и вручил мне ручку. А на свадьбе твоей дочки объявим и про регистрацию, и про сына. Считай, что и ваша свадьба состоится, Максим будет на ней присутствовать. Он верил в то, что наши близкие совсем не уходят, а знают всё про нас, огорчаются и радуются вместе с нами.

– Откуда ты знаешь, что у меня сын родится? А вдруг дочь?

– Знаю, и всё, – упрямо ответил Петр Васильевич.

9

Наступил апрель пятьдесят третьего года. День был тёплый, светило солнце, и уже расцвели тюльпаны. Вокруг Максимова камня, куда сегодня пришла Инна Ивановна, они тоже цвели. В основном, красные, но среди них встречались небольшие островки жёлтых. А на противоположном берегу тюльпанная краснота заливала всю степь до самого горизонта.

Инна пришла не одна, сегодня день был особый, Ванюшке исполнилось три года, и в его день рождения она взяла сына на встречу с отцом. Раньше тоже брала его с собой, но прошлым летом и осенью он был совсем мал, ещё ничего не понимал. И вот сейчас, увидев цветы, мальчик радостно взвизгнул и бросился собирать их. А мама показала ему, как это нужно делать правильно, чтобы получился красивый букет.

Пока сын занимался собиранием цветов, Инна начала убирать следы осени, сгребала листья, удивляясь, когда и откуда они смогли нападать, ведь приходила и обметала обелиск до самого снега. На второй год место вокруг камня было обустроено колхозом. Поставлен обелиск с красной звездой, вокруг вымощена большая площадка. У колхозников возникла традиция проводить здесь торжества в день гибели капитана и в День Победы. На обелиске была прикреплена доска с его именем и фамилией, датой рождения и смерти, а также портрет, который сделал Назар Вишня. Как считала Инна Ивановна, сделал очень хорошо. Глядя на портрет, она видела Максима, как живого, и разговаривала с ним, как с живым. Ей даже казалось, что выражение его лица меняется в зависимости от того, какие новости она ему сообщала, и только любовь, которую выражало его оживлённое лицо, никогда портрет не покидало.

Тщательно протерев обелиск, Инна присела на лавку рядом.

– Ну вот, Максимушка, и прибралась у тебя, – сказала она мужу. – Красота тут, Кубань, тюльпаны, простор, небо вон какое синее. Весна в свои права вступила, лето на пороге. Абрикосы твои у милиции цветут, везде ты свой след оставил успел, люди тебя до сих пор добром вспоминают. А сыночку нашему Ванечке три годика нынче исполнилось. Ну, да ты всё знаешь, я же обо всём рассказываю, когда бываю у тебя, и мне кажется, что ты рядом и слышишь меня. Спасибо тебе за сыночка, не знаю, как бы я иначе гибель твою пережила. Такой мальчик хороший получился, на тебя похож, копия. И добрый такой же, и умненький. Скажешь, каждая мать своего сына нахваливает, но его не только я хвалю. Пётр Васильевич им много занимается, мальчику ведь мужчина рядом нужен, тоже хвалит его. Вот в день рождения привела тебе показать, как вырос за зиму.

Тут к матери подбежал Ваня и, протянув ей букет красных тюльпанов, радостно засмеялся.

– Молодец какой! – воскликнула она. – Мы сейчас с тобой букет на папин обелиск положим. Здесь твой пapa лежит, я тебе говорила. Его сейчас с нами нет, но он всё равно нас с тобой любит, и мы его любим.

Она взяла сына за руку и подвела ближе, показала на портрет:

– Посмотри, какой он у нас красивый! Положи цветочки рядом, чтобы он мог всё время на них смотреть и радоваться, что это ему сынок собрал.

Ваня положил цветы, долго смотрел на портрет. А потом вдруг потянулся к нему, привстав на цыпочки, и поцеловал. Инна Ивановна замерла, она не ожидала такого поступка от своего ребёнка, но про себя подумала, что, видимо, отец мальчику понравился, и он так выразил свою

любовь. У неё повлажнели глаза, она промокнула их кончиком платка, а Ванюшка повернулся к ней и радостно сказал, что пойдёт гулять.

– Ну что ж, иди. Только бегай недалеко, чтобы я тебя видела. И к краю обрыва не подходи, там можно упасть.

Она снова вернулась к обелиску, но на лавку не села. Просто стояла, глядела на лицо Максима и рассказывала ему обо всём, что произошло за последнее время, порой повторяя то, что уже рассказывала. Ей нравилось говорить с ним:

– Ну вот, Максим, у нас в марте горе случилось, Сталин-то наш умер. Вот горе так горе, непонятно, что теперь со страной будет. Народ переживает сильно, а я им говорю, что всё обойдётся. Все люди смертны. Когда Ленин умер, такая беда приключилась, но нашёлся ему Иосиф Виссарионович на замену, всё преодолели. Сколько всего пережили, а выстояли, и сейчас не пропадём. Найдет партия замену ему. Нет, не замену, её не найдешь, а человека, который будет страной руководить. Партия ему поможет, и снова выстоим.

Да, ещё у нас зимой неприятное дело случилось. Вернулась Клавка из заключения, ей три года дали за недоносительство, хотя все наши считают, что она главарём банды была. Семёныча расстреляли, железнодорожного охранника тоже арестовали, не помню, сколько лет получил. Он оказался двоюродным Клавкиным братом. Доказать ничего не смогли про неё, они же её разве выдадут, а она баба хитрая, вывернулась. Да там целая банда была, потом выяснили. Вагон со скотом доезжал до самого Урала, не только в нашей станице воры были, в других местах тоже промышляли. Документы оформляли поддельные, но качественно делали, потому железнодорожники не знали, что это коровы краденые. Привозили в пункт назначения, а там уже скот продавали. Далеко от мест, где воровали, и опять же документы у них. Никто ничего не подозревал. И как только Клавка на них вышла? Наверное, через брата. Вот, получается, какую аферу благодаря тебе раскрыли. А Петро, помощник твой добровольный, у нас теперь участковым стал. Хороший парень, и дружина его при нём. Так что порядок в станице, не беспокойся.

Да, дети Клавкины у сестры Семёныча были, пока она сидела. Так колхозники собрание созвали и отказались её в колхоз принимать снова. Сказали: нам тут таких не надо, бери детей и езжай, куда хочешь. Что ей оставалось делать? Продала дом, от хозяйства что там осталось, и уехала. А я так благодарна станичникам нашим, не могу её видеть, хоть самой уезжай. Теперь на душе спокойно, а то бояться за Ванечку стала. Злая она. И родня её

злыдни были. Народ не обманешь. Видно, люди в ней тоже опасность разглядели.

Ну, что тебе ещё рассказать? Внучка у меня родилась, Алёнкой назвали. Второй годик уже пошёл, красивущая девчонка, бегает уже и говорить пытается. Сын вернулся, училище закончил, агрономом работает, женился тоже, к нашему дому себе пристройку сделал. Так что мы и вместе живём, и друг другу не мешаем. Тоже пополнение ожидает, но ещё не скоро, месяца четыре ждать. Так что растёт семья. Ванюшка меня с председателей снял: когда родила его, взяла самоотвод на собрании, и женщины меня поддержали. Теперь снова в школе директорствую, как и хотела, люблю с детьми возиться.

А Назар твой меня удивляет. Какие ты слова для него нашёл, не знаю, но совсем человек изменился. Бригаду подобрал, вдовы, пожилые колхозники на них буквально молятся. Каждому помочь стараются, и школе, и фельдшерскому пункту. Что ни попроси – всё сделают, и хорошо, не придерёшься. Пить совсем бросил, в семье лад да порядок. Протез ему новый сделали, говорит, ходить намного удобней стало.

А ещё чего удумал: пришёл ко мне в школу и попросил фотографии родственников твоих, сказал: «Знаю, что есть у вас, верну». И вернул. А через некоторое время притащил портреты: матери, отца, жены первой, сынишки, второй жены и тебя самого. Да какие портреты! Так похожи на фотографии, но намного лучше, как живые. И сказал: «Повесьте их в школе. Капитан говорил, кроме него их помнить некому, так давайте их всей станицей помнить будем». Я аж заплакала. Как раз 9 Мая подошло, и сделали мы в школе линейку, детям про тебя и твоих героических родных рассказывали. И школа наша теперь имя Ланцева носит, разрешили нам, утвердили наверху. Вот как хорошо вышло. Так что не переживай, твоих родных помним и тебя не забываем. Я вот думаю в школе музей сделать – про всех наших станичников, на войне погибших. Начали материалы собирать. И дети подключились, помогают, так что скоро музей откроем. К этому празднику Победы не успеем, а к следующему году точно всё готово будет.

Она замолчала, наблюдая за сынишкой. А тот, видимо, почувствовал её взгляд, подбежал к ней, начал теребить подол юбки:

– Мамочка, я устал! Я пить хочу, кушать хочу, ножки болят. Пойдём домой. Пожалуйста!

– Мой дорогой! Конечно, мы сейчас пойдём. Только водички я взяла и пирожок. Возьми, поешь, отдохни, а то нам идти ещё долго. Я пока немножко

цветочков нам домой нарву, чтобы дома красиво было. Ты же хочешь, чтобы дома было красиво?

Она оставила Ваню на лавке и, отойдя недалеко, набрала небольшой букет красных и жёлтых тюльпанов. Посмотрела на сынишку: довольный, мальчик уплетал пирожок. Инна подошла к могиле, погладила тёплый, нагретый солнцем обелиск. Провела рукой по портрету мужа. Сказала, прощаясь:

– Заболтала я тебя сегодня, Максимушка! Давно не была, вот и рассказываю всё подряд – и что раньше уже говорила, и что не говорила. Очень уж я люблю с тобой поговорить, как будто слышишь ты меня, а иногда даже отвечаешь, только тихо. Прислушаюсь, а слов не разберу, может быть, научусь со временем. Пойдём мы, Ванюшка устал, маленький ещё. Сейчас тепло стало, буду чаще приходить. Земля тебе пухом!

Инна Ивановна взяла за руку отдохнувшего сына, в пояс поклонилась обелиску, и они пошли по тропинке к станице. А капитан остался среди тюльпанов на берегу Кубани под мирным русским небом. Смотрел вслед уходящим родным и улыбался.